140
126

18 152 2 7

Квинта Горацїя Флакка

САТИРЫ

или

БЕСѢДЫ

СЪ ПРИМѢЧАНІЯМИ,

съ Латинскаго языка

преложенныя

Россїйскими Стихами

Академїи Наукъ Переводчикомъ

Иваномъ Барковымъ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ

При Императорской Академїи Наукъ. 1763 года.

Его Сїятельству

ГРАФУ

ГРИГОРЬЮ ГРИГОРЬЕВИЧУ

ОРЛОВУ,

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

ГЕНЕРАЛУ АДЪЮТАНТУ,

Дѣйствительному Камергеру,

Канцелярїи Опекунства Иностранныхъ Президенту,

и

Орденовъ Святаго Александра и Святыя Анны Кавалеру,

МИЛОСТИВОМУ ГОСУДАРЮ

нижайшее приношенїе.

Не пользу Сатиръ я хвалами возношу,
Но милостиво трудъ принять въ покровъ прошу,
Когда нѣтъ ничего на свѣтѣ толь худова,
Въ чемъ къ пользѣ не былобъ служащаго ни слова.
Находитъ нужное во всячинѣ пчела,
Чтобъ для себя и всѣхъ составить медъ могла:
Иному польза, смѣхъ милѣй другому хлѣба;
Двояка въ Сатирахъ содержится потреба,
Злыхъ обличенѣе въ злонравіи, и смѣхъ,
Въ которомъ правда вся безъ страха, безъ помѣхъ,
Какъ въ зеркалѣ, чиста представлена народу.
Даютъ ту Сатирамъ всѣ честные свободу,
У коихъ все лице на ружѣ, пятенъ нѣтъ;
Злонравной лишь одинъ то дерзостью зоветъ.
Когда любовные стихи увеселяютъ,
Что въ нѣжныя сердца соблазны вкореняютъ,
Не могутъ черезъ то противны людямъ быть,
Но каждой похвалу тѣмъ тщится заслужить,
Что двадцать разъ въ стихахъ напишетъ вздохи, слезы,
Не зная, что одни сто разъ твердятся грезы,
Лишь только виденъ въ нихъ пріятныхъ словъ приборъ.
Хоть щеткою бы кто, хоть вѣникомъ мелъ соръ,
Но всякой бы сказалъ, что съ полу соръ сметаетъ;
Такъ точно и слова любовникъ размножаетъ,
А сила въ множествѣ содержится одна.
Сатирику отъ Музъ свобода та дана,

Чтобъ племя исправлялъ чрезъ умный смѣхъ развратно,
Лишь тщетнобъ объ одномъ не говорилъ стократно.
Лишила вольности политика въ нашъ вѣкъ,
Чтобъ не былъ укоренъ на имя человѣкъ,
Какъ въ древни времена то дѣлали Піиты,
Чрезъ коихъ всякаго пороки въявь открыты.
Не толькожъ въ книгахъ злыхъ значатся имена,
Но и поступка ихъ народу знать дана,
За тѣмъ что дѣйствомъ ихъ пороки представлялись,
Дабы охотнѣе отъ оныхъ воздержались.
бумажка ничего не здѣлаетъ у насъ,
Хотя бы страсти въ ней описывать сто разъ,
Лишь видя въ ней себя порочной, какъ въ зерцалѣ,
Вдругъ броситъ, побѣжитъ онъ самъ смѣяся далѣ.
Когда и строгостью не льзя глупца унять,
То можетъ ли такой стыдъ съ совѣстію знать?
Примѣромъ могутъ имъ служить такія лица,
Которыхъ къ честности вела Творца десница,
Изящностію всѣхъ украсила добротъ,
И добродѣтелью прославила ихъ родъ;
А Милость нашея ЗАЩИТНИЦЫ и Сила
Въ сердцахъ ихъ оную сугубо утвердила,
И въ безопасный взявъ Россію всю покровъ,
Хранитъ и милуетъ, законы вводитъ вновь.
Выжъ, Исполнители премудрыхъ повелѣній,
Даете образъ, какъ избѣгнуть преступленій
И добродѣтельно на свѣтѣ людямъ жить,
Чтобъ общей МАТЕРИ могли угодны быть.
Щастливѣй для меня тѣмъ будутъ и Сатиры,
Когда не презришь Ты Гораціевой лиры.

Иванъ Барковъ

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Почти всѣ ученые согласно признаютъ, что нѣтъ въ свѣтѣ ниединаго произведенія человѣческаго разума такого, въ коемъ бы ничего полезнаго не заключалось. Горацій подтверждаетъ оное собственнымъ своимъ искусствомъ, что и смѣхомъ правду писать можно. Много такихъ сочиненій, кои только на правду похожи; однако строгое разсужденіе о содержаніи оныхъ покажетъ всякому, что въ нихъ хотя мало, однако что нибудь полезное находится. Что касается до намѣренія Сатиръ, то въ оныхъ единственно описываются разные пороки по различію страстей человѣческихъ. Но по елику люди, въ разсужденіи нравовъ, различны; то и особливые каждаго пороки пріятны быть могутъ тѣмъ, которые имѣютъ подобныя качества по пословицѣ: *подобной подобнаго ищетъ.* А хотя нравоучительная Философія и весьма ясно представляетъ намъ пороки и добродѣтели, но не столь она сильна перемѣнить склонности людей и привесть ихъ къ воздержанію, какъ Сатиры. Сатиръ, изображающій оныя живо, скоряе можетъ возбудить въ сердцахъ человѣческихъ отвращеніе отъ злонравія или паче омерзѣніе къ порокамъ. Горацій присуждаетъ каждому, какъ въ добрыхъ такъ и въ злыхъ своихъ дѣлахъ знать себя лучше, нежели оныя на театрахъ представляются. Сатиры его, писанныя разговоромъ, заключаютъ въ себѣ одно только нра-

нравоученіе, такъ какъ и письма, которыя не меньшей похвалы достойны; но я разсудилъ за благо лучше оныхъ не переводить, нежели подать о себѣ такое мнѣніе, будто бы чрезъ то хотѣлъ я унизить честь и славу Князя Антіоха Дмитріевича Кантемира, которыя имъ ужѐ переведены и при Академіи напечатаны. Можетъ быть благосклонный читатель найдетъ въ сихъ переведенныхъ мною Сатирахъ что нибудь неисправное; но я желаю, чтобъ худое великодушно исправя, вспомнилъ слѣдующей Горацїевъ стихъ:

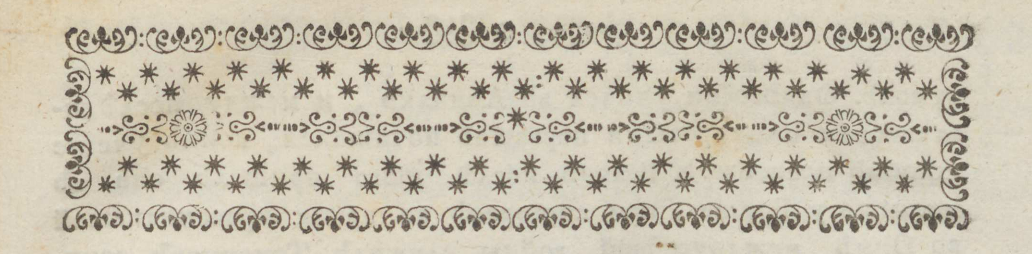
Verum ubi plura nitent in carmine, non ego paucis
Offendor maculis.

то есть:

Когда въ стихахъ красы и силы больше есть,
То малыя готовъ погрѣшности я снесть.

Естьли же сей мой трудъ не ненравенъ покажется, то я стараться буду въ угодность любителей Наукъ показать большіе въ подобныхъ упражненіяхъ успѣхи, сколько возможность и силы разума дозволятъ.

ЖИТІЕ



ЖИТІЕ

Квинта Горація Флакка.

Квинтъ Горацій Флаккъ родился въ Венузіѣ, пограничномъ городѣ къ Апуліи и Луканіи. Отецъ его былъ рабъ, пущенной на волю, какъ о немъ самъ Сатирикъ во многихъ мѣстахъ упоминаетъ. Незнатность рода, которую многіе изъ Римскихъ вельможъ въ укоризну ему вмѣняли, была Горацію почти главною причиною писать Сатиры, въ коихъ онъ наиболѣе всего доказываетъ, что прямое благородство состоитъ не въ знатности и древности предковъ и не въ великомъ достоинствѣ, но единственно въ добродѣтели, которой знатные Римскіе вельможи для безмѣрной роскоши весьма мало послѣдовали. Изъявляя ихъ пороки, приписываетъ онъ особливыя похвалы благодѣтелю своему Меценату, которой по Виргиліеву и Варіеву старанію содержалъ Горація въ отмѣнной любви и милости, какъ о томъ пишетъ въ Сатирѣ 6той, книги первой сими словами:

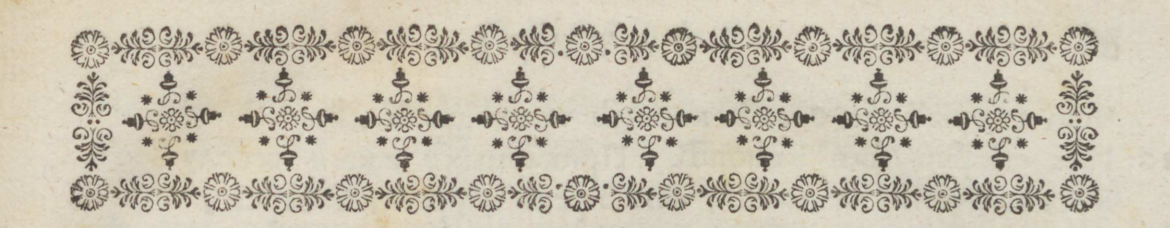
Мнѣ не Фортуна въ томъ свою являла службу,
Что въ милость Меценатъ пріялъ меня и дружбу;
Виргилій съ Варіемъ къ тому открыли слѣдъ,
И кто я, все о мнѣ сказали напередъ.

Посредственной достатокъ отца его, которой онъ получалъ отъ збору за продаемыя съ молотка вещи денегъ, былъ нѣкоторымъ побужденіемъ къ тому, что не хотѣлъ онъ бѣднаго своего состоянія здѣлать участникомъ и преемникомъ по себѣ Горація, но въ молодыхъ лѣтахъ отвезъ его въ Римъ для наукъ, гдѣ онъ весьма малымъ иждивеніемъ обучившись недостатокъ отца своего наградилъ разумомъ

зумомъ. Философiи учился въ Аѳинахъ , и между послѣдователями Епикуровыми перьвымъ почитался , коихъ ученiе потомъ пренебрегъ. Вскорѣ послѣ того пришелъ онъ въ милость у Брута , при которомъ во время происходившей въ Римѣ междоусобной войны служилъ Трибуномъ воинскимъ , и будучи взятъ въ плѣнъ Цесаремъ Августомъ по полученiи побѣды для Меценатова предстательства свобожденъ. За сiе благодѣянiе Горацiй въ стихотворныхъ своихъ сочиненiяхъ весьма чувствительно изъявляетъ благодарность и почтенiе свое къ Меценату и Августу , коимъ онъ для дружества Меценатова напослѣдокъ также любимъ былъ.

Хотя былъ росту малаго , но дебелъ тѣломъ , и притомъ подслѣпъ , какимъ самъ себя въ Сатирахъ описываетъ. Невоздержанiе его въ сластолюбiи довольно познать можно изъ сочиненныхъ имъ къ разнымъ любовницамъ своимъ пѣсенъ. Нравомъ былъ гнѣвливъ и непостояненъ , какъ оное видно изъ Сатиры 7мой , книги 2 , въ коей слуга обличаетъ легкомысленные поступки своего господина ; ибо Горацiй иное оказывалъ дѣломъ , нежели что говорилъ словами. Изъ разныхъ его стихотворенiй за наилучшiя почесть можно Сатиры или Бесѣды и Письма , въ коихъ по большей части строгое Философское нравоученiе заключается , а особливо тамъ , гдѣ онъ хотя язвительнымъ и забавнымъ слогомъ , но впротчемъ сильными доводами и примѣрами Стоиковъ и Епикурово ученiе опровергаетъ. Послѣднiя изъ сихъ , то есть письма Горацiевы , преложены на Россiйской языкъ образомъ древняго стихосложенiя Княземъ Антiохомъ Дмитрiевичемъ Кантемиромъ , кои въ 1744мъ году напечатаны. Письмо о стихотворной наукѣ къ Пизонамъ , переведенное покойнымъ Профессоромъ Николаемъ Поповскимъ , изъяснивъ оное примѣчанiями , присовокупилъ я при концѣ сихъ Сатиръ для того , чтобъ толь достойной трудъ не лишенъ былъ должной похвалы и у потомства. Умеръ пятидесяти девяти лѣтъ , и погребенъ въ Эсквилахъ возлѣ Меценатова гроба.

САТИРА 1.



КВИНТА ГОРАЦІА ФЛАККА
Сатиръ книга перьвая.

Сатира I.

ТАНТАЛЪ.

Скажи мнѣ, Меценатъ, что въ мірѣ ропщетъ всякой,
Что жребїй каждаго и чинъ неодинакой,
И хвалитъ званія различныя людей,
Доволенъ не хотя быть долею своей?
Разслабленъ древностью и изнуренъ трудами,
Блаженны, говоритъ салдатъ, купцы торгами.
Купцу, когда корабль терзаетъ буря зла,
Воинска служба тѣмъ быть кажется мила,

А Что

Примѣчанїя.

Въ сей перьвой сатирѣ стихотворецъ обличаетъ сребролюбцевъ, доказывая, что непостоянство и легкомыслїе удобнѣе сносить можно, нежели оный порокъ. Приписалъ онъ сїю сатиру Меценату, своему благодѣтелю, и весьма знаменитому мужу въ Римской республикѣ, производившему родъ свой отъ древнихъ Этрусскихъ Царей, въ томъ разсужденїи, что какъ вельможи управляя гражданами должны воздерживать ихъ отъ злыхъ нравовъ, такъ и сами отъ пороковъ всячески удаляться долженствуютъ.

Ст. 6. *Блаженны, гопоритъ салдатъ* и проч.) Сочинитель обличаетъ во первыхъ непостоянство лю-

Что скорый на боях конец приходит дѣлу,
Иль смерть или живот. Приказных жизнь веселу
Крестьянин хвалит, что пред утренней зарей,
Тьма челобитчиков толчется у дверей:
Он в город вытащен, и дав порук неволей,
О коль щастливы тѣ, кричит, своею долей,
Которы в городах живут без всѣх сует!
Толико сих людей наполнен цѣлый свет,
Что могут Фабія жужжаніем замучить.
Послушай, чтоб тебѣ медленьем не наскучить,
К чему здѣсь идет рѣчь? Вот тайна слов моих:
Когда бы бог какой ко удовольству их
Сказал: Се вашей я споспѣшествую волѣ,
Купцем будь, воином кто слыть не хочет болѣ;
Кто землю драл сохой, судьей с сего будь дня,
И с тѣм останься всяк, свой жребій премѣня.
Чтож медлите? вдруг всѣм блаженство станет скучно,
Хоть воля есть вести житье благополучно.

Не

дей, которые и малаго нещастія великодушно и без роптанія сносить не могут.

Ст. 10 и 11. *Приказных жизнь песелу крестьянин хпалит* и проч.) Хотя жизнь приказных для многих беспокойств и опасностей, особливо в судных и вотчинных приказах, веселить не может; но самыя беспокойства от челобитчиков для непозволенных прибытков оным весьма пріятны бывают.

Ст. 13. *Он п город пытащен и дап порук неполей*) Крестьян по большой части таскают в приказы за неплатеж податей или подушных денег, гдѣ оным предписывают срок платежа и берут с них порук, чтоб неотмѣнно на тот срок в платежѣ исправны были.

Ст. 17 *Что могут Фабія жужжаніем замучить*) Может быть, что сей Фабій был сварливой и незгогорчивой стряпчей или ябедник, которой за многих входил в тяжбы; ибо не рѣдко судьи для крику и беспокойства таких сварливых людей принуждены бывают поспѣшать в произведеніи суда, или не медля рѣшить самое дѣло. Нѣкоторые говорят, что сей Фабій держался стороны Помпеевой, и с Горацієм имѣл великой спор о Стоическом

Не долженъ ли на нихъ сей богъ разгнѣванъ быть,
И можетъ ли мольбы впредь съ милостью внушить?
Не должножъ мнѣ мѣшать прямое съ смѣхомъ дѣло;
Да что препоной смѣхъ писать и правду смѣло?
Какъ дѣтямъ пряники учители сперьва
Даютъ, чтобъ азбучны твердили тѣ слова,
Безъ шутокъ пойдемъ въ цѣль дорóгою прямою.
На новыхъ нивахъ кой ведетъ бразды сохою,
И поспѣшающїй въ далекїй путь пловецъ,
Чтобъ море изъ конца перебѣжать въ конецъ,
И вóинъ, и корчмарь все обще подтверждаютъ,
Что въ томъ намѣреньи трудъ тяжкїй принимаютъ,
Чтобъ въ старости безъ бѣдъ покойну жизнь вести,
Когда удастся хлѣбъ свободный припасти.
Какъ малый муравей, что можетъ, отовсюду,
Дая примѣръ трудовъ, въ одну все сноситъ груду,
И нужду будущу предвидя впредь пасетъ:
Какъ въ водный изъ овна знакъ солнце перейдетъ,
Тогда питается готовымъ всѣмъ съ покоемъ;
А ты не можешь быть удержанъ солнца зноемъ,
Ни лютою зимой, огнемъ, водой, мечемъ,
Чтобъ не хотѣлъ искать своихъ прибытковъ въ чемъ.
Пускай тебѣ въ алчбѣ несытой нѣтъ препятства,
Чтобъ больше всѣхъ другихъ ты прїобрѣлъ богатства;

ученїи. Написалъ также нѣсколько книгъ о Стóической философїи.

Ст. 34. *На новыхъ нивахъ кой ведетъ бразды сохою*) Кто упражняется въ земледѣлїи. Доселѣ говорилъ авторъ о непостоянствѣ; теперь о сребролюбїи рѣчь начинаетъ.

Ст 44. *Какъ въ водный изъ овна знакъ солнце перейдетъ*) Когда солнце изъ овна вступитъ въ знакъ Водолея, тогда начинается худая погода, стужа и сильные дожди, что предъявляетъ приближающуюся зиму.

Ст. 46. *А ты не можешь быть и проч.*) разумѣется всякой сребролюбецъ, которой всѣ препятствїя и беспокойства презираетъ для прїобрѣтенїя богатства.

Чтожъ пользы принесетъ несмѣтная казна,
Зарыта будучи въ землѣ тобой она?
Въ остаткѣ будетъ грошъ: по малу убавляя.
Не прахъ ли безъ того и груда золотая?
Хотябъ сто тысячъ мѣръ ты хлѣба съ пашенъ сжалъ,
Не большебъ моего желудку дани далъ.
Межъ продающихся слугъ кошъ носи съ снопами,
Другой съ пустыми пусть таскается руками,
Не больше за тебя цѣны дадутъ того,
Кто на плечахъ своихъ не носитъ ничего.
Предѣлы кто хранитъ естественныхъ законовъ,
Сто-ль выпашетъ земли, иль тысячу загоновъ,
Такому нужды нѣтъ отнюдь то разбирать;
Тебѣ лишь изъ большой пріятно кучи брать.
Когда изъ малой я расходъ имѣю равный,
Чтожъ больше житницы сусѣковъ нашихъ нравны?
Такъ естьли нужда вся въ ведрѣ воды твоя,
То могъ бы почерпнуть ты столько изъ ручья;
Однако на рѣку бѣжишь, оставя лужу,
Гдѣ можешь потопить завистливую душу,

Какъ

Ст. 53. *Въ остаткѣ будетъ грошъ* и проч.) Стихотворецъ въ лицѣ сребролюбиваго самъ себѣ отвѣтствуетъ на предъидущей вопросъ, разумѣя въ сихъ словахъ безмѣрную алчбу къ деньгамъ сребролюбивыхъ людей, которые и гроша жалѣютъ употребить на необходимую свою нужду.

Ст. 61. *Предѣлы кто хранитъ естественныхъ законовъ.*) Тотъ живетъ по правиламъ натуральныхъ законовъ, кто малымъ доволенъ, и о стяжаніи великаго богатства не печется. Когда человѣкъ имѣетъ пропитаніе и къ содержанію жизни потребное, натуральной законъ излишняго искать, наипаче лихоимствомъ и неправдою, не дозволяетъ.

Ст. 65 и 66. *Когда изъ малой я расходъ имѣю равный, чтожъ* и проч.) Разумный столькоже малымъ довольтвоваться можетъ, сколько скупой большимъ, потому что тотъ съ умѣренностію ведетъ свои расходы, а сей при великомъ имѣніи себя изнуряетъ, что въ слѣдующихъ стихахъ авторъ примѣромъ изъясняетъ, опровергая онымъ предложеніе скупаго, что ему изъ большой кучи брать пріятнѣе, нежели изъ малой.

Какъ быстра невзначай рѣка подмывъ песокъ,
Покажетъ, сколь ея отъ верьху низъ глубокъ.
Лишенный суеты излишной и безпутной
Не тонетъ, и воды ни почерпаетъ мутной;
А коихъ вредная излишность веселитъ,
Обыкновенно тѣхъ рокъ скорый такъ губитъ.

Влекома больша часть людей желаньемъ тщетнымъ,
Имѣньемъ не хотятъ довольны быть несмѣтнымъ;
Резонъ тому, что всякъ по деньгамъ цѣнитъ честь.
Возможноль въ здравый умъ глупца сего привесть?
Оставь, чтобъ нищету сносилъ онъ, коль угодно,
Когда обычаю его нищетство сродно.
Въ Аѳинахъ, говорятъ, подобный былъ кремлякъ,
Жилъ гадко, презиралъ молву народну такъ:
Что хочетъ обо мнѣ бредь Ѳомка да Ерёма,
Какъ съ деньгами сундукъ открою, веселъ дома.
Томимый жаждою поймать ртомъ Танталъ мнитъ
Ту воду, что отъ губъ запекшихся бѣжитъ.

Ст. 79. *Всякъ по деньгамъ цѣнитъ честь*) Многіе говорятъ, что надлежитъ копить деньги для пріобрѣтенія почтенія отъ людей, въ какомъ разумѣніи толковать должно обыкновенную народную пословицу: *по платью встрѣчаемъ, а по уму провожаемъ*, то есть: въ богатомъ платьѣ и глупца съ честію пріемлемъ, а естьли разуменъ, но убогъ, такого скоряе проводить стараемся.

Ст. 81. *Оставь, чтобъ нищету сносилъ онъ*, и проч.) Подлинно сребролюбцы съ великимъ богатствомъ добровольно нищету претерпѣваютъ.

Ст. 87 и 88. *Томимый жаждою поймать ртомъ Танталъ мнитъ ту воду* и проч.) Танталъ, Коринѳской, или какъ Евсевій объявляетъ, Фригійской Царь, по баснословію стихотворцевъ, за невоздержной языкъ отъ боговъ наказанъ такъ, что онъ стоя въ адской рѣкѣ Ериданѣ по самое горло непрестанною жаждою томился. Сію басню Горацій толкуетъ здѣсь о сребролюбивыхъ, коихъ безмѣрную оную жадность къ деньгамъ Овидій уподобляетъ водяной болѣзни такимъ образомъ:

Quo plus potantur, plus sitiuntur aquae.
то есть:
чѣмъ болѣе страждущіе водяною

Чему смѣешься? знать здѣсь имя не дается,
А пѣсня о тебѣ, то премѣня, поется.
Карпишь надъ деньгами, не спя ни день ни ночь,
И отступить отъ нихъ на часъ не хочешь прочь;
Летаютъ по мѣшкамъ недремлющіе взоры,
Которые вокругъ себя обклалъ, какъ горы,
И будто святость чтить ты въ деньгахъ принужденъ,
Боишься, какъ грѣха, быть къ нимъ прикосновенъ;
Иль какъ на живопись зря не отводишь ока,
Но пользы въ нихъ прямой не знаешь самъ и прока.
За деньги достаемъ хлѣбъ, брашно и питье,
И все то, смертныхъ чемъ содержится житье.
Или по твоему всякъ часъ не знать покою,
Бояться злыхъ воровъ днемъ и ночной порою,
Пожаровъ и рабовъ невѣрныхъ трепетать,
Чтобъ обокравъ тебя не вздумали бѣжать?
Я лучшебы желалъ во вѣки быть убогимъ,
Какъ беспокойну жизнь имѣть съ богатствомъ многимъ.
Когдабъ ты водяной болѣзнью захворалъ,
Или другимъ какимъ недугомъ боленъ сталъ;
То ты имѣя, ктобъ присматривалъ въ болѣзни,
Не сыщешь ни кого, хотя со всѣмъ исчезни.
Не будетъ о тебѣ никто просить врача,
Чтобъ здраваго съ одра возставилъ излѣча.
Не хочетъ ни жена, ни сынъ, чтобъ былъ ты здравый,
И ненавистны всѣмъ твои сосѣдамъ нравы;

Гну-

болѣзнію пьютъ воды, тѣмъ больше жажда въ нихъ умножается.

Ст. 89. *Чему смѣешься* и проч.) Говоритъ скупому.

Ст. 99. *За деньги достаемъ хлѣбъ, брашно и литье.*) Сатирикъ исчисляетъ здѣсь тѣ нужныя вещи, на покупку которыхъ деньги необходимо потребны, и безъ коихъ человѣческая натура пробыть не можетъ.

Ст. 110. *Не сыщешь никого* и проч.) Потому что всякому ненавистенъ для безмѣрнаго сребролюбія, на всѣхъ подозрѣваетъ и всѣхъ чуждается.

Гнушаяся тобой знакомцы отстаютъ;
Ребята отъ тебя и дѣвки прочь бѣгутъ.
А ты, кой деньгами, какъ Нимфою, плѣнился,
Дивишься, что постылъ всѣмъ ставъ, любви лишился.
Да что, хотя бы ты отъ кровныхъ дружбы ждалъ,
Которыхъ долгъ къ тому натуры обязалъ?
Терялъ бы трудъ, ища въ свою склонить ихъ волю,
Какъ учитъ кто осла взнуздавъ бѣжать по полю.
Ужъ время положить конецъ твоей алчбѣ,
И чѣмъ ты болѣе богатствъ скопилъ себѣ,
Тѣмъ меньше отъ грозы убожества да стонешь;
Или коль по-уши въ нажитыхъ деньгахъ тонешь,
Старайся окончать твой неусыпный трудъ,
И таковымъ, каковъ Нумидій былъ, не будь.
Коротка баснь: богачъ ссыпаетъ деньги мѣрой,
А гнусной на плеча жупанъ вздѣваетъ сѣрой,
И лучшихъ, какъ слуга, не носитъ онъ украсъ,
Боясь, чтобъ не постигъ отъ глада смертный часъ.
Чтожъ мнѣ совѣтуешь, жить скупо иль роскошно?
А двухъ противныхъ свойствъ въ одно привесть не можно.
Никакъ; когда твой глазъ за скупость я колю,
Быть мотомъ черезъ то и плутомъ не велю.
Имѣютъ разнь скопецъ и килой отягченный.
Всѣ вещи точными предѣлы огражденны;

Кто

Ст. 122. *Какъ учитъ кто осла взнуздавъ бѣжать по полю*) Извѣстно, что оселъ такой лѣнивой скотъ, котораго никакъ къ скорому бѣжанію понудить не льзя; а кто гнать его старается, тотъ напрасно трудъ свой теряетъ.

Ст. 132. *Боясь, чтобъ не постигъ отъ глада смертный часъ*) Гнусной богачъ для того украшаться не хочетъ, или по крайней мѣрѣ пристойно и порядочно содержать себя въ разсужденіи одежды, что онъ думаетъ, будто такимъ образомъ наконецъ съ голоду умереть принужденъ будетъ. Таковъ былъ Нумидій, о которомъ стихотворецъ выше въ сей сатирѣ упоминаетъ.

Ст. 133 *Чтожъ мнѣ совѣтуешь и проч.*) Сей вопросъ скупаго къ Горацію.

Кто не дойдетъ, или преступитъ ихъ, грѣшитъ.
Рѣчь къ прежнему моя источнику спѣшитъ:
Никто такъ, какъ скупой, себя не выхваляетъ,
Но паче разны всякъ затѣи вымышляетъ;
Никто не сохнетъ такъ съ досады, какъ скупецъ,
Зря у чужой овцы млекомъ полняй сосецъ.
Гнушаясь быть причтенъ къ нищетскому собору,
Чтобъ всѣхъ богатѣй быть, ползетъ съ горы́ на гору;
И такъ чѣмъ выше мнитъ подняться для богатствъ,
Тѣмъ болѣе въ алчбѣ находитъ онъ препятствъ,
Крушась, что у другихъ зритъ болѣе достатковъ.
Подобно какъ Ѣздокъ въ скачь гонитъ безъ оглядковъ,
Стараясь упредить тѣхъ, кои впереди,
И остающимся смѣяся позади,
За тѣмъ что рѣдко кто себя довольнымъ скажетъ,
И рѣдко кто въ гробъ, проживъ спокойно, ляжетъ;
И сыщетсяль еще на свѣтѣ человѣкъ,
Кой съ удовольствіемъ такимъ скончалъ бы вѣкъ,

Какъ

Ст. 141. *Никто такъ, какъ скупой и проч.*) Сребролюбивой на деньги смотря веселится, и самъ собою любуется; напротивъ того прочіе, будучи состояніемъ своимъ недовольны, одинъ другому всегда завидуютъ.

Ст. 144. *Зря у чужой овцы млекомъ полняй сосецъ*) Подобно сему говоритъ Овидій:

Fertilior ſeges eſt alieno ſemper in agro,
Vicinumque pecus grandius vber habet.

то есть:

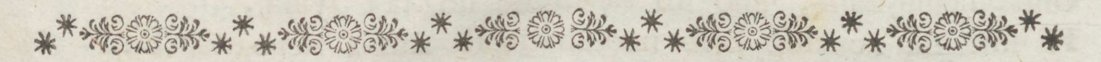
Обильнѣй на чужомъ и хлѣбъ родится полѣ,
И у сосѣда скотъ сосцы имѣетъ болѣ.

Ст. 148. *Тѣмъ болѣе въ алчбѣ находитъ онъ препятствъ*) Скупой хотя впрочемъ собою доволенъ, однако отъ безмѣрнаго сребролюбія чувствуетъ то мученіе, что другаго, кого достаточнѣе себя видитъ, богатствомъ превозмочь не можетъ, что изъясняетъ стихотворецъ въ слѣдующихъ по семъ стихахъ примѣромъ Ѣздока, которой взапуски съ другими скачетъ.

Ст. 154. *И рѣдко кто во гробъ, проживъ спокойно, ляжетъ*) Скупые и завистливые не токмо во всю свою жизнь о пріобрѣтеніи богатствъ пекутся, но и при самой смерти жадность къ сребролюбію въ нихъ не исчезаетъ.

Какъ послѣ честный гость прохладнаго обѣда
Встаетъ изъ за стола доволенъ у сосѣда.
Умолкну, и къ перу не приложу руки;
Криспиновы обкралъ ты, скажутъ, сундуки.

Ст 160. *Криспиновы обкралъ ты, скажутъ, сундуки*) Стихотворецъ заключаетъ забавнымъ осмѣяніемъ нѣкотораго Стоическаго философа, которой чрезмѣрно плодовитъ былъ въ рѣчахъ.



Сатира II.

КУПІЕННИЙ.

Поносныхъ тварей сонмъ, ханжи и лицемѣры,
Обманщики, льстецы, безстыдныя химеры,
И весь подобной симъ печалится причетъ,
Что щедраго пѣвца въ живыхъ Тигелла нѣтъ.

Примѣчанія.

Горацій сочинилъ сію сатиру въ томъ намѣреніи, чтобъ молодыхъ и сластолюбныхъ людей чрезъ обличеніе ихъ злонравія привесть къ воздержанію, наипаче отъ прелюбодѣйства, въ чемъ они не токмо великой трудъ полагаютъ, но не меньшій убытокъ и бѣдствіе терпятъ, доказывая, что такія непотребныя ихъ желанія безъ нещастія исполниться не могутъ.

Ст. 1. *Поносныхъ тварей сонмъ и проч.*) Подъ симъ стихомъ разумѣются всѣ тѣ, кои шутками, ласкательствомъ, ложью, обманами, отъ всякаго слѣда добродѣтели и честности со всѣмъ удалились, каковы суть ханжи, скоморохи, плясальщики и имъ подобные.

Ст. 2. *Безстыдныя Химеры*) разумѣются непотребныя женщины, которыя молодыхъ людей безстыдными своими поступками въ соблазнъ приводятъ.

Ст. 4 *Что щедраго пѣвца въ живыхъ Тигелла нѣтъ*) Маркъ Тигеллій Гермогенъ въ музыкѣ былъ весьма искусенъ, притомъ имѣлъ нѣжной голосъ, за что Іулій Цесарь будучи Диктаторомъ принялъ его въ милость, а послѣ того и Клеопатрою весьма любимъ былъ, также и у Августа Цесаря пріятнымъ пѣніемъ и забавными шутками снискалъ себѣ дружество.

Сей напротивъ того, хотя бы другъ убогій
былъ голоденъ и нагъ, не хочетъ дать подмоги,
боясь людской молвы, чтобъ мотомъ не прослыть:
Другой, когдабъ его кто вздумалъ вопросить,
Почто имѣніе отца его и дѣда
беспутно тратитъ онъ для пышнаго обѣда,
О ростѣ и долгахъ великихъ не тужа;
Отвѣтствуетъ, что въ немъ не подлая душа,
И что не хочетъ онъ паршивцомъ жить негоднымъ:
И мотомъ по сему слыветъ и благороднымъ.
Фузидій пашнями и деньгами богатъ,
Кой тысящны давать въ ростъ суммы тороватъ,
Но со́ ста по пяти процентовъ въ мѣсяцъ лупитъ,
боясь, что естьли въ томъ не строго онъ поступитъ,
И буде мало въ чемъ послабитъ должникамъ,
Причтется къ вѣтренымъ вертушкамъ и плутамъ.
И такъ чемъ болѣе изъ нихъ мотать кто любитъ,
Тѣмъ чивѣе даетъ въ ростъ, и долги сугубитъ,
Ища лѣтъ мужескихъ достигшихъ молодцовъ,
Которымъ воли нѣтъ отъ суровыхъ отцовъ.

Не

впротчемъ музыкантамъ, театральнымъ игрокамъ и шутамъ давалъ великія подарки; чего ради всѣ сіи о смерти его печалились.

Ст. 5. *Сей напротивъ того* и проч.) Стихотворецъ представляетъ здѣсь двухъ человѣкъ противнаго свойства, то есть расточительнаго и скупаго, и соотвѣтствующія мѣстоименія *сей* и потомъ *другой*, первое касается до сребролюбца, а послѣднее до роскошнаго.

Ст. 15. *Фузидій пашнями и деньгами богатъ*) въ лицѣ Фузидія Горацій представляетъ въ примѣръ какогонѣесть преподлаго Римлянина, которой былъ безмѣрно скупъ для того, чтобъ не почли его за расточительнаго и мота, такъ какъ Тигеллій былъ для всякаго тороватъ, чтобъ его щедрымъ почитали. Сей всякаго даритъ, а тотъ даетъ въ ростъ деньги.

Ст. 24 *Которымъ воли нѣтъ отъ суровыхъ отцовъ*) Въ Римскомъ Сенатѣ узаконено было, чтобъ молодымъ людямъ, кои живутъ еще подъ присмотромъ отцовъ своихъ, въ долгъ денегъ не давать, дабы они отцовскихъ имѣній не расточили; но Фузилій для того ихъ ссужалъ, чтобъ болѣе взять съ нихъ росту.

Не удивитсяль всякъ, взмахнувъ руками розно,
Какъ скажутъ, что деретъ проценты столь несносно?
Иль развѣ то о немъ подумаетъ народъ,
Что держитъ онъ великъ по прибыли расходъ;
Однакъ едва тому повѣрить льзя удобно,
Какъ изнуряетъ онъ себя и мучитъ злобно.
Не меньше подлинно крушится сей скупецъ,
Какъ сына съ глазъ согнавъ Терентіевъ отецъ.
Спроси же кто, о чемъ здѣсь дѣло? тотъ узнаетъ:
Харибды кто бѣжитъ, на Сциллу попадаетъ.
Когда стараются порока избѣжать,
Въ противной дураки обыкли попадать.
Иной привыкъ ходить раздувшись долгополымъ;
Хоть скачетъ фертикомъ другой, но равенъ съ голымъ;
Тотъ нѣженъ черезъ чуръ, а сей щоголеватъ.
Мастьми душистъ Руфиллъ, козлу Горгоній братъ,

Ст. 32. *Какъ сына съ глазъ согнавъ Терентіевъ отецъ*) То есть, Фузидій не меньше себя мучитъ и изнуряетъ добровольною бѣдностію, скупостію и сребролюбіемъ, какъ въ комедіи Терентіевой Менедемъ, которой самъ себя кленетъ и осуждаетъ за то, что чрезмѣрною строгостію отлучилъ отъ себя сына.

Ст. 34. *Харибды кто бѣжитъ, на Сциллу попадаетъ*) Сіе значитъ изъ одной бѣды бѣжимъ въ другую, или, какъ мы просто говоримъ, *изъ огня въ поду*. Впротчемъ *Харибдою* называлась безмѣрной глубины пучина на Сицилійскомъ морѣ; а Сцилла, по баснословію стихотворцевъ, была дочь Форціева, превращенная въ морской камень плавающимъ весьма опасной, которой изъ-дали казался въ видѣ женщины, а ударяющіе въ него вόлны издавали волчій вой и лаяніе псовъ. Какъ та такъ и другая значатъ опасныя на морѣ мѣста, находящіяся между Италіею и Сициліею.

Ст. 35 и 36. *Когда стараются порока избѣжать* и проч.) Сія есть сила всей сатиры, чтобъ показать безуміе людей, которые по любви къ самимъ себѣ думаютъ, что они только разумны, хотя большая часть изъ нихъ, оставя одно дурачество, за другое принимается.

Ст. 40. *Мастьми душистъ Руфиллъ, козлу Горгоній братъ*) То есть, хотя люди въ прихотяхъ между собою не сходствуютъ, но какъ того такъ и другаго обычаи порочны. Тоже почти изъясняетъ наша пословица: *Горшокъ котлу насмѣхается, а оба черны.*

Благопристойнаяжъ посредсвенность забвенна
У тѣхъ, которыхъ мысль сластямъ порабощенна.
Бываетъ въ склонности одной не безъ отмѣнъ;
Есть, коихъ веселитъ любовь замужнихъ женъ,
Другіежъ тѣмъ себя отъ оныхъ отмѣняютъ,
Что страсти тамъ предѣлъ, гдѣ должно, полагаютъ.
Увидѣвъ юношу не подлаго Катонъ,
Что изъ безчестнаго выходитъ дому онъ,
Изрядно дѣлаешь, дружокъ, сказалъ безъ брани;
Въ чужія не садись никто отважно сани,
Но лучше на простой наемной клячѣ сѣсть
Тому, въ комъ сильная къ ѣздѣ охота есть.
Подобной похвалы Купенній не желаетъ,
Кой пра́вилу сему противно поступаетъ.
Послушайте, каковъ прелюбодѣйства плодъ,
Которымъ мерзокъ есть сластолюбивыхъ родъ,
Сколь полны горести бываютъ, бѣдствъ и плача
Утѣха краткая и рѣдкая удача.
Тотъ съ кровли полумертвъ скочилъ, иль изъ окна,
Другому до костей изсѣчена спина;
Иной, бѣжа съ двора, несчетны видѣлъ страхи,
И на воровъ напавъ облупленъ до рубахи;
Тотъ деньгами едва отсыпатся возмогъ,
Другой обруганъ весь отъ головы до ногъ.

Не

Ст. 47. *Увидѣвъ юношу не подлаго Катонъ* и проч.) Маркъ Порцій Катонъ, римской Сенаторъ, увидѣвъ честнаго человѣка, когда онъ выходитъ изъ непотребнаго дому, похвалилъ его, съ тѣмъ разсужденіемъ, что надлежитъ обуздывать сластолюбіе, но въ вину того ставить не должно; а какъ послѣ того примѣтилъ, что сей юноша часто изъ того же дому выходитъ, сказалъ: мальчикъ! я тебя похвалилъ за то, что временемъ сюда приходишь, а не за то, что здѣсь живешь.

Ст. 53. *Подобной похвалы Купенній не желаетъ*) Купенній Либонъ, родомъ Кумаңецъ, знатенъ по тому, что Августомъ любимъ былъ. Впротчемъ великую охоту имѣлъ нѣжить свое тѣло, и къ

Не рѣдко дорога и тѣмъ любовь приходитъ,
Что послѣ жизнь иной скопцемъ по смерть проводитъ.
Всякъ праведнымъ такой о сихъ чтитъ приговоръ,
Лишь Галба, имъ дружа, въ противной идетъ споръ.
Гораздо менѣе подверженъ тотъ нещастью,
Кто сею зараженъ къ отпущеницамъ страстью,
Не меньше коими Саллустїй Криспъ плѣненъ,
Какъ тотъ, кто женъ чужихъ любовью ослѣпленъ.
Когда бы здраваго разсудка онъ держался,
И щедрымъ быть при томъ не свыше силъ старался,
Но по пристойности расходы бы держалъ
Безчестьябъ лишняго и траты избѣжалъ.
Но тѣмъ любуется и хвалится собою.
Что не волочится онъ за чужей женою:

любви замужнихъ женъ весьма былъ склоненъ.

Ст. 68. *Лишь Галба имъ дружа въ противной идетъ споръ*) Сїя язвительная укоризна касается здѣсь до Сервїя Галбы, которой якобы отвѣтствуетъ за прелюбодѣевъ, что съ ними несправедливо толь жестоко поступаютъ, потому что по древнему римскому узаконенїю за прелюбодѣйство только денежьной штрафъ положенъ былъ. Сей Галба былъ стряпчимъ, и весьма склоненъ къ женскому полу.

Ст. 70. *Кто сею зараженъ къ отпущеницамъ страстью*) *Отпущеница* называется раба пущенная на волю, или такая, которая родилась отъ уволеннаго раба. Между тѣмъ знать должно, что по римскимъ законамъ съ тою только отпущеницею прелюбодѣйство ни вочто вмѣнялось, которая не хотѣла быть наложницею своего опекуна; напротивъ того естьли такая отпущеница была его наложницею, то почиталось прелюбодѣйство въ вину, по тому что оная имени честной жены не лишалась. Смотри у Папинїана въ книгѣ 16. А. 1.

Ст. 71. *Не меньше коими Саллустїй Криспъ плѣненъ*) Саллустїй Криспъ, писатель римской исторїи, такою неистовою страстью зараженъ былъ къ отпущеницамъ, какою прелюбодѣй къ чужимъ женамъ плѣненъ бываетъ; и когда за то ему въ Сенатѣ выговаривано было, то отвѣтствовалъ, что онъ не чужихъ и честныхъ женъ, но отпущеницъ любовїю довольствуется; за что изъ Сената выгнанъ, какъ о томъ самъ въ книгѣ о войнѣ Катилининной упоминаетъ.

Какъ нѣкогда Марсей любовїю жегомъ
Оригѣ подарилъ отцовъ съ помѣстьемъ домъ,
И также говорилъ: не лакомлюсь чужбинкой.
Но лакомымъ живешь до щедрыхъ сестръ дѣтинкой,
И былибъ для тебя здоровы лишь они;
Не толькожъ тутъ добро и деньги изъ мошни,
Но купно доброе теряетъ имя честной.
Когда ты не бѣжишь всего, въ чемъ вредъ извѣстной,
Довольно ли того быть воздержанья мнишь,
Что только честныхъ женъ касаться не радишь?
Худое о себѣ вперить въ народѣ мнѣнье,
И мотовствомъ прожить отцовское имѣнье,
Во всякомъ случаѣ достойно есть хулы,
Съ какимъ бы ни свершилъ лицемъ твой помыслъ злый,
Честнаяль та жена, служанкаль иль блудница.

На знатныя особъ прельщаться женскихъ лица,
Сколь бѣдственно, примѣръ намъ Виллїй показалъ,
Кои въ Фавсту, Силлы дочь, влюбясь въ нещастье впалъ,
И претерпѣлъ за то жестокїй бой и раны,
Что выбралъ для ѣзды не по себѣ онъ сани;
Потомъ съ бесчестїемъ нещастной изгнанъ вонъ,
За тѣмъ что дома былъ супругъ ея Милонъ.

Когдабъ

Ст. 80. *Оригѣ подарилъ отцовъ съ помѣстьемъ домъ*) въ Римѣ были три славныя, но бесчестныя красавицы, а именно Орига, Ликорида и Арбускула. Перьвая изъ сихъ была любовница Марсеева, въ которую онъ положилъ все отцовское наслѣдство.

Ст. 82, и слѣд. по 89. *Но лакомымъ живешь* и проч.) Горацїй показавъ сперьва разныя опасности и бѣдствїя, отъ любви замужнихъ женъ приключающїяся, потомъ учитъ примѣромъ Марсеевымъ беречься отъ великаго раззоренїя, наконецъ говоритъ и о потерянїи добраго имени чрезъ обхожденїе съ непотребными женами, которое выше всякаго богатства почитать должно.

Ст. 96. *Кой въ Фавсту, Силлы дочь*, и проч.) Силла былъ въ Римѣ Диктаторомъ, которое достоинство во время междоусобной войны силою себѣ присвоилъ: наконецъ сложа оное жилъ приватнымъ до самой смерти.

Когдабъ въ такой бѣдѣ сказалъ ему духъ страстный:
Почто ты въ случаи вдаешься толь опасны,
И требуюль, когда бываю распаленъ,
Чтобъ благородныхъ ты искалъ супружныхъ женъ?
Отвѣтствовалъ бы: родъ ведетъ отъ крови знатной.
Натура къ лучшему путь кажетъ не воспятной,
И въ нуждахъ каждому пособствовать скора,
Лишь различай умомъ худое отъ добра,
И въ предпрїятїяхъ разсматривай искусно,
Пристойно что тебѣ, что скаредно и гнусно,
Въ чемъ есть свобода, въ чемъ опасность и боязнь.

Коль есть межъ прихотью и недостаткомъ разнь,
Старанья о чужихъ женахъ оставь лукавы,
Въ чемъ болѣе бѣды бываетъ, какъ забавы.
Когда же пышной ихъ нарядъ прельщаетъ взоръ,
И камней дорогихъ блистающїй приборъ;
То знай, что красоты не множитъ то природной,
Чтобъ тѣла стройностью ихъ станъ былъ превосходной,
Чтобъ лядвея нѣжняй, прямѣй была икра:
Нежь тѣми какова́ податлива сестра,
Которая прикрасъ излишнихъ не имѣетъ,
Вьявь кажетъ всю красу, тѣмъ хвастать не умѣетъ,
Что есть прелестное и лучшее у ней:
Нижѐ, въ чемъ есть порокъ, скрываетъ отъ людей.
Богатые весьма разумно поступаютъ,
Что лошадей всегда открытыхъ покупаютъ,

При-

Ст. 106. *Натура къ лучшему путь кажетъ не воспятной*) Натура въ нуждахъ велитъ намъ избирать безопаснѣйшїя и пристойнѣйшїя средства, и что человѣку необходимо, оное все безъ дальнаго труда достается; а что излишне и не нужно, и чего мы нетерпѣливо желаемъ, то съ великимъ трудомъ и нерѣдко съ опосностїю получается.

Прилѣжно кажду часть высматривая въ нихъ,
Чтобъ мимо глазъ примѣтъ не пропустить худыхъ,
И чтобъ не учинить въ покупкѣ той ошибки,
Когда лишь съ виду конь пригожъ, а нóги хлипки,
У коего дебелъ задъ , шея высока,
И голова при томъ крута и коротка.
Въ восторгѣ съ перьваго любовникъ взгляду хвалитъ:
О грудь! о лядвея! Но похвалы вдругъ малитъ,
Когда разсмотритъ онъ, что ровенъ задъ съ спиной,
Что дологъ носъ, что бокъ съ пядень величиной.
У честной ни чего, кромѣ лица, не видно;
Не кажетъ протчаго, какъ Кацїя , безстыдно.
И крóя долгою одеждой всѣ мѣста ,
Препятствуетъ зрѣть, чѣмъ порочна иль чиста.
Коль станешь простирать далече ты желанья ,
Препятствїя вездѣ найдутъ твои старанья,
И глупость будетъ тутъ твоя обнажена,
Персонажъ честная кругомъ ограждена.
Премноги случаи зрѣть не допустятъ ясно,
Что въ сей красавицѣ прелестно и прекрасно:
Глубоки кресла, тѣ, которы кудри вьютъ ,
Прислужницы , рабы тѣ , кои стерегутъ ,
И шлафоръ по пятамъ распущенный съ фатою.
Другаяжъ вся почти является нагою,

Изъ

Ст. 138. *Не кажетъ протчаго, какъ Кацїя , безстыдно*) Кацїя для показанїя прелестныхъ своихъ но въ короткую одежду носила, или нарочно ихъ обнажала, чтобъ красавицею казаться могла. Она была столь безстыдна, что въ капищѣ Ѳеатинской Венеры при Помпеевомъ театрѣ съ Валерїемъ, трибуномъ народнымъ, закрывшись ширмами, прелюбодѣйство учинила.

Ст 150. *Другаяжъ вся почти является нагою*) То есть, не потребная женщина или блудница, которая для прельщенїя молодыхъ людей весьма тонкую одежду носитъ, такъ что можно ее какъ нагую сквозь оную видѣть. Такое прозрачное и весьма тонкое полотно, дѣлается на островѣ *Ко*.

Изъ Койскаго нося одежду полотна,
Сквозь кое стройность вся частей ея видна,
Сколь ноги бѣлы, сколь статна брюшкомъ и задомъ.
бока и грудь однимъ измѣрять можешь взглядомъ.
Или обманутымъ желаешь лучше быть,
И цѣну, не видавъ товару, заплатить?
Подобна, скажешь ты, любовь моя охотѣ:
Охотникъ бѣгать радъ за зайцами весь въ потѣ,
И кои у него почти ужъ подъ рукой,
Не ловитъ, за́-диво не ставя ловъ такой;
Но свистомъ съ мѣста ихъ на мѣсто выгоняетъ,
И чемъ трудняе ловъ, миляе тѣмъ бываетъ.
Такъ на готовой кладъ охотно не мечусь;
Лишь тѣмъ, кой безъ труда не достается, льщусь.
Но думаешь ли ты, кой вмѣсто свисту стонешь,
Что хоть несклонну тѣмъ любовницу не тронешь,
Однако облегчишь мученiе и страсть?
Не лучшель предану натурѣ быть во власть,
Хранить ея уставъ, въ желаньяхъ знать подробно,
Что можетъ снесть она отъятое удобно,
Чегожъ лишенная должна прискорбна стать?
Не лучшель отъ тщеты въ томъ пользу отдѣлять?
Когда томитъ тебя несносна жажда съ жару,
Потребуешь ли ты тогда злату чару;
Или какъ съ голоду колотишь зубъ о зубъ,
Потребуешь ли, чтобъ былъ деликатной супъ,
И станешь ли, кромѣ индѣйки, всѣмъ гнушаться?
Такъ есть ли будетъ страсть жестоко волноваться,
То станешь ли тогда ты много разбирать,
И случай упустивъ другаго ожидать?

Ст. 165. *Но думаешь ли ты и проч.*) Слова Горацiевы, коими увѣщаетъ прелюбодѣя слѣдовать предписаннымъ отъ натуры законамъ.

Гораздо отъ сего обычай мой отмѣненъ;
Готовой я люблю товаръ, не многоцѣненъ;
безъ договоровъ торгъ и безъ хлопотъ веду:
А кои говорятъ, помѣшкавши приду,
Какъ мужъ сойдетъ; пришлабъ, когдабъ цѣны прибавилъ,
Тѣхъ жаркимъ Филодемъ любовникамъ оставилъ,
А для себя однихъ дешевыхъ выбиралъ,
Которыябъ къ нему не мѣшкавъ шли, какъ звалъ,
И коихъ чистъ бы видъ былъ безъ прикрасъ и статенъ,
Ростъ не притворной, станъ безъ горба, и безъ пятенъ.
Когда такая мнѣ явитъ свою любовь,
Венерою назвать и Нимфою готовъ,
И всяко имя ей одной мню быть пристойно.
Въ забавахъ съ нею дни я провожу спокойно,
Не опасаясь въ томъ нечаянныхъ помѣхъ,
Что изъ деревни мужъ на сей пріѣдетъ грѣхъ,
Дверь выломитъ въ сердцахъ, поднимутъ ты лай велій,
Встревожится весь домъ, жена въ дрожи съ постели
Соскочитъ бѣдная, бояся кары злой,
Въ отчаяньи раба тутъ будетъ клясть рокъ свой;
Что сгонятъ со двора меня, отрѣзавъ полу,
И придетъ гоголемъ бѣжать мнѣ срамну, голу.
Таковъ то плодъ любви, когда застанетъ кто;
Спроси хоть Фабія, и онъ докажетъ то.

Са-

Ст. 182. *Готовой я люблю товаръ* и проч.) То есть, для утоленія моей страсти не ищу благородныхъ и знатныхъ лицъ, но въ нетерпѣливости довольствуюсь готовымъ увеселеніемъ.

Ст. 186. *Тѣхъ жаркимъ Филодемъ любовникамъ оставилъ*) Филодемъ былъ стихотворецъ, послѣдователь Епикурова ученія. Написалъ на Греческомъ языкѣ многія эпиграммы.

Ст. 191. *Когда такая мнѣ* и проч.) Слова Горацієвы.

Ст. 204. *Спроси хоть Фабія, и онъ докажетъ то*) Весьма язвительно пятнаетъ стряпчаго Фабія, которой нѣкогда въ прелюбодѣйствѣ пойманъ былъ.

Сатира III.

Тигеллій.

Обычный тотъ порокъ пѣвцы въ себѣ имѣютъ;
Когда ихъ просятъ въ честь въ бесѣдѣ пѣть, нѣмѣютъ;
А гдѣ имъ не хотятъ со всѣмъ о томъ скучать,
Тамъ сами ни на часъ не терпятъ, чтобъ молчать.
Таковъ Тигеллій былъ преслушный и упорный,
Который Цесарю являлся не покорный,
Когда не силой онъ, но лаской убѣждалъ,
Чтобъ пѣніемъ его для дружбы услаждалъ.
Когда же въ немъ была своя охота къ реву,
Тогда не затворялъ широкаго онъ зѣву;
Межъ тѣмъ, какъ бахуса онъ въ пѣсняхъ возносилъ,
То возвышался вверьхъ, то съ верьху нисходилъ,

Примѣчанія.

Въ Сей сатирѣ обличаетъ стихотворецъ Стоиковъ, которые не видя своихъ великихъ пороковъ, другихъ людей и самыхъ пріятелей своихъ малыя погрѣшности весьма уважали, будучи въ томъ мнѣніи, что за всякія преступленія равно наказывать должно, и что они одни премудры. Чего ради представляетъ себя Стоикомъ, дабы тѣмъ удобнѣе ихъ обличать могъ, совѣтуя другъ друга пороки сносить терпѣливно, или всѣхъ преступниковъ наказывать; но однихъ жесточаѣ, нежели другихъ; потому что естьли бы за самыя малыя проступки весьма тяжкія истязанія чинить надлежало, тобъ за великія злодѣянія или со всѣмъ карать не должно было, или новыя казни изобрѣтать потребовалось.

Ст. 5. *Таковъ Тигеллій былъ* и проч.) Смотри о немъ примѣчаніе въ сатирѣ 2, подъ стихомъ 4мъ.

Ст. 6 *Который Цесарю являлся не покорнымъ*) Разумѣется Цесарь Августъ, которой Іуліемъ Цесаремъ вмѣсто сына воспитанъ былъ, и послѣ побѣды полученной надъ Антоніемъ принявъ правительство въ Римѣ содержалъ сего Тигеллія въ отмѣнной милости для его веселаго нрава.

И приводилъ напѣвъ съ музыкою согласно;
Но равенства ни въ чемъ не наблюдалъ всечасно.
Иль бѣгалъ, какъ бы гналъ по немъ свирѣпый врагъ,
Иль тихой поступью свой узко мѣрялъ шагъ,
Какъ дары кто несетъ Юнонѣ посвященны.
Двумя онъ стами слугъ былъ часто окруженный,
А иногда имѣлъ десятерыхъ людей;
Порой расказывалъ про Принцовъ и Царей,
Другою говорилъ: Вѣкъ проживу безъ голи,
Какъ хлѣба есть сухарь, горшокъ щей, ложка соли;
Пусть буду на плечахъ своихъ сѣрякъ имѣть,
Лишь толькобъ мнѣ въ морозъ отъ стужи не колѣть.
Сему скупому, кой желалъ одной краюшки,
Дай сто рублевъ, въ пять дней не будетъ ни полушки.
Онъ съ вечера всю ночь безъ сна до утра бдѣлъ,
А днемъ лежа въ пуху тянулся и храпѣлъ.
бывалъ ли кто другой столь шатокъ и развратенъ?
Теперь пусть скажетъ кто: Ты развѣ самъ безъ пятенъ,
И развѣ никакихъ въ тебѣ пороковъ нѣтъ?
Не меньше, можетъ быть, другихъ въ самомъ живетъ.

Какъ

Ст. 14. *Но равенства ни въ чемъ не наблюдалъ всечасно*) былъ въ намѣренiяхъ и дѣлахъ своихъ весьма непостояненъ.

Ст. 17. *Какъ дары кто несетъ Юнонѣ посвященны*) Дѣвицы, которыя на головахъ своихъ въ кошницахъ жертву Юнонину носили, тихо и медленно ступали, и у Аѳинянъ *канифорами*, то есть, *носящими кошницы* именовались. Симъ именемъ назывались обыкновенно жрицы Церерины или Палладины.

Ст. 20, и слѣд. по ст. 25. *Порой расказывалъ про Принцовъ и Царей*) Тигеллiй иногда представлялъ себя весьма важнымъ въ разговорахъ, будто бы самъ былъ человѣкъ знаменитой породы; а иногда скромнымъ, и отъ всякаго излишества воздержнымъ, такъ что малой достатокъ служилъ ему вмѣсто великаго богатства.

Ст. 25. *Сему скупому* и проч.) То есть, Тигеллiю.

Какъ Меній Новіевъ осмѣивалъ нравъ грубый,
То нѣкто къ стати рекъ: Дружокъ мой, стисни зубы,
Знать прямо самъ себя не знаешь ты, и мнишь,
Что, какъ невызнанный, отъ насъ злость утаишь?
А Меній говорилъ: Вить я чужія рѣчи,
Какіябъ ни были, не вѣшаю за плечи.
безумна къ самому себѣ весьма любовь;
Когда ты выпяля глаза и вскинувъ бровь,
Наводишь на другихъ дѣла твой взоръ жестокій,
Какъ Епидаврскій змей, орелъ какъ быстроокій,
Почто же, на себя взирая, жмуришь глазъ?
Не могутъ равно скрыть и тѣ твоихъ проказъ.
Гнѣвливъ ли кто? съ людьми не знаетъ обходиться,
И можетъ за пустой смѣхъ скоро осердиться,

В 3 Что

Ст. 33. *Какъ Меній Новіевъ и проч.*) О семъ Менiѣ извѣстно, что былъ знатной шутъ въ Римѣ, которой расточивъ все имѣніе свое наконецъ и самой домъ продалъ, выговоривъ себѣ одинъ столпъ, съ коего бы ему смотрѣть поединщиковъ, которой по тому и назывался *столпомъ Меніевымъ*.

Ст. 37 и 38. *А Меній говорилъ и проч.*) Обыкновенно злонравные чужія пороки, хотя бы они самые малые были, увеличиваютъ и всюду разглашаютъ, не рѣдко съ ложными прилогами; а естьли кто о собственныхъ ихъ упоминаетъ, затыкаютъ уши, и ни вочто оные поставляютъ.

Ст. 42 *Какъ Епидаврскій змей*) близъ Епидавра, Греческаго города, было Эскуланіево капище, куда отовсюду великое множество больныхъ збиралось для испрошенія отъ Эскулапія помощи, которой по суевѣрію древнихъ врачевалъ всякія болѣзни. Нѣкогда Римляне Сивиллинымъ пророчествомъ побуждены были, чтобъ для избавленія гражданъ отъ моровой язвы ѣхали въ Эпидавръ, и тамъ бы Эскулапія о томъ просили, куда они прибывъ и исполнивъ положенный обѣтъ, увидѣли дракона, бѣгущаго къ ихъ кораблю, котораго послѣ видѣли въ другой разъ на берегу или островѣ рѣки Тибра, гдѣ онъ вдругъ невидимъ сталъ, и гдѣ они потомъ изображеніе сего дракона поставили.

Ст. 44. *Не могутъ равно скрыть и тѣ твоихъ проказъ*) Друзья, которыхъ ты пятнаешь.

Ст. 45. *Гнѣвливъ ли кто и проч. по ст 51.*) Человѣкъ которой имѣетъ малые пороки, но при томъ гнѣвливъ, къ обхожденію съ забавными людьми неспособенъ, за тѣмъ что шутокъ ихъ терпѣливно снесть не можетъ, хотя бы въ нихъ ни-

Что свисло платье съ плечъ, обритъ не по людски,
Что худо на́-ноги надѣты башмаки;
Однако милъ тебѣ будь другъ, и тѣмъ умнѣе,
Чемъ съ виду кажется другихъ людей гнуснѣе.
Извѣдай напередъ нравъ собственной, дружокъ,
Имѣешь ли какой съ природы самъ порокъ,
Иль отъ привычки злой во нравѣ вкорененный.
безъ пашни куколью лугъ глохнетъ порощенный.
Къ любовничьимъ дѣламъ мы обратимъ свой зракъ,
На коихъ нѣжна страсть наводитъ сильный мракъ,
Что милъ кокетокъ нравъ такъ, какъ балбину любы
Согнившей Агнинъ носъ, обкусанныя губы.
Не только въ ихъ не зрятъ поступкахъ худобы,
Но хвалятъ оные страстей своихъ рабы.
О естьлибъ наша мысль такъ въ дружествѣ грѣшила,
И добродѣтелью сїя погрѣшность слыла́!
Какъ сына рождшему нелѣпость не гнусна,
Такъ сносна намъ друговъ порочность быть должна.

Раско-

какой обиды не заключалось. Симъ примѣромъ научаетъ, чтобъ дружескїе пороки, естьли они сносны и не велики, прикрывать по Латинской пословицѣ: *Amici mores noueris, non oderis*: т. е. *дружескїя пороки знай, только не лай.*

Ст. 54. *Безъ пашни куколью лугъ глохнетъ порощенный*) Иные пороки бываютъ врожденные въ насъ отъ природы, а другїе отъ худой привычки вкореняются, такъ что естьли кто самъ о себѣ радѣть непохочетъ, злонравнымъ здѣлается, не инако какъ запущенное поле тернїемъ зарастаетъ.

Ст. 55. *Къ любовничьимъ дѣламъ мы обратимъ свой зракъ*) Стихотворецъ показываетъ примѣрами, какъ должны мы великодушно сносить дружескїе пороки, подражая любовникамъ, которые нелѣпостьми любовницъ своихъ не токмо не гнушаются, но еще и хвалятъ оныя, и не хотятъ ихъ видѣть.

Ст. 63. *Какъ сына рождшему нелѣпость не гнусна*) Другой примѣръ, какъ должно снисходить другу, взятъ отъ родителей, которые по горячей любви къ дѣтямъ своимъ натуральныхъ ихъ недостатковъ или не разумѣютъ, или разумѣя прикрываютъ.

Раскосаго отецъ зоветъ подслѣпымъ сына,
Птенцемъ, кой выросъ чуть на полтора аршина,
Какъ Си́зифъ, кой имѣлъ два фута вышины.
Кто раскарякою ползя, деретъ штаны,
Того мнитъ скрасить тѣмъ, что съ ма́ла глѣ́зны гибки;
Поджарымъ тотъ слыветъ, чьи но́ги въ кисти хлипки.
Когда пріятель скупъ, почти, что бережливъ;
Когда беспу́тенъ онъ и нѣсколько спѣсивъ,
Скажи, что въ дружбу онъ способенъ подбиваться.
Тотъ долженъ простякомъ и храбрымъ называться,
Кто волю самъ себѣ даетъ на все и лютъ;
Жестокимъ почитай того, кто сердцемъ крутъ.
Сей способъ въ дружество людей совокупляетъ,
И нерушимъ союзъ межъ ними сохраняетъ.
Мы добродѣтелямъ противной видъ даемъ,
И въ дорого́й сосудъ нечисту воду льемъ.
Кто такъ живетъ, какъ жить довлѣетъ честну мужу,
Въ томъ признаю́тъ весьма уничиженну душу;
Кто тѣломъ отягченъ отъ тука, тотъ глупецъ;
Кто скоръ бѣжитъ, слыветъ коварной тотъ хитрецъ,
За тѣмъ что въ томъ умно хранясь и осторожно
Не допущаетъ злу льнуть къ боку, сколь возможно,
Хоть обращенье тамъ случилось бы имѣть,
Гдѣ зависть на бѣду кладетъ подъ ноги сѣть.
Кто простъ, какъ ты меня зрѣлъ, Меценатъ, не въ пору
Отъ думъ, отъ чтенія книгъ нудитъ къ разговору;

Того

Ст. 67. *Какъ Сизифъ, кой имѣлъ два фута вышины*) Повѣствуютъ, что у Марка Антонія былъ карликъ, возрастомъ въ два фута, коего онъ для остроты ума называлъ *Сизифомъ*.

Ст. 80. *И въ дорогой сосудъ нечисту воду льемъ*) То есть, сіяніе добродѣтели пороками нашими затмѣваемъ.

Того намъ рѣчь горька, какъ редька или хрѣнъ,
И говоримъ, что онъ чувствъ общихъ есть лишенъ.
Сколь сами мы себѣ даемъ законъ неправый!
Никто съ безгрѣшными въ свѣтъ не родился нравы.
Въ комъ только малые пороки можно снесть,
Того за лучшаго достойно и почесть.
Когда сравнивъ мои дѣла благія съ злыми,
Найдетъ другъ вѣрный, что обильнѣй я честными;
То естьли онъ любимъ желаетъ мною быть,
Изрядныхъ доброту поступокъ долженъ чтить:
Вѣсы употреблю и для него едины:
Изрыли чье лице глубокія морщины,
Того другъ проситъ, чтобъ его веснушки снесъ;
Взаимнымъ отпускомъ вины равнится вѣсъ.
Когда же истребить со всѣмъ не можно гнѣва,
Иль всѣяннаго въ злыхъ другихъ пороковъ плева,
Почто же разумъ дѣлъ не уважаетъ такъ,
По мѣрѣ чтобъ вины былъ истязуемъ всякъ?
Когда бы кто раба за то хотѣлъ вгнать въ петлю,
Что рыбьи сѣлъ хвосты, схлебалъ похлебку теплу,
Не скажутъ ли тому разумные, что онъ
Глупѣй, какъ ябеда сварливой Лабеонъ.

Не-

Ст. 101. *Вѣсы употреблю и для него едины*) Тоже о немъ разсуждать и заслугу равною заслугою платить буду.

Ст. 102 и 103. *Изрыли чье лице* и проч.) Когда кто проситъ друга, чтобъ большіе его проступки снесъ великодушно, то напротивъ того необходимо должно малые его предать забвенію.

Ст. 108. *По мѣрѣ чтобъ вины былъ истязуемъ всякъ*) Стихотворецъ по малу приступаетъ къ опровержению мнѣнія Стоиковъ, которые утверждали, что всѣ преступленія равны; при чемъ показываетъ, что не столько взирать надлежитъ на самое преступленіе, сколько на намѣреніе преступника.

Ст. 112. *Глупѣй, какъ ябеда сварливой Лабеонъ*) Для показанія, что преступленія не всѣ равны, и слѣдственно не одинакому подлежатъ наказанію, приводитъ въ примѣръ такого господина, которой бы слугу своего за самую малую

Неистовѣе тотъ и больше погрѣшаетъ,
Кто дружество за вещь неважну нарушаетъ;
По строгости такой быть долженъ лихъ, суровъ,
Что рушитъ злобою любовь своихъ друговъ,
И бѣгаетъ отъ нихъ, должникъ какъ отъ Рузона,
Кой повѣсти свои, пустаго полны звона,
Неволитъ силою и слушать и хвалить,
Какъ скоро бѣдному срокъ придетъ долгъ платить.
По нуждѣ долженъ ужъ внимать безпутны звяки,
И сладкимъ слогомъ звать, какъ плѣнникъ, голы враки,
Или на рубль тогда двѣ гривны росту дать,
Коль шею протянувъ не станетъ словъ внушать.
Кому противными за то быть должны гости,
И можноль праведно причесть вину ту злости,
Что капля канувша постелю залила,
Что дорогой сосудъ сронился со стола?
Иль кто цыпленка взялъ изъ подъ чужаго края,
Великаль быть должна обида таковая?
Чтожъ, естьлибъ вѣрность кто измѣной нарушалъ,
Ктобъ вещь укралъ, и ктобъ во обѣщаньи лгалъ,
Какъ должно воздавать за ту проступку другу?
Преступство равно мстить, и награждать заслугу

проступку хотѣлъ весьма жестоко наказывать, поставляя онаго безумнѣйшимъ, нежели Лабеонъ. Марцій Антистій Лабеонъ, Юристъ съ великою вольностію и смѣлостію поступалъ противъ Цесаря Августа, опорочивая изданные отъ него законы; чего ради во угожденіе Цесарю называетъ его безумнымъ и сварливымъ.

Ст. 117. *И бѣгаетъ отъ нихъ, должникъ какъ отъ Рузона*) Стихотворецъ показываетъ, что сей Рузонъ былъ великой ростовщикъ и ни къ чему годной писатель, которой должниковъ своихъ обыкновенно принуждалъ къ тому, чтобъ они или повѣстей его слушали, или бы долгъ заплатили, что имъ нерѣдко самой смерти горестнѣе было.

Ст. 131. *Чтожъ естьлибъ вѣрность кто измѣной нарушалъ*) Стихотворецъ сравниваетъ здѣсь великія представленія съ малыми.

Хоть подаютъ чужихъ дѣлъ критики совѣтъ,
Но въ нравахъ собственныхъ ихъ строгости той нѣтъ,
И пра́вило сїе умъ здравый отвергаетъ;
Противноежъ тому обычай подтверждаетъ,
И польза общая, Добра и Правды мать,
Совѣтуетъ дѣла́ по мѣрѣ уважать.
Посмотримъ древнихъ лѣтъ на первые початки:
Какъ нѣмы родились въ свѣтъ люди, видомъ гадки,
Желудки пища имъ, пещеры были домъ;
Когтьми, кулачьями, дубинами пото́мъ,
А наконецъ ужѐ орудьями дралися,
Когда по малу въ свѣтъ потребою ввелися.
Какъ званїя вещей и рѣчи обрѣли,
Которымибъ свою́ мысль выражать могли;
Не нужно стало имъ ружье для обороны,
Крѣпили городы, вводили въ нихъ законы,
Чтобъ не́-былъ кто воръ, тать, разбойникъ, любодѣй.
И до Елены брань велася межъ людей,
Которыя была слѣпая страсть причиной;
Но неизвѣстною погибли тѣ кончиной,
Которы въ похотяхъ, обычаемъ скота,
Отъ сильныхъ своего лишались живота.
Всѣхъ разсмотрѣвъ временъ порядокъ и теченье,
Найдемъ, что данъ законъ неправдъ во пресѣченье.
Все, что законно есть, того съ неправдой разнь,
Такъ какъ вредъ съ пользою, съ надеждою боязнь

Не

Ст. 135. *Хоть подаютъ чужихъ дѣлъ критики совѣтъ*) Явно опровергаетъ ученїе Стоиковъ, чтобъ всѣ преступленїя равными почитать, которые и сами сего пра́вила дѣломъ не наблюдали, но только словами подтверждали.

Ст. 142. *Какъ нѣмы родились въ свѣтъ люди* и проч.) Старается доказать, что правосудїе не отъ натуры людямъ предано, но для общей пользы въ свѣтѣ необходимо нужно быть стало.

Ст. 152. *И до Елены брань велася межъ людей*) Елена была супруга Менелая, Царя Лакедемонска-

Не можетъ различать ни самая Природа;
Ни сильного на то не льзя привесть довода,
Чтобъ было важности преступство то одной,
И чтобы равною то почитать виной,
Хоть крадетъ съ грядъ чужихъ капусту тунеядецъ,
Хоть обнажаетъ храмъ безбожный святотатецъ.
Пристойно завсегда умѣренность въ томъ знать,
Чтобъ по достоинству преступниковъ карать,
И чтобъ не сѣчь кнутомъ, кто заслужилъ батоги.
Когдабъ ты предписалъ злодѣю штрафъ не строгій,
Кой тяжко за вину истязанъ долженъ быть,
То самымъ тѣмъ меня не могъ бы устрашить,
Что равною бѣдой разбой и кражу ставишь,
Грозя, что казнію единою исправишь,
Лишь только бы народъ тебѣ далъ Царску власть.
Мудрецъ себѣ богатъ, сапожному гораздъ,
Красавецъ онъ одинъ, и Царь, какъ ты считаешь,
Почто же самъ того, что есть ужè, желаешь?

го, которую для безмѣрной красоты Парисъ похитилъ, что было причиною десятилѣтной войны и раззоренію Троянскаго царства.

Ст. 161. *Не можетъ различать ни самая природа*) То есть, всякъ отъ природы знаетъ, что добро, и что зло, что сладко, и что горько; а что праведно или не праведно, того отъ природы познавать не можетъ, но отъ житія научаемся по общей пословицѣ: *Вѣкъ живи, вѣкъ учись.*

Ст 172. *То самымъ тѣмъ меня не могъ бы устрашить*) То есть, когда бы ты, Стóикъ, злодѣю, достойному жестокаго истязанія учинилъ легкій штрафъ, то бы и я не имѣлъ ни малой причины тебя опасаться, зная, что ты всѣ преступленія равными почитаешь.

Ст. 176. *Мудрецъ себѣ богатъ* и проч.) Стихотворецъ весьма остроумно осмѣваетъ Стóиковъ, которые утверждаютъ, что премудрый богатъ и въ самой скудости, благороденъ въ рабствѣ, и прекрасенъ въ скаредномъ житіи и проч. Почему естьли премудрый богатъ, и искусной сапожникъ, и красавецъ, и Царь; то для чего ты, Стóикъ, желаеть надъ людьми имѣть Царскую власть для наказанія за преступства, когда ужè Царемъ почитаешься?

А ты даешь отвѣтъ: Внимай, де, тѣ слова,
Которы рекъ Хризиппъ, премудрая глава:
Не шилъ себѣ Мудрецъ самъ обуви во вѣки,
Но съ мудрыми его считаютъ человѣки;
Такъ по сему хотя Тигеллій и молчитъ,
Но за искуснаго его пѣвца всякъ чтитъ.
Подобно хитрой такъ Алфиній изъ Кремоны
безъ фершельни, безъ бритвъ былъ бритовщикъ учоный;
И какъ премудраго во всемъ искуснымъ чтятъ,
Такъ можно по томужъ Царемъ его назвать.
Тыжъ будучи со всѣхъ сторонъ стѣсненный свалкой,
Рѣзвящихся ребятъ прочь отгоняешь палкой,
Какъ бороду твою теребятъ по клочкамъ;
Хоть Царь, да лаешь тутъ подобно лютымъ псамъ.
Чтобъ кратко кончить рѣчь: Когда ты съ Царскимъ чиномъ
безъ ближнихъ и безъ слугъ самъ пойдешь господиномъ
Въ торгову баню, грошъ имѣя заплатить,
И будетъ баньщикъ лишь Криспинъ тебѣ служить;

То

Ст. 180, *Которы рекъ Хрзиппъ*) Хризиппъ почитался начальникомъ Стоической секты, котораго Цицеронъ называетъ весьма разумнымъ толкователемъ Стоическихъ мечтаній.

Ст. 183. *Такъ по сему хотя Тигеллій и молчитъ*) Горацій возвращается тудаже, откуда рѣчь свою началъ, те есть къ Тигеллію, дабы непостоянства и самолюбія его Стоиковъ участниками здѣлать.

Ст. 185. *Подобно хитрой такъ Алфиній изъ Кремоны*) Алфиній Варъ, родомъ изъ Кремоны, съ молодыхъ лѣтъ упражнялся въ фельдшерской наукѣ; потомъ оставя оную въ Римъ прибылъ, гдѣ при Маркѣ Сулпиціѣ знанія правъ такъ обучился, что достигнулъ до Консульскаго достоинства, и по смерти погребенъ съ публичною церемоніею.

Ст. 189. *Тыжъ будучи со всѣхъ сторонъ стѣсненный свалкой*) Отъ сего стиха и до конца стихотворецъ обличаетъ безумное высокомысліе о себѣ Стоиковъ, кои присвояютъ то, чего не имѣютъ.

Ст. 190. *Рѣзвящихся ребятъ*) То есть, послѣдователей Епикуровыхъ, коихъ Стоики за ребятъ почитали.

То будешь въ смѣхъ, а мнѣ проститъ другъ терпѣливно;
Взаимно потерплю ему, что мнѣ противно.
И такъ хоть вѣкъ слыви премудрымъ и Царемъ,
Щастливо буду жить приватнымъ я межъ тѣмъ.

Сатира IV.

КРИСПИНЪ.

Кратинъ, Аристофанъ и Евполисъ съ другими,
Комедіями намъ извѣстными своими,
Слагали ѣдкіе весьма на тѣхъ стихи,
Чьи нужда имъ была описывать грѣхи,
Когда кто нравомъ золъ, иль воръ, или убоецъ,
Когда прелюбодѣй, иль славный былъ пропоецъ.
Луцилій ихъ слѣды въ твореніяхъ топталъ,
И премѣнивъ стиховъ родъ, сатиры писалъ.
Хотя въ немъ нѣженъ вкусъ, разсудокъ былъ изряденъ;
Но тѣмъ пороченъ, что въ стихахъ грубъ и досаденъ.
Онъ часто, будто бы писалъ велико что,
Поджавши ногу, въ часъ маралъ тетратей сто.

Примѣчанія.

Стихотворецъ изъявляетъ въ сей сатирѣ неудовольствіе свое къ римлянамъ, что обличенія его весьма несносны имъ были, хотя напротивъ того Луциліевы и другихъ сочиненія, съ большею вольностію писанныя, съ похвалою принимали.

Ст. 1. *Кратинъ, Аристофанъ и Евполисъ*) Сіи первые древнія комедіи писали; въ коихъ пороки сограждан своихъ ядовитымъ слогомъ описывали.

Ст. 7. *Луцилій ихъ слѣды въ твореніяхъ топталъ*) Луцилій изъ древней Греческой комедіи здѣлалъ сатиру, перемѣнивъ только родъ стиховъ, а злословія не оставилъ.

Плылъ быстро по-мути языкъ многорѣчивый,
И сколь былъ вздоренъ слогъ, столь нравъ нетерпѣливый
И не радивъ о томъ, чтобъ сочинять безъ вракъ,
Лишь былобъ много. Пусть по мнѣ то будетъ такъ.
Вотъ объ закладъ еще Криспинъ со мною бьется,
И говоритъ: На то рука тебѣ дается,
Что естьли мѣсто дашь, порукъ, и скажешь часъ,
Увидимъ, больше кто изъ двухъ напишетъ насъ.
Благодарю боговъ, что дали умъ мнѣ среднiй,
И не охочъ языкъ пустыя вякать бредни.
А ты включенному въ мѣхахъ изъ козьихъ кожъ
Подобясь воздуху, рѣчь непрестанно множь,
Какъ непрестанно тотъ въ горну жаръ раздуваетъ,
Пока кузнецъ въ огнѣ желѣзо умягчаетъ.
Принявшiй Фаннiй честь обычную, блаженъ,
Что безъ заслугъ въ число пiитовъ былъ включенъ;
Мои же напротивъ того дѣла не въ модѣ,
Которыя боюсь разсѣять самъ въ народѣ,

За

Ст. 13. *Плылъ быстро по-мути языкъ многорѣчипый*) То есть, слагалъ вздорные стихи плодовито и поспѣшно, стараяся больше о множествѣ, нежели о исправности оныхъ.

Ст. 17. *Вотъ объ закладъ еще Крислинъ со мною бьется*) Кристинъ также писалъ многiе стихи, но худые. Смотри о немъ послѣднее примѣчанiе въ сатирѣ перьвой.

Ст. 21. *Благодарю Вогопъ*) Горацiй говоритъ.

Ст. 23 и 24. *А ты пключенному пъ мѣхахъ изъ козьихъ кожъ подобясь поздуху* и проч.) Совѣтуетъ Криспину по обыкновенiю его писать пышные и надменные стихи, примѣняя сердце его къ козьимъ мѣхамъ, а надменные и безумные замыслы къ воздуху, въ тѣхъ мѣхахъ включенному.

Ст. 27. *Приняпшiй Фаннiй честь обычную блаженъ.*) Фаннiй былъ весьма многорѣчивый и негодный стихотворецъ, отъ котораго стиховъ скучивъ Сенатъ въ общество Пiитовъ онаго включить повелѣлъ, какъ искуснаго; или, какъ другiе повѣствуютъ, за неимѣнiемъ у него дѣтей искавшiе наслѣдства безъ его старанiя и труда книги его въ публичныя библiотеки вносили, хотя сочинитель того и недостоинъ былъ.

За тѣмъ что многимъ сей не вкусенъ родъ стиховъ,
Достойны кои ихъ дѣла винящихъ словъ.
Изъ множества кого ни выведи на ружу,
Иль гордъ, иль къ лакомству имѣетъ склонну душу.
Сей женолюбецъ, тотъ не знаетъ въ страсти мѣръ;
Мотъ щоголь смотритъ лишь на моды и манеръ,
Всѣхъ лучше знаетъ разнь вещей скупой и цѣну,
И безъ ошибки свой товаръ даетъ на мѣну,
Трудясь въ томъ цѣлый день: И какъ мятется прахъ,
Такъ презирая онъ всѣ бѣдствія и страхъ,
Чтобъ не продать въ накладъ, иль капиталъ умножить,
Метаться, клясться, вѣкъ готовъ себя тревожить.
Всѣ оные враги піитовъ не брегутъ;
Какъ чортъ отъ ладану, такъ отъ стиховъ бѣгутъ.
Бѣги отъ Сатира; виситъ на рогѣ сѣно;
Готовъ поднять на смѣхъ и ближнее колѣно.
Что на бумагѣ онъ ни начертитъ перомъ,
На рынкахъ знать даетъ и площадяхъ о томъ,
Насильно всякому сажая смѣхъ на губы;
И богадѣленки твердятъ ужъ то беззубы.
    Противу сихъ рѣчей я нѣчто самъ скажу:
Въ число я тѣхъ себя піитовъ не ввожу,
Которымъ имя то охотно уступаю,
За тѣмъ что самъ того творцомъ не почитаю,
Кто только что стихи умѣетъ составлять,
И сходно съ рѣчію простой, какъ я, писать.

Тотъ

Ст. 32. *Достойны кои ихъ дѣла винящихъ словъ*) То есть, многимъ, которые обличенія достойны, и которыхъ въ слѣдующихъ стихахъ исчисляетъ.

Ст. 45. *Бѣги отъ Сатира; Виситъ на рогѣ сѣно*) Уподобленіе взято отъ бодливаго быка, которому на рога сѣно навѣшиваютъ для признаку, чтобъ встрѣчные на него не находили. Такъ Горацій совѣтуетъ имѣющимъ злую совѣсть удаляться отъ того, кто пороки обличаетъ.

Тотъ прямо честью сей возможетъ быть почтенный,
Въ комъ острота и умъ съ природы просвѣщенный,
Кто можетъ возгремѣть великія дѣла.
И такъ комедія причину подала,
Поэма ли она, въ томъ многимъ сомнѣваться,
Что въ дѣлѣ и словахъ обыкла унижаться,
При томъ ни пышности, ни силы въ оной нѣтъ,
И только стопъ однихъ извѣстной виденъ слѣдъ,
Чемъ отъ простаго рѣчь отлична разговору.
Чтожъ скажутъ мнѣ, отецъ въ комедіи съ задору
Ярится на-сына за то, что мотомъ ставъ,
И сердце съ деньгами любовницѣ отдавъ,
Не думаетъ жену съ богатымъ взять приданымъ,
Что до-ночи ходитъ по вечеринкамъ пьянымъ,
Зажегши факелы, не ставитъ въ стыдъ и срамъ,
Не можноль по сему дать силу симъ словамъ?
Не меньше бы отецъ Помпоніевъ ярился
На сына, есть ли бы онъ жизни не лишился.
И такъ не льзя сказать, чтобъ стихъ былъ совершенъ,
Которой изъ простыхъ реченій сочиненъ.
Разбей ево, найдешь, что всякъ такъ негодуетъ,
Какъ на-сына отецъ въ комедіи воюетъ.
Такъ, естьлибъ рушить кто мои стихи желалъ,
Иль тѣ, которые Луцилій написалъ,

И

Ст. 66. *Чтожъ скажутъ мнѣ отецъ въ комедіи* и проч.) Стихотворецъ самъ себѣ дѣлаетъ противное предложеніе, за тѣмъ что прежде говорилъ, что въ комедіи ни пышности ни важности нѣтъ. Разумѣетъ здѣсь Менедема въ Терентіевой комедіи ярящагося на сына за мотовство.

Ст. 72. *Не меньше бы отецъ Помпоніевъ ярился*) Рѣшеніе помянутаго предложенія, что и всякой отецъ невоздержнымъ житіемъ сына своего также разгнѣванъ быть можетъ, какъ Менедемъ въ комедіи, приводя въ примѣръ Помпонія, которой жилъ весьма роскошно.

И стопы всѣ смѣшавЪ представить вЪ видѣ новомЪ,
ЧтобЪ заднимЪ стихЪ начать, переднимЪ кончить словомЪ;
Не найдешь ни красы, ни важности такой,
КакЪ естьлибЪ вЪ семЪ стихѣ порядокЪ былЪ иной,
„ КакЪ дерскія вражды неистовая сила
„ Желѣзныя врата злой брани сокрушила;
ОднимЪ бы взглядомЪ ты увидѣть могЪ тотчасЪ,
Что стихотворца жарЪ гасимый не угасЪ.

Поэмаль сáтира, иль нѣтЪ, то оставляю;
Лишь я тебя о томЪ единомЪ вопрошаю,
Прямыяль вЪ родѣ семЪ примѣты зришь досадЪ?
Вить я ни Сýлцію, ни Кáпрію не братЪ.
СЪ реэстромЪ рыскали охриплы оба всюду,
Внося то имя, чью поступку зрѣли худу,
И наводили злымЪ великой страхЪ чрезЪ то;
КтожЪ честно жизнь ведетЪ, вмѣняй ихЪ за ничто.
будь Цéлію по мнѣ и бúррію подобенЪ;
ЧтожЪ я тебѣ за страхЪ? престань быть тщетно злобенЪ.
Ни на базарѣ нѣтЪ моихЪ книгЪ, ни вЪ рядахЪ;
Не третЪ ихЪ ни народЪ, нижé ТигéллЪ вЪ рукахЪ;
безЪ нужды ни друзьямЪ казать ихЪ не привыченЪ,
Нигдѣ, и никому; и вЪ томЪ отЪ тѣхЪ отличенЪ,

Д Ко-

Ст. 85 и 86. *КакЪ дерскія вражды неистовая сила* и проч.) Приводитъ вЪ примѣрЪ Энніевы стихи, великой духЪ стихотворца изЪявляющія, говоря, что когдабы его или Луциліевы стихи вЪ иной порядокЪ превращены были, то бы ни красы ни важности такой оные вЪ себѣ не заключали.

Ст. 91. *Прямыяль вЪ родѣ семЪ примѣты зришь досадЪ*) То есть, справедливоли ты, римлянинЪ, ненавидишь сей родЪ, комедіи или сатиры, или по достоинству оныхЪ страшишься.

Ст. 92. *Вить я ни Сулцію ни Капрію не братЪ*) *Сулцій* и *Капрій* имена доносителей: Иные обЪявляютЪ, что они были стряпчіе, по чему и охриплыми названы, а другіе за весьма язвительныхЪ сатириковЪ ихЪ признаваютЪ.

Ст. 97. *Будь Целію по мнѣ и Биррію подобенЪ*) Хотя бы ты жилЪ такЪ, какЪ Целій и бирріи, то есть непорядочно и злонравно,

Которые среди толпы публично чтутъ,
И въ баню для того съ собой стихи берутъ.
На единѣ нашъ слухъ глазъ нѣжно услаждаетъ;
безпутнымъ то не такъ, и кто не разбираетъ,
Разсудноль сказана его и къ статиль рѣчь.
Другой меня въ словахъ сихъ тщится подстеречь;
Ты правду говоришь, да обижать умѣешь,
И то де съ умыслу, какъ злой, ты дѣлать смѣешь.
Скажижъ, съ чего взялась въ тебѣ мысль такова́,
Иль хульны кто внушилъ о мнѣ тебѣ слова́?
Кто надъ пріятелемъ отсудственнымъ шпыняетъ,
Кто не стои́тъ, когда другой его пятнаетъ,
Кто осмѣять кого и вставить гожъ рога́,
Кто небылицу сплесть умѣетъ въ три мига,
Кто въ тайнѣ ввѣренной не крѣпокъ и невѣренъ;
Того ты, римлянинъ, бѣги; онъ золъ, весь черенъ.
Изъ призванныхъ къ тебѣ на пиршество друговъ
Гость часто при столѣ случается таковъ,
Кой съ зуба на́-зубъ всѣхъ передвигать изваженъ;
Лишь тотъ, кто подчуетъ, бываетъ въ томъ пощаженъ.
Но по́слѣ, какъ питьемъ утробу отягчитъ,
Съ икотой на того изъ устъ хула летитъ.
Однакъ тебѣ, кой къ злыхъ общенью не привыченъ,
Забавенъ кажется, учтивъ, простоязыченъ.
Яжъ естьли усмѣхнусь, что злой подъячихъ родъ
безъ взятковъ не живетъ, сутяга безъ хлопотъ;

Зло

однако я въ томъ ни доноситель ни обличитель, и по тому не для чего меня бояться.

Ст. 119. *Изъ призванныхъ къ тебѣ на пиршество друговъ*) Горацій показываетъ своему сопернику, въ чемъ состоитъ прямая обида и досада, что однако почитаетъ тотъ за учтивыя шутки и забаву.

Зло сердце и языкъ язвителенъ мой станетъ.
Когда о кражѣ кто Петиллїя вспомянетъ,
Что грабить онъ дерзнулъ Капитолинскїй храмъ,
Тогда ты защищай его, какъ знаешь самъ:
Съ ребячества со мной Капитолинъ жилъ дружно;
Охотно мнѣ служилъ во всемъ, что было нужно,
И слава богу, что щастливо онъ живетъ,
Спокойно жилъ, и вѣкъ спокойно проведетъ.
Однакъ дивлюсь, какъ спасъ себя отъ приговора?
Когдажъ ты говоришь, что пощадили вора,
Не большель тѣмъ его съѣдаешь и язвишь?
Но естьли о себѣ ручаться мнѣ велишь,
То склонности такой во мнѣ не будешь видѣть,
Чтобъ на письмѣ кого мнилъ съ умыслу обидѣть.
Ручаюсь въ истинну, и слово въ томъ даю;
А буде въ шуткахъ что смѣляе я пою,
Оставь мнѣ право то и долгъ великодушно.
Въ отцовскихъ чадо былъ наказахъ я послушно,
Которой, какъ меня младаго наставлялъ,
Примѣрами отъ злыхъ дѣлъ бѣгать научалъ.
Когда увѣщавалъ жить скромно и не пышно,
Довольну тѣмъ быть, что соблюлъ мнѣ, не излишно;
Смотри, какъ Албїевъ развратенъ сынъ и золъ,
И какъ, говаривалъ, роскошный барръ сталъ голъ?
Хранитъ доводъ сей всѣхъ отъ вольнаго нищенства,
Чтобъ зло не расточать отцовскаго наслѣдства.

Ст. 130 *Когда о кражѣ кто Петиллїя вспомянетъ*) Стихотворецъ представляетъ друга Петиллїева, съ собою разговаривающаго и защищающаго сего Петиллїя въ учиненномъ святотатствѣ. *Петиллїй Капитолинъ*, которому Капитолинской храмъ порученъ былъ въ главное смотрѣнїе, по чему онъ и Капитолиномъ прозванъ, будучи обличенъ въ похищенїи короны Юпитера Капитолинскаго по представительству онаго прїятеля своего получилъ прощенїе въ угожденїе Августу, которой содержалъ его въ милости.

Когда удерживалъ отъ мерскія любви,
Секстану, говорилъ, подобно не живи.
Чтобъ сердце я имѣлъ къ любовницамъ несклонно,
Коль воля есть вступить въ супружество законно,
Требо́нія на то въ примѣръ мнѣ приводилъ,
Кой въ подозрительномъ поиманъ домѣ былъ.
Премудрой дастъ тому довольную причину,
Чему послѣдовать, чего беречься сыну;
Но естьли я храню обычай древнихъ лѣтъ,
И показать могу тебѣ хорошей слѣдъ,
Пока еще твои суть лѣта недозрѣлы,
Довольно мнѣ того. Когда же возрастъ спѣлый
Со временемъ твой умъ и чувства укрѣпитъ,
Тогда безъ пузырей свободно можешь плыть.
Такъ управлялъ отецъ лѣта мои младыя,
И ежели давалъ приказы мнѣ какія,
Нарочитыхъ мужей примѣромъ представлялъ,
Чтобъ онымъ слѣдуя подобно поступалъ.
А естьли отъ него что было мнѣ запретно,
Разсматривать велѣлъ, не будетъ ли то щетно,
И не безчестно ли мнѣ, по примѣтѣ той,
Какой кто носитъ слухъ, хорошей иль худой:
Какъ тѣмъ, которые въ болѣзни страждутъ смертной,
Слухъ ближнихъ похоронъ наводитъ страхъ безмѣрной,
И побуждаетъ ихъ блюстися отъ вреда;
Такъ дѣтямъ дѣлъ чужихъ безсловіе узда,
Чтобъ воздержаться имъ, то видя, отъ пороковъ.
Я чистой упоенъ водой изъ сихъ потоковъ,
Хотя отъ пагубныхъ преступствъ себя храню,
Однакъ въ простительныхъ и средственныхъ виню.

ВѢкъ

Ст. 168. *Тогда безъ пузырей свободно можешь плыть*) Жить будешь по своей волѣ, не требуя наставленія.

Вѣкъ долгїй, можетъ быть, другъ вѣрный, разумъ здравый
гораздо болѣе мои очистятъ нравы,
Тѣмъ паче, что въ умѣ благое содержу,
Хотя гуляю гдѣ, хоть на одрѣ лежу,
Что честно, и что мнѣ пристойно, избирая,
И путь въ дѣлахъ друзьямъ угодный сохраняя.
Представивъ иногда другихъ людей порокъ,
боюсь, чтобъ не привелъ меня въ тужъ глупость рокъ.
Сїежъ, что въ тайности мечтаю я не скушно,
Въ увеселенїе пишу, когда досужно.
Порочность та одна изъ средственныхъ числа́
Коль не простительна является и зла,
Пїитовъ множество дать помощь мнѣ потщится;
Велико насъ число; мы будемъ всѣ трудиться,
И какъ жиды тебя неволей принуждать,
Иль мысль одну имѣть, иль стихотворцемъ стать.

Сатира V.

ВЕСЕЛАЯ ДОРОГА.

Въ Арицїю прибывъ изъ Рима по отъѣздѣ,
былъ мало время тутъ съ Гелїодоромъ вмѣстѣ,
Кой славнымъ Риторомъ межъ Греками былъ чтимъ.
Мы оба въ путь единъ отправилися съ нимъ;

Примѣчанїя.

Стихотворецъ описываетъ путешествїе свое изъ Рима въ Брундизїю, упоминая о неудобностяхъ онаго, и о забавномъ спорѣ, произшедшемъ между шутомъ Сарментомъ и Мессїемъ Цицерромъ.

Ст. 1. *Въ Арицїю прибыпъ изъ Рима по отъѣздѣ*) Городъ Арицїя

Потомъ въ градъ Аппїевъ оттуда мы присѣли,
Гдѣ мореходцовъ тьму и корчмарей злыхъ зрѣли.
Чрезъ два дни медленно прїѣхали туда,
А можнобъ въ день, когдабъ скоряй была ѣзда,
И Аппїевой страхъ дороги презирали.
Какъ ужинать мои товарищи тутъ стали,
Я голодъ принужденъ терпѣть былъ той порой,
Боясь отъ воды вреда себѣ худой,
И ждалъ другихъ, снося ихъ съ горестью медленье.
Ужъ наводила ночь на землю помраченье,
Готовясь показать небесныхъ видъ украсъ;
Матрозы начали съ рабами брань въ тотъ часъ,
И межъ собой они ругалися упрямо.
Иной кричитъ: Сюда, сюда правь судно прямо;
Другой шумитъ: Ужъ ты до трехъ сотъ насажалъ,
И нудитъ кормчаго, чтобъ плыть онъ поспѣшалъ.
Межъ тѣмъ, когда вели между собою ссору,
Начало здѣлали съ пловущихъ денегъ збору,
И путать начали бечевкой лошаковъ,
Часъ цѣлой времени державши ѣздоковъ.
Ночною каморы съ лягушками порою
Лишали сладкаго пловущихъ всѣхъ покою.
Любезныхъ скучило отсудствїе пловцамъ,
Которые своимъ отраду дать сердцамъ
И пѣснями разбить старались мысли думны,
Когда вспѣвали ихъ матрозы съ ними шумны.

Скло-

построенъ былъ на Аппїевой дорогѣ, разстоянїемъ отъ Рима на 160 стадїй.

Ст. 5. *Потомъ въ градъ Аппїевъ* и проч.) Древней городъ въ Кампанской провинцїи при рѣкѣ Нимпѣ, который назывался *Аппїева площадь* (Forum Appii); а нынѣ на томъ мѣстѣ монастырь называемой *Новая яма*. Отъ сего города въ Феронїю переѣздъ былъ черезъ болота, по тому что за трудностїю дороги сухимъ путемъ ѣздить не можно было.

Склонились отъ труда къ покою ѣздоки,
И пущены на кормъ отъ судна лошаки,
Которое едва припутавъ къ камню съ хмелю,
Палъ на обычную ничкомъ матрозъ постелю.
Насталъ ужѐ и день; ни въ задъ мы ни впередъ,
Пока одинъ изъ насъ вскочилъ, увидѣвъ свѣтъ,
И ухвативъ въ сердцахъ претолстую дубину,
Матроза охмѣлилъ, и еюжъ билъ скотину.
Въ четвертомъ трудныя часу прешли мѣста́,
И вышли, гдѣ вода источника чиста
Журчитъ и хвалится, Феро́нія, тобою:
Той ру́ки и уста омыли мы водою.
По трудномъ толь пути окончивъ нашъ обѣдъ,
Еще три мили шли усталые впередъ,
И наконецъ ужѐ достигли Таррацины,
Гдѣ важныя имѣлъ быть Меценатъ причины,
Съ Кокце́емъ Не́рвою въ посольствѣ бывъ одномъ,
Которы примирять друговъ могли умомъ.
Въ томъ мѣстѣ я мои текучи мазалъ очи;
Вдругъ прибылъ Меценатъ и съ нимъ въ посольствѣ прочи,
Кокцей, и Капито́нъ Фонтей острѣйшій мужъ,
Вѣрнѣйшая душа Антонію всѣхъ душъ.

Мы

Ст. 41. *Журчитъ и хвалится, Феронія, тобою*) Источникъ посвященной богинѣ Фероніи, которой капище отъ Таррацины на третей милѣ разстояніемъ находилось. Сія богиня почиталась супругою Юпитера Анксурскаго или Таррацинскаго, котораго тамъ почитали; ибо городъ Таррацину, по свидѣтельству Плиніеву, Волски Анксуромъ называли.

Ст 47. *Съ Кокцеемъ Нервою въ посольствѣ бывъ одномъ*) Сіе Посольство отправлено было на съѣздъ для постановленія мира между Цесаремъ Августомъ и Антоніемъ.

Ст. 51. *Кокцей и Капитонъ Фонтей*) *Кокцей Нерва* былъ прадѣдъ Нервы Императора, Консулъ римскій, которой съ Агриппою между обоими въ семъ мирѣ посредниками были.

Мы въ Фу́нды для того поѣхать не желали,
Что Фу́ска Преторомъ Авфидія тамъ знали:
Наградѣ глупаго смѣялись лишь писца,
Кой въ семъ достоинствѣ гордился безъ конца,
Признаковъ онаго тщеславяся сїяньемъ;
Но были въ Фо́рмїяхъ довольны пребываньемъ,
Гдѣ честно приняты Муре́ною мы въ домъ,
А Капито́новымъ угощены столомъ.
Послѣдующїй день пріятнѣй былъ тѣмъ болѣ,
Что въ Синуэссѣ намъ на Капуанскомъ полѣ
Любезные друзья попались невзначай,
Вирги́лїй, Пло́тїй, Варъ. Мнѣ всѣхъ миляй случай,
Что больше всѣхъ меня прїятствомъ обязали.
Съ какою радостью другъ друга лобызали!
Столь вѣрной для меня прїятель честенъ есть,
Что ничего ему не можно предпочесть.
Близъ Капуа́нскаго въ сельцѣ мы мосту стали,
Гдѣ намъ проводники потребное давали.

По-

Ст. 53. *Мы въ Фунды для того поѣхать не желали*) Городъ Фунды отстоялъ отъ Таррацилы въ 10ти миляхъ по Аппїевой дорогѣ въ правой сторонѣ.

Ст. 55. *Наградѣ глупаго смѣялись лишь писца*) Писцы посылаемы были въ провинцїи, и раздѣлены были по степенямъ, по тому что опредѣлялись при Квесторахъ, Ценсорахъ, городскихъ управителяхъ, и Преторахъ. Такимъ писцомъ былъ Авфидій Фускъ, которой наконецъ здѣлался Преторомъ.

Ст. 58. *Но были въ Формїяхъ довольны пребываньемъ*) *Формїи* былъ древней городъ при рѣкѣ *Агнѣ* въ Неаполѣ; нынѣ называется *Кола*, и отстоитъ отъ Неаполя за 14. миль.

Ст. 62. *Что въ Синуэссѣ намъ на Капуанскомъ полѣ*) *Синуэсса* древней городъ въ Неаполитанскомъ королевствѣ, лежащей при рѣкѣ Гариглянѣ не подалеку отъ Минтурновъ.

Ст. 64. *Виргилїй, Плоцїй, Варъ*) Имена римскихъ стихотворцовъ, изъ коихъ перьвый столь славенъ былъ въ римѣ, сколь Гомеръ въ Грецїи.

Ст. 69. *Близъ Капуанскаго въ сельцѣ мы мосту стали*) разумѣются *Фрегеллы*, отстоявшїе отъ Капуи на 16. миль, которой городъ

Потомъ какъ съ лошаковъ сложили мы всю кладь,
Игрою Меценатъ себя сталъ забавлять;
Я спать легъ между тѣмъ и такожде Виргилїй,
За тѣмъ что мы играть мячемъ опасны были,
Я былъ подслѣпъ, другой желудкомъ слабъ ѕѣло.
Оттуда прибыли въ Кокцеево село,
За Клавдїевыми лежащее корчмами.
Теперь упомяни мнѣ краткими словами
Цицерра Мессїя съ Сарментомъ шутомъ прю,
Тебѣ, О Муза! я объономъ говорю,
И оба отъ какихъ родителей рожденны,
Въ раздоръ между собой вступили дерзновенный.
Отъ Осковъ Мессїй свой родъ славный выводилъ;
Сарментъ пущенный рабъ отъ господина былъ,
Отъ предковъ произшедъ толь благородныхъ оба,
Свели брань межъ собой; вдругъ воскипѣла злоба.
Сарментъ сказалъ сперьва: Столь видомъ ты пригожъ,
Что весь на жеребца удалаго похожъ.
Смѣялись мы тому, а Мессїй отвѣчаетъ:
Пусть такъ; и головой тряхнувъ его стращаетъ.
Къ тому Сарментъ ему такую молвилъ рѣчь:
Когда бы ни кому рогъ не случилось ссѣчь,
То что бы зделать ты могъ будучи съ рогами?
Не такъжель бы меня зболъ, какъ дрался съ волами,

E Когда

за отступленїе отъ римлянъ раззоренъ.

Ст. 77. *За Клавдїевыми лежащее корчмами*) Такъ назывался Самнїйской городъ, лежащей не подалеку отъ беневента.

Ст. 83. *Отъ Осковъ Мессїй свой родъ славный выводилъ*) *Оски* или *Камланцы* древней народъ въ Италїи, которой зараженъ былъ природною нечистотою или проказою на лицѣ. *Родъ славный* въ посмѣянїе сказано, по тому что Мессїй и Сарментъ подлые были.

Ст. 92 *Когда бы никому рогъ не случилось ссѣчь*) Сарментъ насмѣхается Мессїю, у котораго на лбу срѣзана была бородавка.

Когда окарнаной грозишь толь люто мнѣ?
А у него чело на лѣвой сторонѣ
Обезображено болячкой мерской было,
Мохнатоежъ лице на всемъ лбу щеть носило,
Надъ коимъ много онъ смѣялся и шутилъ,
И что бы какъ Циклопъ онъ поплясалъ, просилъ,
Въ большіе чоботы, какъ шутъ, не обуваясь,
Ниже когда химеръ въ ночной мечтѣ пугаясь.
Смѣялся и ему Цицерръ, какъ дураку:
Ужель цѣпь въ даръ принесъ домашнему божку.
Притомъ хотя писцомъ его всякъ почитаетъ,
Но власть еще надъ нимъ господска пребываетъ.
А наконецъ, по что збѣжалъ, сталъ вопросить,
Кой фунтомъ хлѣба въ день доволенъ могъ бы быть,

За

Ст. 100. *И что бы какъ Циклопъ онъ поплясалъ, просилъ*) То есть, по обыкновенію Циклоповъ. У римлянъ были Циклопейскія игры, въ коихъ представлялся на театрѣ Полифемъ, которой плясалъ чрезъ голову весьма необыкновеннымъ образомъ.

Ст. 101. *Въ большіе чоботы, какъ шутъ, не обуваясь*) Чоботы, по Латинѣ называемые cothurni, была особливая обувь охотниковъ и театральныхъ игроковъ съ высокими каблуками, чтобъ представляя Героевъ тѣмъ важнѣе казаться могли. Сарментъ былъ высокаго росту, и для того чоботы ему не нужны были.

Ст. 102. *Ниже когда химеръ въ ночной мечтѣ пугаясь*) По тому что Мессій безобразнымъ своимъ видомъ самъ походилъ на химеру.

Ст. 103. *Ужель цѣпь въ даръ принесъ домашнему божку*) Сарментъ, какъ о немъ выше въ сей сатирѣ стихотворецъ упоминаетъ, былъ рабъ пущенной отъ господина на волю. Сія язвительная укоризна взята отъ подобія возраслыхъ ребятъ и дѣвицъ римскихъ, которыя выступивъ изъ ребяческихъ лѣтъ посвящали домашнимъ божкамъ обыкновенные свои уборы, на подобіе того, какъ у насъ вступившіе въ замужство дѣвицы косъ съ лентами не заплетаютъ, и ими не повязываются.

Ст. 105. *Хотя писцомъ его всякъ почитаетъ*) О писцахъ смотри примѣчаніе подъ стихомъ 54мъ сей сатиры.

Ст. 106. *Но власть еще надъ нимъ господска пребываетъ*) То есть, власть Цесарева, которой ему даровалъ вольность и чинъ.

Ст. 108. *Кой фунтомъ хлѣба въ*

За тѣмъ что не великъ и тонокъ былъ собою.
Весьма забавились мы ужиною тою,
И прямо въ Беневентъ отправились отсель,
Гдѣ суетливый чуть хозяинъ не згорѣлъ,
Когда про насъ дроздовъ на кухнѣ жарилъ старой,
По коей широко Вулканъ разшедшись ярой
Спѣшилъ верьхъ хижины свирѣпымъ пламемъ жечь.
Голодны гости тутъ, чтобъ ужинъ какъ зберечь,
Рабы же то за тѣмъ, то за другимъ метались,
И обще погасить пожаръ мы всѣ старались.
Оттуда начали являться горы мнѣ,
Которыя лежатъ въ Апульской сторонѣ,
Гдѣ знойный Атавулъ наноситъ вредъ живущимъ.
Не можнобъ миновать сихъ горъ намъ въ путь идущимъ,
Когдабъ близъ Тривика лежащее село
Отъ сей дороги насъ тогда не отвело.
Отъ дыма ѣдкаго тамъ мы лились слезами,
За тѣмъ что вѣтвїе сырое жгли съ листами.

день и проч.) Слуги по большой части бѣгутъ отъ господъ для чрезмѣрной ихъ скупости и худаго содержанїя.

Ст. 111. *И прямо въ Беневентъ*) Беневентъ, Неаполитанской городъ, принадлежащей Папѣ, гдѣ нынѣ Архїепископъ съ титуломъ Эрцгерцога находится.

Ст. 114. *По коей широко Вулканъ* и проч.) Вулканъ, то есть, пламя. Вулканъ, сынъ Юпитера и Юноны, котораго по баснословїю стихотворцовъ, Юпитеръ свергнулъ съ неба за учиненную имъ помощь Юнонѣ, своей матери, съ которою онъ имѣлъ ссору. Жители острова Лемноса, на которой онъ упалъ, его изцѣлили, хотя онъ между тѣмъ хромымъ здѣлался. Стихотворцы употребляютъ его вмѣсто огня, по тому что онъ напослѣдокъ кузнецъ былъ.

Ст. 121. *Гдѣ знойный Атавулъ* и проч.) Вѣтръ весьма вредительной Апулїи, для моровой язвы, которую онъ наносилъ.

Ст. 123. *Когдабъ близъ Тривика* и проч.) Тривикъ городъ въ королевствѣ Неаполитанскомъ; нынѣ называется Тривенто.

Тутъ лживой дѣвушки до полночи я ждалъ,
Однако мною сонъ въ тѣхъ мысляхъ обладалъ.
Отпуда четверо въ путь спѣшно устремились,
И въ Эквотуцїю прибывъ остановились:
Тутъ воду продаютъ, что есть всего смѣшняй,
Лишь только хлѣбъ другихъ мѣстъ лучше и вкусняй,
За тѣмъ прохожїе охотно покупаютъ,
Тѣ, кои каменной въ Канузїи быть знаютъ,
Который древле градъ построилъ Дїомидъ,
И въ коемъ также водъ не лучшїй вкусъ и видъ.
Въ семъ мѣстѣ съ плачемъ Варъ съ прїятельми разстался,
А нашъ путь далѣе до Рубовъ простирался;
Куда усталые достигли наконецъ,
За тѣмъ что всякъ изъ насъ былъ дальныхъ странъ пришлецъ.
Дорога портиться отъ заморозовъ стала;
Проведрѣло, ѣзда трудъ большїй причиняла,
Пока до Барїи нашъ продолжали путь.
Бывъ въ Гнатїи потомъ, гдѣ воды шумны бьютъ,
Довольно смѣха тамъ нашли мы и забавы,
Какъ представленїя услышали неправы,
Что будто ладонъ тамъ курится безъ огня.
Пусть увѣряютъ тѣмъ жида, а не меня;

За

Ст. 134. *Тѣ, кои каменной въ Канузїѣ* и проч.) Канузїя въ древнїя времена раззореной городъ, гдѣ нынѣ замокъ Каносса въ герцогствѣ Моденскомъ. Сей городъ построенъ былъ отъ Дїомида, Царя Этолїйскаго.

Ст. 144. *Бывъ въ Гнатїи потомъ, гдѣ воды шумны бьютъ*) Рубы, Барїя и Гнатїя не въ дальнемъ разстоянїи межъ собою по одному тракту находились, изъ коихъ послѣдней городъ можетъ быть стоялъ при подножїи горы, съ которой рѣка бѣжала.

Ст. 147. *Что будто ладонъ тутъ курится безъ огня*) Плинїй въ книгѣ 2, главѣ 107 пишетъ, что въ Салентинскомъ городѣ Гнатїи есть нѣкоторой почитаемой тамъ камень, на которой наложенныя дрова безъ огня загараются.

Ст. 148. *Пусть увѣряютъ тѣмъ жида*) Язычники, особливо Эпику-

За тѣмъ что жизнь боговъ безпечно вся преходитъ,
И естьли чудно что натура производитъ,
Не льзя сказать, чтобъ то збывалось отъ небесъ.
Брундизїя мой стихъ скончала и путь весь.

рейцы, которые ни какому закону не слѣдовали, жидамъ смѣялись и за суевѣрныхъ признавали, подтверждая, что боги ни о чемъ не радятъ, ни начто не преклоняются и не умилостивляются; напротивъ того жидовъ въ посмѣянїе себѣ ставили, что они никакой вещи чувствїю ихъ предложенной не покланялись, но только взирая на небо мольбу приносили, и для того ихъ облакопоклонцами (Nubicolae) именовали.

Ст. 152. *Брундизїя мой стихъ скончала и путь весь)* брундизїя былъ портъ и городъ въ Калабрїи, откуда римляне безопасно въ Грецїю ѣздить могли. По Страбонову объявленїю отстоялъ отъ рима за 360. миль.

Сатира VI.

Туллїй.

Хотя ты, Меценатъ, съ временъ ведешь родъ давныхъ,
И знатностью затмилъ мужей Лидїйскихъ славныхъ,

Примѣчанїя.

Горацїй въ сей сатирѣ похваляя равное чистосердечїе и благосклонность Меценатову какъ къ благороднымъ такъ и незнатнымъ, осмѣваетъ безумное римскаго народа, о произведенїи и уваженїи однихъ знатныхъ, и о презрѣнїи подлыхъ, разсужденїе.

Ст. 1 и 2. *Хотя ты, Меценатъ,* и проч.) Меценатъ, какъ о немъ въ началѣ первой сатиры упомянуто, производилъ родъ свой отъ Этрусскихъ Царей. Тирренъ, Атисовъ сынъ, населилъ Этрурїю переведенцами изъ Лидїи, во время недорода хлѣба и глада, которой по имени сво-

Колико ни-было въ Етрусской ихъ странѣ;
Хотя вожди полковъ великихъ на войнѣ
По матери твой дѣдъ и по отцѣ бывали;
Но ты, что родомъ подлъ кто, или чиномъ малый,
Въ безчестіе того не ставишь никому,
Какъ многи дѣлаютъ противное сему.
Хотя по своему рожденью я незнатенъ,
Однако ты всегда ко мнѣ благопріятенъ.
Не спрашивая титлъ почтительныхъ именъ,
Лишь честный любишь нравъ, ктобъ нибылъ кѣмъ рожденъ,
И правое о томъ имѣешь разсужденье,
Что прежде, какъ пріялъ незнатный Туллъ владѣнье,
Изъ гражданъ многіе заслугами цвѣли,
Не предковъ гербами, и честно жизнь вели,
Достигши знатнаго чрезъ добродѣтель чина.
А напротивъ того столь мало чли Левина,
Валерій коего Публикола родилъ,
Которымъ изгнанъ Царь Тарквиній Гордый былъ.
Что въ грошъ народъ его велику ставилъ цѣну,
Кой недостойнымъ щедръ творить чиновъ премѣну,

И

ему назвалъ сію страну Тирренією или Тиромъ, а братъ его по жребію учинился въ Лидіи наслѣдникомъ.

Ст. 9. *Хотя ло своему рожденью я незнатенъ*) То есть. Не имѣю знатныхъ предковъ. Горацій родился отъ раба, пущеннаго на волю, какъ послѣ самъ о себѣ въ сей сатирѣ упоминаетъ.

Ст. 14. *Что прежде, какъ пріялъ незнатный Туллъ пладѣнье*) Сервій Туллій, по числу шестый Царь римской, былъ Тарквинія Приска Лукумона рабъ, рожденный отъ невольницы.

Ст. 18. *Столь мало чли Лепина*) Сей Левинъ произшелъ отъ весьма знатной Фамиліи, но столь непотребно и развращенно жилъ, что болѣе Квесторскаго чина дослужиться не могъ.

Ст. 20. *Которымъ изгнанъ Царь Тарквиній Гордый былъ*) Тарквиній Гордый былъ седьмый и послѣдній Царь въ римѣ, которой Валеріемъ Публиколою, отцемъ помянутаго Левина, и Іуніемъ брутомъ за учиненное Лукреціи насильство сверженъ съ престола, и изъ рима изгнанъ былъ.

И слѣдуетъ однимъ пустымъ лишь именамъ,
Цѣня всю честь людей по дѣдамъ и отцамъ.
Когдаже и простой народъ судилъ такъ право;
То разсужденье мы съ тобой имѣя здраво,
И онымъ будучи весьма отмѣнены,
Которой должны въ томъ держаться стороны?
Положимъ, что Левинъ согласїемъ народа
Почтенъ бы честью былъ по превосходству рода;
А Де́цїя, кой въ знать изъ подлости вошелъ,
Оставилъ бы народъ при томъ, что онъ имѣлъ;
Пусть Аппїева власть меня лишалабъ чина,
И подлость бы моя тому была причина:
Конечно бы такой поступокъ былъ правдивъ,
Что въ перьяхъ здѣлаться чужихъ хочу спѣсивъ.
Ворона не должна летѣть въ больши́ хоромы:
Но славы лѣпотой всѣ люди суть влекомы.

Огром-

Ст. 28. *Которой должны въ томъ держаться стороны*) То есть, какое мнѣнїе въ томъ имѣть намъ должно, благородныхъ или злонравныхъ возводить на высокїя степени, или подлыхъ добродѣтельныхъ, поколику слѣпой народъ о достоинствѣ обыкновенно разсуждаетъ по знатности рода.

Ст. 29. и слѣд: по ст 35. *Положимъ, что Левинъ* и проч.) Горацїй уступаетъ въ томъ преимущество народу, чтобъ производить въ чины знатныхъ, но съ тѣмъ, чтобъ безразсудныя и несправедливыя онаго опредѣленїя важнѣйшими и благоразумнѣйшими людьми исправляемы были, каковъ въ Римѣ былъ Аппїй Ценсоръ, которой хотя и допускалъ въ чины знатныхъ, но только тѣхъ, кои достойны были; а подлыхъ и по прихотямъ народа возвышенныхъ низводилъ паки въ прежнее состоянїе, въ томъ разсужденїи, что чины и преимущества, также и должности состоянїю каждаго и поступкамъ соотвѣтствовать должны.

36. *Что въ перьяхъ здѣлаться чужихъ хочу спѣсивъ*) То есть, стараюсь неприличное состоянїю моему получать достоинство. Извѣстна Езопова притча о Галкѣ, которая украсивъ себя перьями другихъ птицъ вмѣшалась въ павлиное стадо, гдѣ ее узнавъ тѣ перья выщипали, и отъ себя прогнали. Подобное сравненїе тщеславныхъ и безумныхъ людей бываетъ съ осломъ, во львиную кожу одѣтымъ.

Ст 37. *Ворона не должна летѣть въ больши хоромы*) Руская

Огромной домъ и цукъ богатой всѣхъ манятъ,
И знатныхъ и простыхъ на то глаза горятъ.
Сложивъ достоинство, къ чему опять, Туллъ, тщиться,
Чтобъ въ чинъ Сенаторской, въ Трибунску честь добиться?
Вознесшись, найдешь ту одну себѣ корысть,
Что станетъ на тебя зла зависть зубы грысть,
Которой подлежать гораздо будешь болѣ,
Какъ естьлибъ по своей приватнымъ жилъ ты волѣ.
Представь безумнаго надменна въ соболяхъ,
И въ знатныхъ подлаго сїяюща чинахъ,
Не слышитъ ли всякъ часъ: Кто онъ, и кѣмъ рожденный!
Какъ тотъ, кто страстїю подобной зараженный:
И той же слабости подверженъ, коей Барръ,
Тщась въ нѣжныхъ возбудить сердцахъ любовный жаръ,
Дѣвицамъ щегольствомъ заботу налагаетъ,
Что всякая изъ нихъ подробну знать желаетъ,
Каковъ съ лица и ногъ, и каковы глаза,
Какъ пукли завиты, заплетена коса;
Такъ, кто высокїй санъ правителя прїемлетъ,
Сулитъ, что онъ печась о градѣ не воздремлетъ,
Что съ пользой гражданъ власть свою соединитъ,
Италїю отъ бѣдъ и храмы защититъ;

А

пословица, которая значитъ, что съ большими и знатными лицами равняться не должно.

Ст. 41 и 42. *Сложивъ достоинство, къ чему опять, Туллъ, тщиться, чтобъ въ чинъ* и проч.) разумъ сочинителя есть сей: Что пользы искать чести, когда отъ того великая ненависть раждается? Туллїй оный Iулїемъ Цесаремъ отъ Сената отрѣшенъ былъ для подозрѣнїя, будто онъ держался стороны Помбеевой; а по убїенїи Цесаря паки принялъ на себя Сенаторской чинъ, и Трибуномъ воинскимъ учиненъ былъ.

Ст. 50 и 51. *Какъ тотъ, кто страстїю подобной зараженный, ... коей Барръ*) Примѣръ отъ подобїя взятый. Сей барръ зараженъ былъ страстїю любодѣянїя, и для прельщенїя дѣвицъ своею красотою ходилъ по всѣмъ мѣстамъ, коимъ чрезъ то далъ причину разведывать о своемъ имени и пригожествѣ.

А поводъ тѣмъ даетъ развѣдывать народу,
Кто мать, и кто отецъ былъ? знатнаго ли роду?
Въ противномъ случаѣ съ ропотаньемъ вопїетъ:
Кто подлецу сему такую власть даетъ,
Чтобъ гражданъ Римскихъ онъ смѣлъ предавать злой казни?
Тверди сто разъ: Межъ мной и Новьемъ не безъ разни,
И выше я его степенью, хоть подлецъ;
А онъ отпущеникъ, и тожъ, что мой отецъ.
Однакъ на то тебѣ въ отвѣтъ всѣ скажутъ люди:
Честняй ты Новїя; по твоему то буди,
Но Мессала ли ты иль Павелъ по тому?
Онъ хуже, скажешь ты, тебя и по уму,
И только что вопѣть столь громко онъ умѣетъ,
Что двухъ сотъ колесницъ стукъ гласомъ одолѣетъ,
И можетъ заглушить музы́ку горломъ онъ,
Хотя бы много вдругъ случилось похоронъ,
При коихъ бы въ трубы́ играли три, четыре.
Да тѣмъ, что у него зѣвъ твоего поширѣ,
По крайней мѣрѣ любъ и милъ народу есть,
И судятъ всѣ за то его возвысить въ честь.
Теперь я собственну возму въ разсудокъ долю,
Рожденный отъ раба пущеннаго на волю.

Ж Зу-

Ст. 65. *Тверди сто разъ* и проч.) То есть, доказывай несклонному и презирающему тебя народу, что ты имѣешь сверстника себѣ Новїя, которой хотя ниже тебя степенью, поколику онъ отпущеникъ, а ты отъ такого отца рожденный, и хотя онъ разумомъ недостаточнѣе, но Трибунское достоинство имѣетъ.

Ст. 70. *Но Мессала ли ты иль Павелъ по тому*) Сїи двѣ презнатныя фамилїи весьма высоко въ Римѣ почитались. Здѣсь народъ отвѣчаетъ: Не можешь для того великимъ себя поставлять, что ты вольной.

Ст. 80. *Теперь я собственну* и проч.) Горацїй самъ о себѣ говорить начинаетъ.

Зубами на меня за то скрежещетъ всякъ,
Что ты мнѣ, Меценáтъ, являешь дружбы знакъ,
Что прáвилъ нѣкогда я римскимъ легеономъ.
Нѣтъ сходства съ дружествóмъ отнюдъ въ правленьи ономъ.
Иное подлому имѣть честь безъ заслугъ,
Другое дѣло, что тебѣ я сталъ быть другъ,
Которой съ выборомъ дружишься осторожно,
Не съ тѣмъ, чтобъ предъ людьми гордиться было можно.
Щастливымъ не могу себя звать по сему,
Что случаемъ пришелъ по сердцу твоему;
А не Фортуна мнѣ въ томъ оказала службу,
Что принялъ въ милость ты меня свою и дружбу.
Виргúлій съ Вáріемъ къ тому открыли слѣдъ,
И кто я все о мнѣ сказали на передъ.
Представъ передъ тебя поговорилъ я мало,
Стыдѣнье рѣчь плодить тогда не дозволяло;
Всего же паче лжи не восхотѣлъ сказать,
Что знатнаго отца имѣю, честну мать,
Что кормныхъ лошадей набиты всѣ конюшни,
Что провождаю дни въ забавахъ я нескушны,
И ѣздя по своúмъ пространнымъ деревнямъ,
Спокойство нахожу съ обильностію тамъ;
Но то, что былъ, тебѣ нескрытно объявляю,
И кратко на вопросъ, какъ любишь, отвѣчаю;
А пóслѣ отхожу я отъ тебя домой.
Какъ девять мѣсяцовъ съ поры минуло той,

Вто-

Ст. 83 и 84. *Что ты мнѣ, Меценатъ* и проч.) Показываетъ двѣ причины ненависти къ себѣ народа, а именно Меценатово дружество и Трибунское правленіе въ войскѣ Брутовомъ, которыя между собою обѣ различны.

Ст. 94. *Виргилій съ Варіемъ* и проч.) Смотри о нихъ примѣчаніе подъ стихомъ 53мъ въ сатирѣ пятой.

Вторично ты меня къ себѣ въ домъ призываешь,
И быть въ числѣ друговъ своихъ повелѣваешь.
Великимъ долженъ я благодѣяньемъ чтить,
Что ты вмѣнилъ меня любви достойнымъ быть,
Кой различаешь злыхъ и честныхъ межъ собою
Не рода знатностью, но нравовъ добротою,
Изрядствомъ житїя и сердца правотой.
Когда же блудитъ въ чемъ посредственно умъ мой,
И малые въ себѣ пороки я имѣю,
А впротчемъ честно жизнь препровождать радѣю,
И тѣ погрѣшности тебѣ примѣтны такъ,
Какъ виденъ не большой на чистомъ тѣлѣ знакъ;
Когда алчбы во мнѣ и гадкости не видно,
Когда я по шинкамъ не волочусь безстыдно,
Но въ непорочности похвально жизнь веду,
И милъ за то друзьямъ, что вѣрность къ нимъ блюду:
Всему тому былъ трудъ родителя причиной,
Кой скудной пашнею довольствуясь единой,
Дать Флавїю меня въ науку не хотѣлъ,
Чтобъ въ школѣ у него учился щетныхъ дѣлъ,
Куда не мѣлкїя дѣтей давали лица,
У коихъ на боку висѣлъ щотъ и таблица,
Когда къ ростовщику учиться въ школу шли,
Иль деньги собранны въ указной срокъ несли:
Но для наукъ меня въ Римъ отвезти потщился,
Гдѣ вмѣстѣ я съ дѣтьми шляхетскими учился,
И межъ Сенаторскихъ былъ наставляемъ чадъ.
Когда бы кто на мнѣ тогдашней зрѣлъ нарядъ,

Ст. 126 *Дать Флавїю меня въ науку не хотѣлъ*) Флавїй въ тогдашнїя времена былъ нѣкто изъ обучающихъ ариѳметикѣ и щетнымъ дѣламъ, которыя больше знать надлежитъ ростовщикамъ и купцамъ, нежели знатнымъ лицамъ.

И провождаема увидѣлъ бы рабами,
Возмнилъ бы, что живу я дѣдними крохами.
Онъ не-былъ отъ меня отлученъ никогда,
Храня обычаи отъ всякаго вреда;
При всѣхъ учителяхъ старался самъ прилѣжно,
Чтобъ стыдъ былъ вкорененъ вопервыхъ въ сердце нѣжно,
Стыдъ, добродѣтели краса и перьва честь,
И чтобъ не только зла не смѣлъ я произвесть,
Но чтобъ безчестнаго и слóва опасался.
Тѣмъ страхомъ духъ его о мнѣ не возмущался,
Что пóслѣ малому достатку буду радъ,
И въ нуждѣ деньгу ту почту себѣ за кладъ,
Которую, какъ онъ, съ продажи получаютъ,
Тѣ, кои съ молотка пожитки расцѣняютъ.
И какъ ему въ порокъ то не моглобъ служить,
Такъ я бы никогда о томъ не сталъ тужить.
Тѣмъ похвалы моей отецъ достоинъ болѣ,
И ябъ благодарилъ его въ мизирной долѣ.
Не должно на отца такóва мнѣ пѣнять,
Да я и не хочу себя такъ защищать,
Какъ многíе твердятъ: Не я де въ томъ виною,
Что не подъ солнцемъ въ свѣтъ родился, подъ луною,
И то не по моей збылося волѣ такъ,
Что батюшка у всѣхъ забытой былъ простякъ.
Весьма другое я имѣю разсужденье:
И естьли бы дала натура позволенье
Съ извѣстныхъ лѣтъ опять возобновлять свой вѣкъ,
И лучшихъ избирать отцовъ отъ человѣкъ;

Пускай

Ст. 149 *Кои съ молотка пожитки расцѣняютъ*) Отецъ Горацiевъ былъ авкцiонистъ, которой торгующимъ объявлялъ даемую за каждую вещь цѣну.

Ст. 150. *И какъ ему въ порокъ* и проч.) То есть, не предосудительнобъ было моему отцу, естьли бы я по смерти его для бѣдности, оставя науку, принялся за его ремесло.

Пускай бы всякъ искалъ по собственному вкусу,
Я не поддался бы натуры въ томъ искусу,
А воленъ будучи родившими меня;
Не пожелалъ бы тѣхъ, чьи знатны имена,
Которы гербами и титлами почтенны.
Пусть думалъ бы народъ, что я ума лишенный,
Однако бы меня разумнымъ ты почелъ,
Что бремени носить такова не хотѣлъ,
Къ которому отнюдь я не бывалъ привыченъ.
Тогдабъ мнѣ малый былъ достатокъ не приличенъ,
Но нужнобъ было ужъ пространнѣе мнѣ жить,
И многимъ всякой день поклоны развозить.
Когдабъ въ деревню путь, иль инуды случился,
Тобъ цѣлой караводъ за мною слугъ тащился;
Потребнобъ болѣе мнѣ было лошадей,
Колясокъ для ѣзды и множество людей.
Не посмѣется мнѣ никто въ той неудачѣ,
Хоть на худой въ Тарéнтъ теперь поѣду клячѣ,
У коей вся спина обтерлась отъ седла,
И шея здѣлалась отъ хомута гола.
Никто мнѣ онаго въ зазрѣнье не поставитъ,
Что о твоихъ народъ обрядахъ, Туллїй, славитъ,
Какъ по Тибýрской ты дорогѣ идешь пѣшъ,
И Прéторъ пятерыхъ слугъ за собой ведешь,
Урильникъ и съ виномъ несущихъ сзади флягу.
И такъ повольну жизнь имѣю я и благу,

Ст. 180. *Не посмѣется мнѣ никто въ той неудачѣ*) То есть, что я не имѣю такого достатка, какой надлежало бы мнѣ имѣть будучи знатнымъ господиномъ.

Ст. 181. *Хоть на худой въ Тарентъ* и проч.) *Торентъ* былъ весьма славной въ Апуліи или Калабріи, а нынѣ посредственной городъ въ Неаполитанскомъ королевствѣ: Въ древнія времена достопамятенъ великою роскошью и сластолюбіемъ.

Ст. 186. *Что о твоихъ народъ обрядахъ, Туллїй* и проч.) О Тул-

Не зная прихотей излишнихъ и зоботъ,
И больше, нежель ты Сенаторъ, зрю выгодъ.
Хожу одинъ, и знать стараюсь не стыдяся,
Какъ дорогъ хлѣбъ и соль, и почему фунтъ мяса?
Къ Цирценскимъ зборищамъ не рѣдко выхожу,
Или по площади торговой я брожу;
Молитву должную богамъ я воздаваю,
Потомъ пришедъ домой горохъ да щи хлебаю.
Какъ ужинаю я за небольшимъ столомъ,
Стакана два стоятъ съ водою и виномъ;
Изъ глинянаго лью напитокъ я сосуда;
Кампанской весь приборъ, тарелки, чашки, блюда
Три мальчика на столъ становятъ предо мной.
Отъужинавъ иду безпечно на покой,
И не пекусь, чтобъ мнѣ въ одно встать съ солнцемъ время,
И челобитенъ несть въ судъ Марсїевъ беремя,
Гдѣ племя Новїевъ несносно ужъ давно,
Что тяжбами судьямъ наскучило оно.
Въ четыре я часа съ постели поднимаюсь,
Читаю иль пишу, иль послѣ сна шатаюсь,
Уединенными весь мыслями объятъ.
Употребляю я для тѣлаароматъ,
Не такъ какъ голова у Натты вся вонюча,
На кою тратится свѣчныхъ огарковъ куча.

Когда

дѣ смотри выше въ сей сатирѣ примѣчанїе подъ стихомъ 40мъ.

Ст. 195. *Къ Цирценскимъ зборищамъ не рѣдко выхожу*) У римлянъ было публичное зборное мѣсто, называемое *Циркомъ* (Circus), которое учредилъ Тарквиний Прискъ, для игръ, конскихъ ристанїй, звѣриной травли, поединковъ и тому подобныхъ. Оно заведено было съ одной стороны вдоль продолговато, а съ другой полукружїемъ, и притомъ окружено было оградою.

Ст 203. *Кампанской весь приборъ*) То есть, не щегольской, но посредственной. Въ Кампанїи дѣлывались изрядные глиняные и мѣдные сосуды.

Ст. 206. *И челобитенъ несть въ судъ Марсїевъ*) Въ семъ судѣ раз-

Когда же солнце жаръ умноживъ въ вышинѣ,
Ко умовенію покажетъ пору мнѣ;
Тогда отъ сильнаго скрываюся я зною.
Обѣдать не спѣшу съ великою алчбою,
Но столько съѣвъ, чтобъ день до вечера терпѣть,
Съ полудня дома я обыкъ отдыхъ имѣть.
Такая жизнь есть тѣхъ, которыхъ не тревожитъ
Надменна пышность духъ, и прихотей не множитъ.
Симъ веселясь, я такъ жить буду наконецъ,
Какъ будтобъ Квéсторъ былъ мой дядя, дѣдъ, отецъ.

бирали всякія тяжебныя и спорныя дѣла, каковъ нашъ судной приказъ.

Ст. 221 *Какъ будтобъ Квесторъ былъ* и проч.) Квесторская должность была взыскивать, хранить и въ расходъ употреблять государственные доходы, и Квесторъ тоже почти значитъ, что рентмейстеръ. Сей былъ первой чинъ, которой отворялъ путь къ вышнимъ степенямъ.

Сатира VII.

Рупилій

Извѣстны, думаю, въ шинкахъ и баняхъ вѣсти
О сильной Пéрсія Царю Рупи́лью мести
За ядовитую сего изганца злость.
Сей Пéрсій многимъ былъ богатствомъ славный гость,

Кой

Примѣчанія.

Публій Рупилій, Царь Пренестинскій, будучи изгнанъ отъ Пренестинцовъ, воевалъ въ Аттической странѣ подъ предводительствомъ Акція Вара; а потóмъ служа вмѣстѣ съ Гораціемъ въ войскѣ Брутовомъ, часто поносилъ его незнатностію рода: чего ради сатирикъ для отмщенія своей обиды описываетъ здѣсь грубую и жестокосердую Рупиліеву въ ссорѣ съ Персіемъ Клазоменскимъ поступку.

Кой въ Клазоме́нахъ дѣлъ премножество имѣя
Раздоръ съ изгнаннымъ велъ Царемъ, чтя какъ злодѣя.
Гордъ, дерзокъ будучи, злословить столь умѣлъ,
Что ба́рровъ и Сисе́ннъ легкобъ преодолѣлъ;
И словомъ, человѣкъ сей столь жестокосердый,
Что злобой превзошелъ Царя, и былъ въ ней твердый.
Чтожъ о Царѣ сказать? Когда взрасла вражда,
Ко примиренїю не зрѣлося слѣда,
За тѣмъ что свойство тожъ и недругамъ обычно,
Которое мужамъ воюющимъ прилично.
Зла ненависть была Геройскихъ двухъ сердецъ,
Пресѣкла кою смерть едина наконецъ:
[О Ге́кторѣ здѣсь рѣчь и Ахилле́сѣ славномъ]
Причинажъ состоитъ ея въ семъ дѣлѣ главномъ,
Что было мужество безмѣрно въ обоихъ.
Когда же идетъ споръ о чемъ между такихъ,
Которые тогда, какъ брань ведутъ, слабѣютъ,
Иль въ силахъ равенства другъ съ другомъ не имѣютъ,

Какъ

Ст. 5. *Кой въ Клазоменахъ дѣлъ премножество имѣя*) Не должно сїе разумѣть о дѣлахъ партикулярныхъ или до купечества касающихся, но о судебныхъ и тяжебныхъ, въ коихъ богатые наипаче заплетены бываютъ.

Ст. 8. *Что Барровъ и Сисеннъ легкобъ преодолѣлъ*) Сїи оба, то есть барръ и Сисенна, были весьма злословные ругатели, коихъ однако Персїй гораздо въ томъ превосходилъ.

Ст. 13 и 14. *Свойство тожъ и недругамъ обычно, которое* и проч.) Сварливые имѣютъ отъ природы тоже самое свойство, которое храбрымъ людямъ прилично; и какъ тѣ одинъ другаго въ дѣлѣ правѣе быть стараются, такъ сїи на бою желаютъ побѣдить другъ друга, поколику храбраго человѣка дѣло, лучше умереть честно, нежели со стыдомъ искать спасенїя, и другому добровольно поддаться.

Ст. 17. *О Гекторѣ здѣсь рѣчь и Ахиллесѣ славномъ*) Оные были два прехрабрые полководца, одинъ съ Троянской, а другой съ Греческой стороны, которыхъ храбрость описана въ Гомеровой Илїадѣ и въ исторїи о раззоренїи Трои.

Какъ съ Главкомъ бой имѣлъ неравный Дїомидъ;
Тогда, кто слабѣе, давъ дары, брань гаситъ.
Во время Брутова во Азїи правленья
Дошло у Персїя съ Рупильемъ до сраженья,
Въ которыхъ равная являлась крѣпость силъ.
Не лучше съ Бахїемъ Биѳонъ въ сраженьяхъ былъ.
Съ жестокимъ бросились два чуда въ судъ стремленьемъ:
Какъ Персїй приступилъ къ Собранью съ предложеньемъ,
Смѣялись бывшїе всѣ при расправѣ той:
Онъ Брута выхвалялъ и весь при немъ конвой;
Свѣтиломъ Азїи вдругъ возвеличилъ Брута,
Звѣздами называлъ при немъ всѣхъ бывшихъ тута,
И только одного лишь исключалъ Царя,
Песъ неба, про него отважно говоря,
Противная звѣзда бразды ведущимъ въ полѣ,
И такъ противъ него еще стремился болѣ,
Какъ быстрая рѣка съ крутыхъ текуща горъ,
Гдѣ рѣдко древесамъ касается топоръ.
Рупилїй такожде прѣдкими словами,
Какъ выжималъ изъ древъ сокъ крѣпкими руками,

Ст. 23. *Какъ съ Главкомъ бой имѣлъ неравный Дїомидъ*) Главкъ, Ликїйской полководецъ, которой, какъ Гомеръ пишетъ, будучи больше безуменъ и хвастливъ, нежели храбръ, вступилъ съ Дїомидомъ въ бой; но сей будучи напротивъ того мужественъ и хитръ уговорилъ своего соперника съ собою примириться, и въ залогъ онаго мира получилъ отъ него золотую броню, давъ ему свою мѣдную.

Ст 28. *Не лучше съ Бахїемъ Биѳонъ* и проч.) Сїи имена славныхъ поединщиковъ.

Ст. 29. *Съ жестокимъ бросились два чуда* и проч.) То есть, Персїй и Рупилїй, коихъ именовалъ чудовищами.

Ст. 36. *Песъ неба* и проч.) Разумѣется песья звѣзда или Сирїусъ, которая опасна для тяжкаго и знойнаго времени, въ кое по большей части сабаки бѣсятся, по чему она и названа *песьею звѣздою*, а то время *песьими днями* (Dies caniculares).

Ст. 40. *Гдѣ рѣдко древесамъ касается топоръ*) На крутыя и высокїя горы неудобно для рубки дровъ всходить можно.

Изъ сердца такъ его язвилъ и поносилъ,
И на крестьянина презлаго походилъ,
Которомубъ легко могъ уступить прохожей,
И развѣбъ только звалъ кукушкой, гадкой рожей.
А Грекъ, почувствовавъ за кожею морозъ,
Вдругъ Персій возопилъ: Твоихъ страшились грозъ.
Низверженны тобой, о бруть! Цари съ престола;
Казни сего Царя: Твоя въ томъ власть и воля.
Я именемъ боговъ сей простираю гласъ,
Чтобъ совершилъ, о чемъ прошу тебя въ сей часъ.

Ст. 47. *А Грекъ почувствовавъ за кожею морозъ*) Персій родомъ былъ Грекъ, которому ядовитое Рутиліево поношеніе такъ несносно было, какъ жестокой морозъ среди зимы.

Сатира VIII.

Пріапъ.

Пень Фиговой я былъ сперьва, болванъ безплодный;
Не зналъ и мастеръ самъ, къ чемубъ я былъ пригодный,
И скамью ли ему построить, иль божка?
Пріапа здѣлала художная рука.
Съ тѣхъ поръ я ставъ божкомъ, воровъ и птицъ пугаю;
Имѣя въ правой жердь рукѣ, тѣхъ отгоняю,

Стра-

Примѣчанія.

Стихотворецъ представляетъ въ сей сатирѣ Пріапа, которой поставленъ былъ въ Эсквилинскихъ садахъ, жалующагося, что не столько обеспокоиваютъ его воры и птицы, какъ ворожеи, въ томъ мѣстѣ для колдовства собирающіяся.

Стращаю наглыхъ птицъ лозою отъ плодовъ,
Чтобъ, роя сѣмена, не портили садовъ,
На Эсквили́нскомъ вновь пространствѣ насажденныхъ,
Гдѣ труповъ множество бывало погребенныхъ.
На тѣ мѣста̀ рабы товарищей своихъ
Изъ хижинъ вынося, бросали тамъ худыхъ.
То было общее кладбище бѣдной че́рни:
Скончавшій Номентанъ жизнь въ мотовствѣ и зерни,
И Пантолавъ, кой былъ извѣстный мотъ и шутъ,
Какъ тотъ такъ и другой лежатъ зарыты тутъ.
Обширность мѣста вся на плитѣ означалась,
И вдоль и поперегъ въ предѣлахъ заключалась,
И было сверьхъ того иссѣчено на ней,
безродный что голякъ зарытъ въ могилѣ сей.
А нынѣ можетъ жить въ Эсквилахъ всякъ по волѣ,
На холмѣ въ ясны дни гулять и ровномъ полѣ.
Печальный всюду видъ до толѣ зрѣлся тамъ,
И кости лишь по всѣмъ валялися мѣстамъ.
Не столько птицы тутъ досадны мнѣ и воры,
Сколь ядъ Волшебницъ злыхъ, шептанья, наговоры,
Которыми они тревожатъ духъ людей.
Не льзя никакъ прогнать прелютой язвы сей:

Ст. 9 *На Эсквилинскомъ вновь пространствѣ насажденныхъ*) *Эсквилами* называлась гора и село въ Римѣ, гдѣ былъ за́мокъ Римскаго Царя Тулла Гостилія; послѣ на томъ мѣстѣ погребались рабы и подлые люди, гдѣ напослѣдокъ Меценатъ для здраваго воздуха развелъ сады.

Ст. 14 и 15 *Скончавшій Номентанъ жизнь въ мотовствѣ и зерни, и Пантолавъ*, *кой* и проч.) Сіи оба расточивъ имѣніе свое погребены въ Эсквилахъ, которые можно по нашему назвать *убогимъ домомъ*.

Ст. 17 и 18. *Обширность мѣста вся на плитѣ означалась*) На плитѣ означалось все пространство погребальнаго мѣста, которое имѣло въ ширину тысячу, а въ длину триста саженей; при томъ и завѣщаніе умершаго.

Какъ скоро солнце зракъ, скончавъ бѣгъ, скроетъ въ понтѣ,
Блудящая луна взойдетъ на горизонтѣ,
Збираютъ зелїя и кости для вреда.
Я видѣлъ, какъ пришла Канидїя туда
Вся, растрепавъ власы, въ нелѣпости безмѣрной,
И препоясанна была въ одеждѣ черной,
И ноги зрѣлися босыя у нея.
Вдругъ послѣ страшнаго съ Саганою вытья,
Являя съ ужасомъ блѣднѣющїя хари,
Драть землю начали ногтьми волшебны твари,
И зубомъ растерзавъ потомъ они овна,
На коемъ черная вездѣ была волна,
Кровь въ яму испущать ископанную стали,
Чтобъ духи собрались и имъ отвѣты дали.
Личины ими двѣ тудажъ принесены,
Которы здѣланы изъ воску и волны;
Послѣдняя была сильняе первой многимъ,
Хотѣвшая карать мученьемъ слабу строгимъ.
Изъ воску здѣланна стояла передъ той,
Какъ рабскимъ образомъ терпящая рокъ злой.
Едина Гекату на помощь призывала,
Другая лютую Тизифону склоняла.
Змѣямъ подобны тѣ и адскимъ зрѣлись тамъ;
И самая луна раздѣлась, зря сей срамъ,
И скрылась, чтобъ такихъ не видѣть злодѣянїй.
А естьли лгу, глаза пусть выклюютъ мнѣ враны,

И

Ст. 32. *Я видѣлъ, какъ пришла Канидїя туда*) Канидїя и Сагана, о которой ниже въ сей сатирѣ упоминаетъ, суть имена волшебницъ.

Ст. 49 и 50. *Едина Гекату на помощь призывала, другая лютую Тизифону* и проч.. Гекатою называлась Прозерпина; а Тизифоною одна изъ трехъ адскихъ фурїй.

И пусть достануся на всякой я позоръ,
Чтобъ Юлїй, Педїатъ, Воранъ ругался воръ.
Чтожъ все упоминать проказы злыхъ явленїй,
Какъ проницательно жужжа съ Саганой тѣни
Плачевной дѣлали и чуткой звукъ въ ушахъ,
Которой всякому навелъ бы сильной страхъ?
Какъ волчью морду тѣ злодѣйки хоронили,
И съ нею вмѣстѣ зубъ змѣй въ землѣ зарыли?
Какъ растопившись воскъ умножилъ пламя вдругъ,
И какъ я, видя то, сихъ устрашилъ подругъ?
Отмстилъ, пресѣкши тѣхъ съ дѣлами фурїй рѣчи:
Сколь громко лопаетъ воловей иль овечїй,
Когда надутъ пузырь и сильно напряженъ,
Столь громко Фиговой разсѣдшись треснулъ пень.
Тѣмъ здѣлался конецъ волшебству ихъ и злобѣ;
Канидья бросились съ Саганой въ городъ обѣ;
Отъ треску выпали всѣ зубы вонъ у той,
У сей спалъ съ головы парикъ ея большой,
И ядовитыя изъ рукъ упали травы.
Довольно было шутъ и смѣха и забавы;
Когдабъ кто на сїе позорище смотрѣлъ,
Премногобы, чему смѣяться, тотъ нашелъ.

Ст. 56. *Чтобъ Юлїй, Педїатъ, Воранъ ругался поръ*) То есть, естьли я говорю неправду, то пусть всякой бездѣльной и негодной человѣкъ мнѣ насмѣхается.

Ст. 61. *Какъ волчью морду тѣ злодѣйки хоронили*) Въ деревняхъ привѣшивали надъ дверьми волчью морду, будто тѣмъ отъ порчи избавлялись, такъ какъ у насъ въ хлѣвинахъ лапоть вѣшаютъ.

Сатира IX.

Скучная встрѣча.

Священнымъ идучи путемъ, какъ мнѣ обычно,
Я размышленіе имѣлъ въ умѣ различно,
И крѣпкой думою объята мысль была.
Вдругъ нѣкто подбѣжавъ ко мнѣ, какъ вихрь иль мгла,
И за руку схвативъ, всель жизнь ведешь щастливу?
Сказалъ: Которому я отвѣчалъ противу:
благополучно такъ живу, какъ зришь теперь,
Желаю и тебѣ во всемъ успѣха, вѣрь.
Когда не отходя онъ отъ меня ни пяди,
Куда бы я ни шелъ, за мной тащился съ зади;
Тогда я рѣчію предъускорилъ его,
Не хочетъ ли еще онъ отъ меня чего?
На то онъ мнѣ сказалъ: Я больше не желаю,
Какъ знать меня прошу; ученыхъ почитаю,
И самъ на свѣтѣ я ученой человѣкъ.
Дороже будешь мнѣ ты тѣмъ, въ отвѣтъ я рекъ.
Не нужны были мнѣ тутъ всѣ его науки,
Но всячески ища избавиться отъ скуки,
То шелъ скоряе, то оторопѣвъ стоялъ,
И на́-ухо слугѣ не знаю что шепталъ.

Межъ

Примѣчанія.

Горацій описываетъ въ сей сатирѣ скучнаго и болтливаго человѣка, которой на дорогѣ съ нимъ встрѣтился, и отъ котораго едва бы избавился, естьли бы незапно нашедшей на нихъ соперникъ онаго въ судъ его не потащилъ. Сія сатира почти вся писана разговоромъ.

Межъ тѣмъ я ощущалъ злу горесть и досаду,
И тайно самъ себѣ я говорилъ въ отраду:
Щастливымъ я тебя, бола́нъ, считаю въ томъ,
Что терпѣливъ на все и скроменъ ты умомъ.
А тотъ о всячинѣ болтая пустомеля,
Не къ стати выхвалялъ то городы, то се́ла.
Ни сло́ва я ему не говорилъ въ отвѣтъ;
Готовъ я за тобой итти, сказалъ мнѣ, въ слѣдъ,
Хотя, какъ вижу, ты прочь отойти желаешь;
Я не отстану, знай; пустое затѣваешь.
Скажи же мнѣ: Куда намѣренъ ты итить?
Тебѣ, рекъ, не́-почто со мною колесить:
близъ Цесаревыхъ другъ садовъ живетъ любезный,
Не знаемый тебѣ, кой страждетъ отъ болѣзни,
И коего за Тибръ я посѣтить иду.
Я празденъ, нелѣнивъ, съ тобою побреду.
Повѣсилъ голову я, какъ оселъ усталый,
Кой на хребтѣ своемъ имѣетъ возъ не малый.
болтливой говорить не преставалъ языкъ:
Когда я самъ въ себя моимъ разсудкомъ вникъ,
То знаю, что меня ты больше поставляешь,
Какъ Виска межъ друговъ, какъ Ва́рія считаешь.
Ктобъ больше иль скоряй меня стихи писалъ?
Ктобъ лучше и нѣжняй, какъ я одинъ, плясалъ?
Пою такъ, что и самъ Тигеллъ бы удивился.
По сихъ словахъ ко мнѣ болтливой обратился,

Имѣешь

Ст. 23. *Щастливымъ я тебя, Боланъ, и проч.*) Сей боланъ умѣлъ великодушно сносить всякія досады, такъ что и знаку гнѣва не оказывалъ, котораго терпѣливости Горацій себѣ въ семъ случаѣ желаетъ.

Ст. 42. *Какъ Виска межъ друговъ, какъ Варія считаешь*) Вискъ и Варій, пріятели Виргиліевы и Гораціевы, въ то время оба были изрядные стихотворцы.

Ст. 45. *Пою такъ, что и самъ Тигеллъ бы удивился*) О Тигелліѣ смотри примѣчаніе въ сатирѣ второй подъ стихомъ 4мъ.

Имѣешь ли ты мать и сродниковъ, спросилъ,
Которымъ бы животъ твой дорогъ былъ и милъ?
Нѣтъ ни кого, сказалъ; всѣ мною погребенны,
Одинъ остался я въ живыхъ, они блаженны.
Губи, и поражай ножемъ въ гортань иль въ бокъ;
Сивиллой въ младости пришелъ вѣщанный рокъ:
„ Сего ни скорбь, нижѐ чахотка, ни отрава,
„ Нижѐ подагра иль враговъ рука кровава,
„ Нижѐ какое зло другое истребитъ;
„ болтливой наконецъ незапно погубитъ.
„ Какъ скоро въ возрастъ онъ достигнетъ совершенный,
„ Отъ многорѣчивыхъ да будетъ удаленный.
Четвертая часть дня минула въ скукѣ сей,
Какъ къ храму Вестину пришелъ со мной злодѣй:
По случаю ему въ судѣ стать должно было,
А время то ужѐ конечно наступило,
И естьли бы сего въ тотъ часъ не учинилъ,
Тобъ дѣло все свое въ ничто онъ обратилъ.
Коль хочешь мнѣ явить любовь твою, какъ другу,
То помоги, сказалъ, и покажи услугу.
Я говорилъ на то: Пусть лучше пропаду,
Нежь въ судъ не знаючи правъ гражданскихъ пойду.
Ктомужъ въ судѣ стоять я силъ не ощущаю,
И знаешь ты, куда теперь я поспѣшаю.
Чтожъ дѣлать? къ рѣчи той болтливой рекъ въ отвѣтъ,
Тебяль пустить, иль судъ весь бросить за пометъ.
Оставь меня, прошу. Ты просишь не о дѣлѣ,
И напередъ пошелъ: Послушенъ пустомелѣ
Я принужденъ ужъ быть, и спорить не посмѣлъ.
Какъ Меценатомъ мы любимъ? онъ рѣчь завелъ.
Не многихъ, отвѣчалъ, онъ въ дружбу принимаетъ,
О коихъ разумѣ и постоянствѣ знаетъ.

Никто

Никто разумно столь щастливымъ не живалъ,
Какъ только онъ, на то болтливый мнѣ сказалъ.
Когда бы зналъ меня мужъ по тебѣ толикій,
Предстатель о тебѣ всегдабъ я былъ великій;
Пускай бы первенство ты въ милости имѣлъ,
А я хотябъ ужѐ вторымъ себя почелъ:
Кленусь, что былъ бы всѣмъ ты протчимъ предпочтенный.
Не такъ, какъ мнишь, живемъ мы тамъ, не такъ надменны;
Сей домъ отъ всякаго порока чистъ и чуждъ;
Не знаютъ въ немъ притворствъ, тревогъ, обмановъ, нуждъ.
Я не смотрю на то самъ жадными глазами,
Когда богаче кто, когда наукъ лучами
Гораздо болѣе чей разумъ просвѣщенъ;
Всякъ собственнымъ своимъ талантомъ есть снабдѣнъ.
Великое ты мнѣ расказываешь дѣло,
болтливой рекъ: Повѣрь, сказалъ я, въ томъ мнѣ смѣло.
Тѣмъ больше, говорилъ, желаю во сто кратъ,
И тщиться буду, чтобъ мнѣ другъ былъ Меценáтъ.
Старайся лишь о томъ; ты честностью твоею
Возможешь овладѣть несклонною душею,
И можешъ Меценáтъ тобой быть убѣжденъ,
Хотя сперьва къ нему есть доступъ загражденъ.
Потщусь притти въ любовь я всякими трудами.
И буду задобрять рабовъ его дарами:
Хотябъ не удалось теперь мнѣ доступить,
Но не престану я о щастіи рачить;
Не буду отлагать часъ къ времени иному;
Встрѣчаться стану съ нимъ, и провождать до дому.

И ВвѣкЪ

Ст. 95. *Тѣмъ больше, говорилъ,*) То есть болтливой.

Ст. 97. *Старайся* и проч) Горацій говоритъ.

Ст. 101. *Потщусь притти въ любовь*) болтливой.

Вѣкъ смертному добра на свѣтѣ не видать,
Когда къ чему труда не станетъ прилагать.
Въ тотъ часъ сошелся вдругъ со мною Фускъ Арістій,
Кой зналъ говоруна, мнѣ былъ пріятель истый.
Остановились мы; онъ прежде вопрошалъ,
Откуда и куда мнѣ путь тогда лежалъ?
И я спросивъ его о томъ, щипалъ, мигалъ, жалъ ру́ки,
Глазами поводилъ, чтобъ свободилъ отъ скуки.
А онъ; какъ будто бы того не разумѣлъ,
Смѣялся, и себя ко мнѣ холоднымъ велъ.
Я огорченный бывъ поступкою такою,
Сказалъ: Не знаю что за тайну ты со мною
Недавно передъ симъ хотѣлъ поговорить.
Я помню, до поры то должно отложить,
Севоднижъ, знаешь самъ, тритцату чтимъ субботу;
Иль презирать жидовъ имѣешь ты охоту?
Я рекъ: Не слѣдую законамъ никакимъ.
Да я, онъ отвѣчалъ, не прекословлю имъ,
И многихъ слабѣе; въ сію прости мнѣ пору,
Я время изыщу другое къ разговору.
О сколь печальный сей день для меня насталъ?
Оставивъ въ петлѣ, Фускъ бездѣльникъ побѣжалъ.
Соперникъ вдругъ нашелъ на болтуна въ то время,
И громко закричалъ: Куда ты, злое сѣмя?
Ты будешь ли моимъ свидѣтелемъ, сказалъ?
Готовымъ быть къ тому я тотчасъ обѣщалъ.
На судъ тащилъ его, не медля онъ ни мало;
Съ обѣихъ крикъ сторонъ и противленье стало;
Отвсюду множество збѣжалося людей;
Избавилъ Аполлонъ меня, погибъ злодѣй.

САТИ-

Ст. 120. *Я помню* и проч.) Слова Фусковы къ Горацію.

Ст. 121. *Тритцату чтимъ субботу*) Жиды и по нынѣ при каждомъ новомѣсячіи великую субботу празднуютъ.

Сатира X.

Луцилій.

И Подлинно сказалъ я правду, что Луци́лій
Слагалъ свои стихи безъ важности и силы;
Да кто бы таково пристрастіе имѣлъ,
Чтобъ въ томъ, дружа ему, признаться не хотѣлъ?
Чтожъ многимъ солонъ сталъ и горекъ, тотъ же самый
Хвали́мъ за тѣ стихи народными устами.
Но для смѣшковъ однихъ, которыми пятналъ,
Не льзя сказать, чтобъ онъ и впротчемъ былъ удалъ.
По симъ бы я хвалилъ Лаве́ріа резонамъ,
И равнобъ и́грищнымъ дивился забобонамъ.
Но не довольно, чтобъ въ стихахъ представивъ смѣхъ,
Понудить хохотать ихъ слушающихъ всѣхъ,
Хотя и то хвалю; нужна рѣчь сокращенна,
Чтобъ въ слогѣ мысль была творца не принужденна,
Чтобъ не мѣшалась связь пространностью рѣчей,
И чтобъ не отягчалъ усталыхъ слухъ ушей.
Къ печали рѣчь клони словъ жалостныхъ приборомъ,
А иногда веди забавнымъ разговоромъ,

И 2 Чтобъ

Примѣчанія.

Горацій отвѣчаетъ тѣмъ, кои его обвиняли за опороченіе Луцилiевыхъ стиховъ въ сатирѣ четвертой, въ которой о немъ говоритъ, что нескладные стихи писалъ; въ чемъ извиняется тѣмъ, что онъ не стихотворца, но стихи его хулилъ, которые онъ по состоянію тогдашняго времени слагалъ худо.

Ст. 9. *По симъ бы я хвалилъ Лаверія резонамъ*) То есть, ежели бы одни шутки въ писателяхъ похвальны были, тобъ и Лаверія за то хвалить мнѣ надлежало. Децій Лаверій, римской шляхтичъ, писалъ шуточные стихи, и хотя также въ рѣчахъ забавенъ, но слогъ его не складенъ: Однако Юлій Це-

Чтобъ риторомъ порой и стихотворцемъ былъ,
Другою бы своихъ не напрягалъ ты силъ,
Умѣренностью всѣмъ являяся учтивымъ.
Забавной трогаетъ слогъ больше предъ бодливымъ,
И силенъ слѣдствія великія пресѣчь.
Мѣшали съ шутками и жалостію рѣчь
Тѣ, кои древнія комедіи писали;
Достойно по сему, чтобъ мы имъ подражали.
Однакъ ихъ не читалъ сорокоумъ Тигеллъ,
И кромѣ ничего сей пиѳикъ не умѣлъ,
Какъ честь Катулловы и Калвовы тетрати.
Мѣшалъ де Гречески слова съ латынью къ стати,
Тигелловы друзья мнѣ скажутъ вопреки:
Но вы, о поздые въ наукахъ знатоки!
Какой нашли въ его трудъ и премудрость книшкѣ,
Въ которой подражалъ Родійской онъ мартышкѣ?

Изъ

сарь за представленныя имъ послѣднія игры подарилъ ему золотое кольцо и пять сотъ сестерціевъ, какъ о томъ Светоній объявляетъ.

Ст. 22. *Забавной трогаетъ слогъ больше предъ бодливымъ*) Шутками великія дѣла въ ничто обратить можно. Древнихъ комедій намѣреніе было тоже, которое нынѣшнихъ сатиръ, чтобъ осмѣяніемъ пороковъ исправлять нравы. Въ старыхъ оныхъ комедіяхъ имена порочныхъ и злонравныхъ людей безъ зазрѣнія и страха упоминались, что хотя иногда и великія слѣдствія произвесть могло бы, но оныя вмѣшанными шутками пресѣкались. По чему говоритъ стихотворецъ, что комической стихъ хотя чувствительнѣе, но безопаснѣе нежели сатирической.

Ст. 27 и 28. *Сорокоумъ Тигеллъ*) То есть, легкомысленный и весьма разумнымъ себя почитающій, и для того въ слѣдующемъ стихѣ назвалъ его пиѳикомъ или обезьяною, которая все безъ разсужденія дѣлаетъ.

Ст. 29. *Какъ честь Катулловы и Калвовы тетрати*) То есть, говорить рѣчи въ комедіяхъ изъ Катулловыхъ и Калвовыхъ стиховъ.

Ст. 34. *Въ которой подражалъ Родійской онъ мартышкѣ*) Чрезъ родійскую мартышку разумѣетъ Горацій нѣкоего негоднаго стихотворца, которой прежде Луцилія также Димитрія Родійскаго, въ Латинскихъ своихъ сочиненіяхъ мѣшалъ Греческія слова не къ статѣ.

Изъ двухъ языковъ рѣчь пріятна вамъ одна,
Какъ пуншъ изъ сладкаго и горькаго вина.
Скажитежъ мнѣ: Когда стихи слагать вамъ нужно,
Иль должно говорить судъ за Петилла дружно,
И отъ Попликолы съ Корвиномъ защищать,
Латынью весь доносъ обыкшихъ представлять;
То развѣ нравнѣе повадки вамъ такія,
Въ природной чтобъ языкъ лѣпить слова чужія,
Какъ двуязычные Канузцы говорятъ?
бывъ Греческими умъ стихами мой объятъ
Рожденнаго меня въ Апуліи близъ моря
Ихъ нудилъ составлять: Но въ томъ мнѣ Ромулъ споря,
Предсталъ, когда ужѐ минула полночь въ снѣ,
И естьли сны не лгутъ, то рекъ онъ такъ ко мнѣ:
Напрасно въ лѣсъ дрова безумно ты таскаешь;
Или собой число умножить Грековъ чаешь?

Ст. 37. *Скажитежъ мнѣ* и проч.) То есть, скажите вы мнѣ защитники Луциліевы, ежели бы вамъ надлежало слагать стихи, или на судѣ защищать Петиллія, то не ужѐ ли бы вы какъ въ стихосложеніи, такъ и на судѣ мѣшали Греческой языкъ съ Латынью.

Ст. 38. *Иль должно говорить судъ за Петилла*) Сей Петиллій обличенъ былъ въ похищеніи Капитолинскаго капища отъ Педія Попликолы и Мессалы Корвина, велерѣчивыхъ Витіевъ, которые Греческихъ словъ употреблять весьма остерегались.

Ст. 43. *Какъ двуязычные Канузцы говорятъ*) То есть, жители города Канузы, которые говорили по Гречески и по Латынѣ. О Канузѣ смотри въ сатирѣ пятой примѣчаніе подъ стихомъ 133мъ.

Ст. 45. *Рожденнаго меня въ Апуліи близъ моря*) Горацій родился въ Апуліи близъ Тирскаго моря, а не въ Сициліи и Ахаіи.

Ст. 46. *Но въ томъ мнѣ Ромулъ споря*) ромулъ съ братомъ своимъ ремомъ были основатели рима.

Ст. 49. *Напрасно въ лѣсъ дрова безумно ты таскаешь*) То есть, не для чего тебѣ считаться между Греческими стихотворцами, коихъ число и безъ тебя велико.

Смѣюсь Алпи́новой надменности въ стихахъ,
Кой о Ахи́лловыхъ съ Мемнономъ пѣлъ бояхъ,
Но такъ, какъ бы лишалъ Мемно́на жизни дерзско;
Наполнилъ тиной Ренъ, описывая мерско.
Я Та́рпѣ не даю стиховъ моихъ на судъ,
И не хочу, чтобъ ихъ сто разъ прочетши шутъ,
И скучивъ зрителямъ твердилъ, что имъ ужъ гнусно.
Одинъ Фунда́нїй могъ то удавать искусно,
Какъ дѣвка хитрая и Давъ проворный плутъ
Хреме́та старика умѣли обмануть.
О случаяхъ Царей пѣлъ Поллїонъ пристойно.
А Ва́рїй громкїя слагалъ поэмы стройно.
Вирги́лїй нѣжные стихи слагать умѣлъ,
Который воспѣвалъ прїятну жизнь межъ селъ.
Я въ са́тирахъ свою всю полагалъ утѣху,
Имѣя болѣе Варро́на въ нихъ успѣху,
Который оказалъ худые въ томъ плоды,
Такъ какъ и протчїе потратили труды.

Поч-

Ст. 51. *Смѣюсь Алпиновой и проч.*) Корнелїй Алпинъ стихотворецъ писалъ о сраженїи между Ахиллесомъ и Мемнономъ, но такъ, какъ бы онъ вторично убивалъ Мемнона.

Ст. 55. *Какъ въ храмѣ тѣ стихи предъ Тарпою чтены*) То есть, стихи Алпиновы. Метїй Тарпа былъ Критической судья всѣхъ стихотворенїй, которой всѣхъ пїитовъ стихи слушалъ и разсматривалъ въ Аполлоновомъ капищѣ, и безъ его удостоенїя никакихъ стиховъ въ комедїяхъ не читали.

Ст. 58. *Одинъ Фунданїй могъ* и проч. по ст. 61) То есть, Фунданїй искусно изобразить умѣлъ въ комической поэмѣ какъ и проч.

Ст. 61. *О случаяхъ Царей пѣлъ Поллїонъ пристойно*) Поллїонъ сочинялъ весьма изрядныя трагедїи.

Ст. 66. *Имѣя болѣе Варрона въ нихъ успѣху*) Варронъ Атацинскїй и нѣкоторые другїе не весьма удачно сатиры сочиняли.

Почтенья больше я къ начальнику имѣю,
Ни заслуженну имъ хвалу унизить смѣю,
Хотя и говорилъ, что онъ мѣшаетъ здоръ,
Выметывая блескъ и оставляя соръ.
Но скажутъ мнѣ: А ты, ученый черезъ мѣру,
Не ставишь ничего въ порокъ и самъ Гомеру?
Не хулитъ ли чего у Аттїя Луциллъ?
Не осмѣеваетъ ли и Эннїевыхъ силъ,
Которыя его гораздо суть слабѣе,
Хотя не говоритъ чтобъ онъ былъ ихъ умнѣе?
Такъ по сему и мнѣ кто можетъ возбранить,
Чтобъ, чтя Лицилловы дѣла, не вопросить,
Природноель свойство его вело въ погрѣшность,
Что грубые стихи слагалъ, оставя нѣжность,
Иль состоянїе худое тѣхъ временъ,
Что слогъ его не могъ исправно быть веденъ?
Но такъ, какъ бы кто тѣмъ доволенъ лишь остался,
Чтобъ стихъ его шестью стопами заключался,

Вто-

Ст. 69. *Почтенья больше я къ начальнику имѣю*) Луцилїй первой началъ писать сатиры.

Ст. 74. *Не ставишь ничего въ порокъ и самъ Гомеру*) То есть, развѣ ты самъ ничего не хулишь въ Гомерѣ, котораго однако себя ниже поставляешь. Гомеръ или Омиръ, Греческїй стихотворецъ столь славный, что святый Златоустый говоритъ о немъ, что онъ божескимъ вдохновенїемъ и силою въ писанїи спомоществуемъ былъ; а Василїй Великїй все стихотворенїе Омирово похвалою добродѣтели именовалъ.

Ст. 75. *Не хулитъ ли чего у Аттїя Луциллъ*) То есть, Луцилїй также, какъ и ты, погрѣшности находитъ у Аттїя, Трагическаго стихотворца.

76. *Не осмѣваетъ ли и Еннїевыхъ силъ*) Еннїй, самый древнїй стихотворецъ, писалъ комедїи, трагедїи, сатиры и другїя сочиненїя, изъ коихъ нѣкоторые только остатки, кромѣ комедїй у разныхъ писателей находятся.

И до обѣда бы писалъ по двѣсти строкъ,
И тотъ же бы имѣлъ отъужинавъ урокъ.
Столь Кассіевъ умъ былъ въ письмѣ скоропостижный;
Склавъ ящики его и вмѣстѣ кипы книжны
По смерти, говорятъ, ученой трупъ сожгли.
Пускай же бы такимъ Луцилія почли,
Что онъ забавенъ, что учтивъ и больше честенъ,
Нежь грубъ, и новостью одной стиховъ извѣстенъ,
И пусть бы древнихъ онъ піитовъ лучше былъ;
Но есть ли бы до насъ рокъ вѣкъ его продлилъ,
Изъялъ бы многое, излишне бы убавилъ,
И не исправной слогъ конечно бы исправилъ.
Не рѣдко, естьли бы стихи не удались,
Затылокъ бы чесалъ, у пальцовъ ногтибъ грызъ.
Штиль чаще премѣняй, чтобъ чисты шли и гладки,
И чтущимъ бы твои стихи казались сладки;
Ктомужъ не тщись, чтобъ имъ простой дивился людъ,
Но небольшимъ числомъ чтецовъ доволенъ будь.
Иль хочешь угодить ты тѣмъ безумной твари,
Чтобъ игрищныя тѣ стихи читали хари?
Я не таковъ, и тѣмъ доволенъ веселюсь,
Когда отъ Римскаго вельможи похвалюсь,
Какъ смѣло нѣкогда Арбускула сказала,
И изгнанна толпой другихъ такъ презирала:

Меня

Ст. 89. *Столь Кассіевъ умъ былъ въ письмѣ скоропостижный*) Сей Кассій многіе ни къ чему годные стихи написалъ, и для того по смерти его Римскій Сенатъ опредѣлилъ трупъ его вмѣстѣ съ письмами сожечь. О смерти сего стихотворца Валерій Максимъ и другіе писатели инако повѣствуютъ.

Ст. 109. *Какъ смѣло нѣкогда Арбускула сказала*) Арбускула, имя комедіантки, которая за неудачное представленіе будучи народомъ изгнана, а дворянствомъ

Меня ли тронетъ чемъ Пантилїй стрекоза?
Иль рваться, что бранитъ Димитрїй за глаза,
Что обижаетъ Фаннъ съ Тигеллїемъ компатомъ?
Пусть Плотїй съ Варїемъ, Виргилїй съ Меценатом.
Октавїй, Валгїй, Фускъ, и оба Виски пусть
Достойну изъ своихъ хвалу дадутъ мнѣ устъ.
Тебя я, Поллїонъ, могу вознесть хвалою,
И брата твоего Мессалу вдругъ съ тобою,
Вамъ, Сервїи, и вамъ Фурнъ, Вивулы дать честь,
И многимъ, кромѣ васъ, другимъ хвалы сплесть,
Которы мнѣ друзья наукой знамениты,
И кои мною здѣсь нарочно суть забыты.
Желалъ бы, чтобъ стихи вамъ нравились мои,
Жалѣя, естьли той надеждой льстятъ сїи:
Выжъ, Гермогенъ Тигеллъ, Димитрїй, оба грезы,
Комедїанокъ лить учите жалки слезы.

I Остань-

похвалена, сказала, что она честныхъ людей похвалою довольна, а подлость презирать всегда готова.

Ст. 112. *Меня ли тронетъ чемъ Пантилїй* и проч. по ст. 115.) Горацїй говоритъ о себѣ. *Пантилїй* и *Димитрїй*, о которомъ въ примѣчанїи подъ стихомъ 34мъ сей сатиры упомянуто, суть имена негодныхъ стихотворцовъ, а *Фаннъ* и *Тигеллїй* имена шутовъ.

Ст. 114 и 115. *Пусть Плотїй съ Варїемъ, Виргилїй съ Меценатомъ, Октавїй, Валгїй, Фускъ, и оба Виски* и проч.) О Виргилїѣ, Плотїѣ и Варїѣ сказано въ сатирѣ пятой въ примѣчанїи подъ стихомъ 63мъ; а о Меценатѣ въ началѣ сей сатиры. Подъ именемъ *Октавїя* можно разумѣть Цесаря Августа, котораго кроткой и тихой нравъ, также и искусство въ стихосложенїи всѣ похваляютъ. *Титъ Валгїй*, *Фускъ Аристїй* и два брата *Виски* суть имена не послѣднихъ римскихъ стихотворцовъ.

Ст. 117. *Тебя я, Поллїонъ* и проч.) Сочинитель трагедїй.

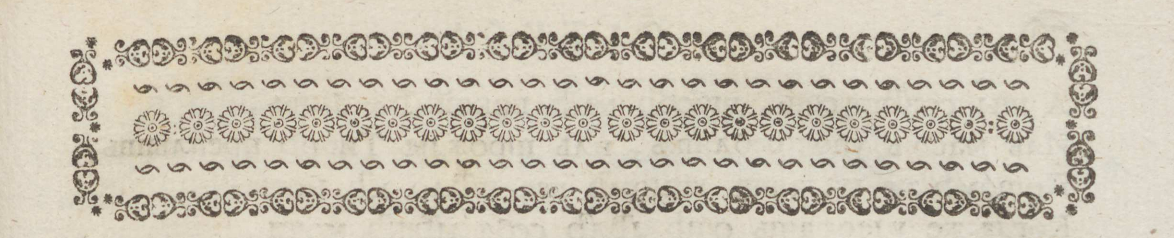
Ст. 119. *Вамъ, Сервїи, и Вамъ, Фурнъ, Вивулы* и проч.) Сервїи и Вивулы были знатныя римскїя фамилїи, а Фурнъ изрядный и вѣрный историй писатель.

Ст. 126. *Комедїанокъ лить*

Останься приговорЪ сей мой на вѢки такЪ,
КакЪ разЪ одинЪ его ужѐ помѢтилЪ дьякЪ.

учите жалки слезы) То есть, учите комедїанокЪ на театрахЪ представлять жалостныя явленїя, и плачущими притворяться.

КОНЕЦЪ ПЕРЬВОЙ КНИГИ.



КВИНТА ГОРАЦІА ФЛАККА

Сатиръ книга вторая.

Сатира I.

ТРЕБАТІЙ.

И злобны сатиры пишу я вдругъ и смѣлы,
И преступаю тѣмъ закона въ нихъ предѣлы,
Какъ нѣкоторые за то меня винятъ:
Нѣтъ важности въ стихахъ другіе говорятъ,
Въ день тысячу стиховъ такихъ составить можно.
Скажижъ, Требатій, мнѣ: Коль такъ, что дѣлать должно?
Покойся, говоришь, и больше не пиши.
Изрядно; я бы самъ лишиться радъ души,
Когдабъ могъ оное исполнить въ самомъ дѣлѣ,
Но не имѣю сна я лежа на постелѣ.

Примѣчанія.

Горацій видя, что нѣкоторые изъ римлянъ негодуютъ на его сочиненія, яко инымъ весьма оскорбительныя, а другимъ прощающія, требуетъ совѣта у Требатія Юриста, что ему въ такомъ случаѣ дѣлать?

Ст. 6. Скажижъ, Требатій, *мнѣ*) Требатій былъ римской дворянинъ, которой нѣсколько книгъ о гражданскомъ правѣ и о благочестіи написалъ, и можетъ быть изъ числа тѣхъ, кои Гораціевыми сочиненіями не довольны были.

А ты совѣтуешь, чтобъ мнѣ покойнѣй быть,
Иль масть употреблять, иль трожды Тибръ преплыть,
Потомъ же напаять виномъ все тѣло къ ночи:
Когда же удержать отъ дѣлъ себя нѣтъ мочи,
То Цесаревы пѣть дѣянія велишь,
За что велику мнѣ награду впредь сулишь.
Желалъ бы, мой отецъ, но слабъ мой духъ и силы,
Геройски чтобъ дѣла стихи мои гласили.
Ты знаешь вить и самъ: въ комъ силъ не достаетъ,
Тотъ страшныхъ копьями полковъ не воспоетъ,
Ни преломленными мечами Галловъ збитыхъ,
Ни падшихъ Парѳянъ съ седлъ, и ранами изрытыхъ.
Однако лучшебъ ты пѣлъ храбрыя дѣла,
Иль правда бы тобой восхвалена была,
Въ чемъ Сципіаду де Луциллову представлю.
Сего по времени я, вѣрь мнѣ, не оставлю,
Но напротивъ того, Требатій, вѣдай ты,
Что Флакковы слова не будутъ приняты,

И

Ст. 12 и 13. *Иль масть употреблять, иль трожды Тибръ преплыть, потомъ же напаять* и проч.) Сими словами скрытно пятнаетъ Требатія, яко глупаго, которой будучи Юристомъ, даетъ Горацію лѣкарское наставленіе, чтобъ избавиться отъ безсонницы намащеніемъ тѣла, плаваніемъ и питіемъ. Древніе обычай имѣли при наступленіи ночи для пріятнѣйшаго покою нарочно утруждать свое тѣло.

Ст. 20 и 21. *Тотъ страшныхъ копьями полковъ не воспоетъ, ни Парѳянъ* и проч.) Марій сражаясь съ Саитонами пущалъ въ нихъ преломленныя стрѣлы, которыхъ непріятелю обратно на него бросать не можно было. Въ сихъ стихахъ упоминается о Парѳянской или Галлской войнѣ, которая другимъ какимъ нибудь стихотворцомъ описана была.

Ст. 25. *Въ чемъ Сципіаду де Луциллову представлю*) То есть, представлю тебѣ въ образецъ Сципіаду Луциліеву. Луцилій описалъ войну Сципіона Африканскаго съ Аннибаломъ, котораго онъ выманивъ изъ Италіи побѣдилъ.

Ст. 28. *Что Флакковы слова*) То есть, стихи мои.

И развѣ Цесарь ихъ внушитъ въ благое время,
Который отражать обыкъ все льстивыхъ племя.
Тыжъ снова говоришь сїе мнѣ во преки:
Сколь лучшебъ было пѣть по важнѣе стишки,
А нежель о тебѣ худая пройдетъ слава,
Что обижать нашелъ ты шута Пантола́ва,
И Номентана съ нимъ негодницу язвить!
безъ опасенїя никто не можетъ жить,
И зная свой порокъ не тронутъ ненавидитъ,
Хоть са́тиръ въ глазъ его не колетъ, не обидитъ.
Что дѣлать? посмотри, какъ ве́селъ есть Мило́нъ!
Лишь стало чуть бродить во лбу, ужъ скачетъ онъ,
И въ мутныхъ у него очахъ ужъ свѣтъ двоится.
Ѣздою Ка́сторъ, братъ боями веселится:
Сколь много есть головъ, столь много и умовъ.
Я стопы лишь одни прибрать люблю изъ словъ,
Луци́лїеву въ томъ послѣдуя манеру,
Кой вмѣсто лучшаго намъ служитъ въ жизнь примѣру,
За тѣмъ что книгамъ онъ такъ вѣритъ, какъ друзьямъ,
И худоль здѣлалъ что, иль хвально, вноситъ тамъ,

Ст. 29 *И развѣ Цесарь ихъ внушитъ*) Цесарь Октавїй Августъ.

Ст. 35 *И Номентана съ нимъ* и проч.) Смотри о немъ въ сатирѣ осьмой примѣчанїе подъ стихомъ 14мъ.

Ст. 36. *Безъ опасенїя ни кто не можетъ жить*) То есть, никто не можетъ быть безопасенъ отъ поношенїя, ежели томуже пороку подверженъ, которымъ ты язвишь, и хотя бы впротчемъ молчалъ, однако такой тебя ненавидитъ.

Ст. 39. *Какъ веселъ есть Милонъ*) Милонъ былъ шутъ, которой подвеселившись тотчасъ плясать начиналъ.

Ст. 42. *Ѣздою Касторъ, братъ боями веселится*) Симъ означаются разныя склонности людей, какъ у насъ говорятъ просто: *Иной любитъ попа, а другой попадью*, или *всякой молодецъ на свой образецъ*, что самое изъясняется въ слѣдующемъ стихѣ.

Ст. 47. *За тѣмъ что книгамъ онъ такъ вѣритъ, какъ друзьямъ*) То есть, Луцилїева жизнь, въ разсужденїи честности и постоянства, служитъ намъ вмѣсто примѣра,

Отъ предпрїятаго пути не отступая.
Вся въ книгахъ старика жизнь явствуетъ такая,
Какой изобразить и въ лицахъ льзяль живяй?
Рожденъ Луканїи, Апулїи по край,
Не знаю, къ коему принадлежу народу,
А слѣдовать ему имѣю я свободу.
Венузцы обоихъ касаются земель,
И тамъ и здѣсь пахать свободенъ земледѣлъ.
Пришельцы посланны отъ Рима тамъ засѣли,
Когда, какъ идетъ слухъ, съ мѣстъ согнаны Сабеллы,
И праздны послѣ нихъ остались тѣ страны:
Опасножъ было, чтобъ не нанесли войны
Набѣгомъ дерзскїе Апулы иль Луканы.
Но штиль сей никому не здѣлаетъ злой раны,
И безъ вины вреда не будешь наносить,
Лишь станетъ отъ враговъ моихъ меня хранить,
Какъ острый мечь давно въ ножны ужѣ вложенный:
Почто же будетъ мной онъ тщетно обнаженный,
Когда отъ сопостатъ свободенъ я моихъ?
О сильный Юпитеръ! Исторгни плевелъ злыхъ,

по тому что онъ добрыя и худыя свои дѣла въ книгахъ записывалъ, и вся жизнь его издѣлъ такъ ясна, какъ бы на картинѣ изображена была.

Ст. 52. *Рожденъ Луканїи, Апулїи по край*) То есть, въ Венузїи, принадлежащей къ Луканїи и Апулїи.

Ст. 54. *А слѣдовать ему* и проч.) То есть, Луцилїю подражать и писать сатиры.

Ст. 60. *Опасножъ было, чтобъ не нанесли войны*) То есть, чтобъ Апулїйской или Луканской народъ чрезъ тѣ пустыя мѣста не учинилъ нападенїя на Римлянъ, отъ котораго Венузцы ихъ защищали.

Ст. 62. *Но штиль сей никому не здѣлаетъ злой раны*) То есть, я слѣдуя Луцилїю въ писанїи сатиръ безъ причины никого обидѣть не намѣренъ, но только стараться буду сатирическимъ моимъ штилемъ какъ мечемъ защищать себя, а не другихъ раздражать.

Ст. 68. *О сильный Юпитеръ! исторгни плевелъ злыхъ*, и проч.) Естьли бы всѣ люди добро-

Да ржавчиною мечь сокрытый истребится,
И миролюбну мнѣ никто вредить да тщится.
А тотъ, кто раздражитъ меня, [оставь, кричу]
Вздохнетъ, какъ имя я его вездѣ промчу.
Сердитый Це́рвїй злыхъ смирить грозитъ чрезъ правы;
Кани́дїя известь недружныхъ чрезъ отравы;
Къ великой Фу́рїй тѣхъ грозитъ привесть бѣдѣ,
Кто спорить съ нимъ дерзнетъ упрямо при судѣ.
Какъ кто опаснымъ мстить, чемъ можетъ, долженствуетъ,
И какъ сама къ тому натура обязуетъ,
Въ единый вступимъ мы съ тобой о томъ совѣтъ.
Язвитъ зубами волкъ, рогами волъ бодетъ;
Не показала ли слѣда къ тому натура?
А ты мнѣ говоришь: Такъ вѣрить не фигура,
Что Суе́ва право мать за долгу жизнь убилъ,
И что своей рукѝ симъ зломъ не осквернилъ.
Мнѣжъ дивно, будетъ ли сїе съ собою сходно,
Чтобъ волку бить ногой, волу грызть было сродно?

И

дѣтельно жизнь вели, тобъ не для чего было не только сатиры писать, но и вводить самые законы.

Ст. 73. *Сердитый Церпїй* и проч. по ст. 82.) Горацїй доказываетъ отчасти, что силу и способъ ко отмщенїю обидъ всякому подаетъ сама природа, какъ иной мститъ судомъ, другой отравою, третїй обличенїемъ въ неправдѣ и проч. что самое и въ неразумныхъ животныхъ примѣчаемъ. Сїе подтверждаетъ руская пословица: *Клинъ клиномъ выгонять должно.*

Ст. 82 и 83. *Такъ вѣрить не фигура, что Суева право*) Требатїй говоритъ во преки Горацїю, что когда по его доводу всякой обиду свою справедливо мстить можетъ и отъ натуры къ тому обязанъ; то по сему и Суева, чувствуя обиду отъ долговременной жизни его матери, отравилъ оную справедливо, и въ томъ не погрѣшилъ.

Ст. 85. *Мнѣжъ дивно* и проч.) Горацїй опровергаетъ противорѣчїе Требатїево тѣмъ, что хотя по натуральной справедливости всякой обиду свою мстить можетъ, но отмщенїе въ разсужденїи самой обиды должно быть равное и пропорцїональное, то есть такое, какое повелѣваетъ сїе пра́вило: *Зубъ за зубъ, и око за око.* Напримѣръ про-

И суевѣ матери дать съ медомъ смертный ядъ?
  Чтобъ рѣчь не расплодилъ пространно долгой складъ:
Хоть древенъ къ поздому достигну я покою,
Или хотя грозитъ мнѣ смерть своей косою,
И машетъ черными крилами предъ очьми,
богатоль въ Римѣ жить, иль въ ссылкѣ межъ людьми
Мнѣ изгнанными весть судьба жизнь скудну судитъ,
Никто, чтобъ не писалъ, насильно не принудитъ,
Къ чему бы ни привелъ меня противный рокъ.
Животъ твой, мальчикъ, вѣрь, едваль не коротокъ;
Прїятель, можетъ быть, за прежнюю услугу
Мстить будетъ смертїю тебѣ, какъ стару другу.
Луцилїй развѣ самъ тогда въ бѣду попалъ,
Какъ перьвой образцемъ такимъ стихи слагалъ,
И смѣло обнажалъ прикрытыхъ онъ личиной,
Хоть прежде смрадъ таилъ одѣтъ волкъ кожей львиной?
Скажи, Требатїй, мнѣ. Сердитъ ли Лелїй былъ,
Иль огорченъ за умъ, кто имя получилъ
Отъ раззоренїя войною Карѳагена?
былаль Метеллова обида имъ отмщенна,

Отъ

тивъ оружїя употребляй оружїе, противъ силы силу и проч. И какъ волкъ не бодетъ ногою, а волъ не кусается, по тому что не дала того природа, такъ и ядомъ или инымъ коварствомъ не только матери, но и противъ озлобленїя, никому мстить не должно.

Ст. 89. *Хоть древенъ къ поздому достигну я покою*) То есть, когда доживу до глубокой старости.

Ст. 96. *Животъ твой, мальчикъ* и проч.) Слова Требатїевы, которой предостерегая жизнь Горацїеву, предлагаетъ ему о опасности стиховъ язвительныхъ.

Ст. 101 и 102. *И смѣло обнажалъ прикрытыхъ онъ личиной, хоть прежде* и проч) Личиною прикрытые суть злонравные, подъ видомъ добродѣтели пороки свои скрывающїе, которые прежде Луцилїева обличенїя никому извѣстны не были.

Ст. 103. *Сердитъ ли Лелїй былъ* и проч. по ст. 108.) *Лелїй* былъ тесть Сципїоновъ; Сципїонъ Африканской, которой раззорилъ Кар-

И обезславленный досадовалъ ли Лупъ?
Однако сихъ Особъ язвить былъ смѣлъ и глупъ,
И грубыми народъ словами озлобляя,
Мнилъ, что на свѣтѣ онъ одинъ душа святая.
Но Лѣлій не смотря на то и Сципіонъ,
Не помнили его досадныхъ забобонъ,
И какъ съ комедіи изъ зборищъ возвращались,
Свободные отъ дѣлъ съ нимъ купно забавлялись,
Пока готовился изъ зелій имъ обѣдъ.
Каковъ бы ни́-былъ я, хоть доброты той нѣтъ
Ни разума во мнѣ, какимъ Луцилій знатенъ,
Однакъ великимъ былъ особамъ милъ, пріятенъ,
Въ чемъ зависть не́-хотя признатися должна.
Пускай же на меня свой зубъ острит она,
И злобный изо устъ пусть испущаетъ пламень,
Но вѣдать должно ей: Найдетъ коса на камень.
Согласна ли на то, Требатій, мысль твоя?
Теперь о томъ судить ужъ должность не моя;
Совѣтомъ лишь однимъ тебя остерегаю,
Чтобъ не нажить хлопотъ по такову́ случаю,
Когда не будешь знать законовъ ты святыхъ:
Есть правы, есть и судъ для сочиненій злыхъ.
Пусть такъ, кто на кого издастъ стихи худые;
Да хвалитъ Цесарь, кто напишетъ дорогіе.

фагенъ, Аннибаловъ побѣдитель; а Лупъ Консулъ римскій.

Ст. 110. *Мнилъ, что* и проч.) То есть, Луцилій.

Ст. 122 *Найдетъ коса на камень*) зависть найдетъ себѣ такого противника, которой доброй отпоръ ей учинитъ.

Ст. 124. *Теперь о томъ судить ужъ должность не моя*) То есть, нѣтъ мнѣ нужды о томъ разсуждать болѣе.

Ст. 129 *Пусть такъ* и проч.) То есть, пускай судятъ того, кто злобно кого въ стихахъ порочитъ, лишь бы только хвалилъ Цесарь, естьли кого праведно обличаютъ.

А что, злословящій достойно правъ ли есть?
Судъ смѣхомъ кончится, и тщетна будетъ месть.

Ст. 131 и 132. *А что? злословящій достойно правъ ли есть? Судъ смѣхомъ кончится*) Первой стихъ есть Гораціевъ вопросъ, а второй отвѣтъ Требатіевъ въ подтвержденіе онаго.

Сатира II.

ОФЕЛЛЪ.

Коль благъ, кто жизнь, друзья, достаткомъ малымъ правитъ!
Не мной то сказано; Офеллъ простый такъ славитъ,
Невѣжа будучи, не просвѣщенъ умомъ.
Не въ роскошахъ свой умъ остірите за столомъ,
Гдѣ очи блескъ плѣня разсудокъ въ васъ мѣшаетъ,
И лестнымъ видомъ мысль отъ правды удаляетъ;
Но чрево тощее изъ васъ имѣя всякъ,
Изслѣдуй здѣсь со мной, почтобъ то было такъ?
Скажу, когда могу. Судья не право судитъ,
За тѣмъ что старая въ немъ порча къ кривдѣ нудитъ.

Прія-

Примѣчанія.

Въ сей сатирѣ Горацій въ лицѣ Офелла Стоика весьма жестоко укаряетъ роскошныхъ.

Ст. 2. *Офеллъ простый такъ славитъ*) То есть, неученый простякъ и незнающій философіи, но въ житіи умѣренный и воздержный.

Ст. 9 и 10. *Судья не право судитъ, за тѣмъ что и проч.*) Какъ судью подарки отъ правды, такъ отягченный желудокъ отъ прямаго познанія разумъ отвлекаетъ.

Прїятнымъ дѣлаетъ достатокъ малый трудъ,
По зайцѣ наскоро гоня стремися въ путь,
Скачи на молодомъ конѣ въ поту и пыли;
Коль въ Римскомъ утомилъ учася войскѣ силы,
Обыкши завсегда, какъ Греки, быть въ гульбѣ,
Играй мячемъ, когда угодно то тебѣ:
Трудъ будетъ проходить нечувственно съ охотки;
Иль пращу въ верьхъ мечи, коль скучишь съ той работки.
Какъ брезганье въ тебѣ усталомъ все минетъ,
Голодной презирай тогда худой обѣдъ,
Но развѣ медъ смѣшавъ съ виномъ Фалернскимъ кушай.
А я скажу въ тотъ часъ: Не погнѣвись, послушай!
Теперь лишь погребщикъ за нуждой шелъ съ двора;
На рыбу лову нѣтъ, волнуются моря:
Не радъ ли хлѣбу ужъ да соли отъ задору?
Какъ думаешь, съ чего такъ сталось вдругъ въ ту пору?
Не въ свѣтлыхъ состоитъ сервизахъ прихоть зла,
Но къ самому тебѣ въ семъ случаѣ пришла;
Питомства по сему ищи чрезъ трудъ прилѣжный.
Кто въ гору отъ сластей ползетъ и тѣломъ нѣжный,
Не сладки устерсы и карпы для того,
Не усладитъ морской и заяцъ вкусъ его,

Ст. 11. *Прїятнымъ дѣлаетъ достатокъ малой трудъ*) разумъ сей рѣчи есть такой: Прїятенъ бываетъ малой достатокъ, трудомъ прїобрѣтенный.

Ст. 12. *По заицѣ наскоро гоня* и слѣд. по ст. 25.) Естьли человѣкъ разными упражненїями ослабитъ силы свои и отощаетъ такъ, что ни чемъ уже гнушаться больше не станетъ, не радъ ли будетъ отъ голоду хлѣбу и водѣ для утоленїя жажды?

Ст. 27 и 28. *Не въ свѣтлыхъ состоитъ сервизахъ прихоть зла, но къ самому* и проч.) Голодной не спрашиваетъ богатыхъ сервизовъ и деликатныхъ ѣствъ, но ищетъ, чемъ бы нибудь насытить свой желудокъ.

Ст. 31. *Не сладки устерсы ни карпы для того*) Сластямъ порабощеннаго, разслабленнаго отъ лѣности и изнѣженнаго человѣка никакая роскошь не веселитъ больше.

Которой былъ везенъ издалека нарошно.
Однакъ едва тебя къ тому склонить возможно,
Чтобъ предложеннаго павлина ты не ѣлъ,
Но лучшебъ курицей доволенъ быть хотѣлъ,
Усилиться сластьми давъ развращенной волѣ:
За птицу рѣдкую цѣны дать должно болѣ;
Цѣна ей высока, и пригожа хвостомъ,
Какъ будтобъ былъ резонъ прямаго дѣла въ томъ.
Употребляешь ли ты перья въ снѣдь хвалены,
И въ той же ли чести, какъ будутъ ужъ сварены?
Но въ протчемъ разности нѣтъ въ мясѣ никакой;
И такъ ошибся ты, какъ видно, пестротой.
Пусть такъ; скажижъ теперь, не ошибясь въ разборѣ,
Гдѣ щука ловлона, во Тибрѣ, или въ морѣ,
И въ самой ли рѣкѣ шаталась межъ мостовъ,
Иль въ устьѣ плавала вблизи отъ береговъ?
Трехъ фунтовую сырть ты хвалишь вмѣсто щуки,
Которую дѣлить потребно въ разны штуки,
Чтобъ стало въ каждую похлебку положить;
Знать было надобно величину любить.

А

Ст. 34 и 35. *Однакъ едва тебя къ тому склонить возможно*) Хотя все ужѐ омерзѣло, однако трудно его склонить къ тому, чтобъ онъ простую пищу, хотя впротчемъ изрядную употреблялъ, по тому что привычка, какъ говорятъ, вторая натура.

Ст. 38. *За птицу рѣдкую цѣны дать должно болѣ*) Просто говорятъ: что рѣдко, то и мило. Горацій приводитъ пустые резоны сластолюбивыхъ, которые для пищи покупаютъ рѣдкихъ птицъ для того, что они цѣною дороги, и не всякой ихъ купить можетъ, и что оии перьями пригожи.

Ст. 45 и 46. *Пусть такъ; скажижъ теперь не ошибясь въ разборѣ, гдѣ щука ловлена* и проч.) Уступивъ Горацій роскошному оную ошибку, произшедшую яко бы отъ прельстившагося пригожствомъ птицы зрѣнія, вопрошаетъ его, по чему онъ знаетъ, гдѣ напримѣръ поимана щука, въ рѣкѣ или морѣ, которая ни дороговизною ни видомъ не отмѣнита?

Ст. 49. *Трехъ фунтовую сырть ты хвалишь* и проч.) Сырти ве-

А щуки для чего большїе не угодны?
Конечно въ чемъ нибудь казалися не сходны;
Велики щуки вдоль, а сырти коротки.
Голодной черствые готовъ жевать куски;
Обжора Гáрпїямъ ни въ чемъ не уступаетъ,
И сырть въ котлѣ варить большую затѣваетъ.
Выжъ, вѣтры тихїе! согрѣйте ѣствы ихъ:
Имѣя порченъ вкусъ отъ роскошей худыхъ
И слабый отъ довольствъ желудокъ непомѣрныхъ,
Межъ множествомъ всего ѣствъ не примѣтитъ скверныхъ;
Пусть будетъ теплотой испорченной кабанъ,
И тухлой подъ носомъ стоять морской фазанъ.
Наѣлся рѣпы, вдругъ горчица стала вкусна.
богатымъ простота въ пиру еще не гнусна,
За тѣмъ что въ наши дни отъ маслицъ и яицъ,
Хотя и дешевы, не отвращаютъ лицъ.
Транжирствожъ сколь вредитъ, не меньше столь безславно,
Какъ надъ Галлóнїемъ примѣръ сей былъ недавно,
Котораго за то лишь всякой осудилъ,
Что первой осетра на столъ постановилъ.
Чтожъ? менѣе тогда велось фазановъ въ морѣ,
Фазанъ безстрашенъ былъ, Айстъ не зналъ жить въ горѣ,

лики рѣдко бываютъ, и по тому оныя роскошному прїятнѣе не для вкусу, но для рѣдкой величины.

Ст. 54. *Велики щуки вдоль; а сырти коротки*) Такойже пустой резонъ, какъ и тотъ, что павлинъ съ курицею перьями несходны.

Ст. 55. *Голодной черствые готовъ жевать куски*) Голодному черствой хлѣбъ вмѣсто калача кажется, по пословицѣ: *Голодной волкъ и завертки рветъ.*

Ст. 56. *Обжора Гарпїямъ ни въ чемъ не уступаетъ*) То есть, такъ жаденъ, какъ Гарпїи. *Гарпїи* суть хищныя и гадкїя чудовища, коихъ Сервїй три исчисляетъ, а именно *Аэлла, Оцилета* и *Целена.*

Ст. 64. *И тухлой подъ носомъ стоять морской фазанъ*) *Морской фазанъ* по Латынѣ называется *Rhombus*, а по руски съ Польскаго имянованъ.

Ст. 66. *Богатымъ простота въ пиру еще не гнусна*) То есть, что при богатыхъ столахъ видны еще

Пока не показалъ Семпроній Руфъ слѣда
Вамъ, римляне, что та пріятная ѣда.
И такъ пусть скажетъ кто: нырки печены сладки,
До словъ и до нырковъ всѣ тотчасъ будутъ падки;
Похватятъ щоголи то римскіе тотчасъ,
Какъ будтобъ о ныркахъ кто выдалъ имъ указъ.
Различно кушанье отъ средняго сурово;
Такъ должны разумѣть Офеллово мы слово,
За тѣмъ что тщетно ты трудиться будешь въ томъ,
Чтобъ роскоши избыть, а здѣлаться скотомъ.
Авидіену въ знакъ данъ титулъ пса нетщетный,
Кой маслицные ѣстъ плоды, но пятилѣтны,
Терновы ягоды, растущія въ лѣсу,
И порчено вино сему пріятно псу,
Кромѣ котораго друзей не угощаетъ;
По каплѣ масла онъ на зелье испущаетъ,
Отъ вони коего едва не гадитъ гость;
На старой уксусъ щедръ онъ впротчемъ и препростъ.
Когдажъ рожденья день, на свадьбѣ пиръ бываетъ,
То въ праздникъ бѣлую рубашку надѣваетъ.
Которыежъ изъ двухъ средствъ должно выбирать,
Чтобъ умной могъ себя пристойно содержать,
Рутилльюль слѣдовать, или Авидіену?
Кто не проводитъ жизнь въ безпечности презрѣнну,
Не знаетъ роскоши, ни скаредства отнюдъ,
Тотъ только въ житіи чистъ и обряденъ будь.

Сей

слѣды древняго воздержанія, а роскошь не давно вкоренилась.

Ст. 81. *Различно кушанье отъ средняго суропо*) Горацій похваляя воздержаніе отъ излишней роскоши, изъясняетъ свое намѣреніе тѣмъ, что онъ чрезъ то не совѣтуетъ жить весьма скупо и гадко.

Ст. 97 *Рутилльюль слѣдопать или Апидіену*) То есть, роскоши ли, или безмѣрной скупости слѣдовать.

Ст. 100. *Тотъ только пъ житіи чистъ и обряденъ будь*) То есть, тотъ только хорошо живетъ, кто во всемъ умѣренность хранитъ.

Сей, наряжая слугъ, не будь строгъ черезъ мѣру,
И не послѣдуй въ томъ Албуція примѣру:
Ни воду отъ него маститу приметъ гость,
Какъ Невій въ томъ весьма роскошенъ былъ и простъ,
За тѣмъ что ставятся въ порокъ излишны моды.

Теперь воздержности ты въ пищѣ знай выгоды:
Во перьвыхъ здравіе крѣпится лучше тѣмъ,
Какъ равно то вредитъ излишество во всемъ.
Чтожъ разныхъ множество ѣствъ вредно, вѣрить станешь,
Какъ пищу прежнюю простую ты вспомянешь.
Когда же твой обѣдъ изъ смѣси будетъ весь,
Когда съ жаркимъ уха составятъ ону смѣсь,
Или вдругъ рыбное представится съ дичиной,
То будетъ разнота сія вреда причиной,
Вкушенная себя въ желчь сладость претворитъ,
И мокрота згустясь желудокъ оскорбитъ.
Видалъ ли, сколь обѣдъ бываетъ жирной вреденъ,
Гдѣ всякъ изъ за стола встаетъ смущенъ и блѣденъ?
Вчерашнимъ сверьхъ сего нутръ пивомъ отягченъ
Вдругъ съ тѣломъ слабитъ духъ, и каждой треплетъ членъ,
Отъемля нѣжность чувствъ и разумъ затмѣвая.
Другой по маломъ снѣ поспѣшно воставая,
Къ назначеннымъ дѣламъ съ веселіемъ спѣшитъ,
За тѣмъ что въ мѣру сей и кушаетъ и спитъ.

Однакъ

Ст. 101. *Сей наряжая слугъ и проч.*) Такой разумной и воздержной человѣкъ, поручая слугамъ какое нибудь дѣло, не долженъ весьма строго спрашивать отъ нихъ отчету, каковъ былъ Албуцій.

Ст. 103. *Ни воду отъ него маститу приметъ гость*) Также не долженъ подавать гостямъ на руки ароматную воду, подражая въ томъ роскошному Невію.

Ст. 110. *Какъ пищу ты до толь простую вспомянешь*) Горацій приводитъ на память роскошному простую и умѣренную пищу, которою онъ довольствовался живучи въ незнатности.

Ст. 122. *Другой и проч.*) То есть, тотъ, кто отъ роскоши воздерживается.

Однакъ и лучшій столъ имѣть ему довлѣетъ
Иль въ праздникъ годовой, или когда слабѣетъ;
Когда со временемъ умножатся лѣта,
И поздо юности увянувъ красота
Восхощетъ жить нѣжняй при старости глубокой.
Тебѣжъ что къ нѣжности прибавится безпрокой,
Къ которой пріобыкъ ты будучи въ порѣ,
И живучи чрезъ чуръ роскошно и въ добрѣ,
Хоть въ здравіибъ почулъ худую перемѣну,
Хоть въ старостибъ сносилъ жизнь тяжко изнурену?
Не свѣжаго у насъ хвалили каплуна;
Таковъ былъ въ древнія обычай времена:
Однакъ не даромъ то и не безумно было,
Но чтобы поздому казалось гостю мило,
И початаго чтобъ онъ лучше ѣсть хотѣлъ,
А нежълибъ цѣлаго хозяинъ алчный съѣлъ.
О естьлибъ я рожденъ былъ въ первобытномъ свѣтѣ!
Ты развѣ мнишь найти въ богатомъ честь банкетѣ,
Чтобъ слава о тебѣ промчалася въ стихахъ,
И произвесть моглабъ пріятный слухъ въ ушахъ?
Большіе на столѣ фазаны и суда
Доводятъ до большихъ убытковъ и стыда.
Имѣетъ дядя гнѣвъ, сосѣдъ всякъ ненавидитъ,
И твойже умъ тебя развратный зло обидитъ.
Радъ смерти за ничто, когда ужъ гроша нѣтъ,
На что бы петлю могъ купить себѣ, мой свѣтъ.
По правдѣ Тра́зія бранятъ словами сими,
Яжъ, говоришь, богатъ доходами большими,

Кото-

Ст. 130. *Тебѣжъ* и проч.) Говоритъ роскошному.

Ст. 151. *По правдѣ Тразія* и проч.) Тразій былъ нѣкто убогій, но сластолюбивый.

Которыхъ тремъ Царямъ моглобъ довольно стать.
Такъ развѣ нѣкуды излишняго дѣвать?
Чтожъ недостойные нищетства терпятъ скудость?
Что храмы божески нещадна рушитъ худость?
И отъ толикаго достатка твоего
Почто, безумна тварь, не тратишь ничего,
Чтобъ въ пользу отчества могло служить хошь мало?
Или, какъ мнишь, на вѣкъ тебѣ то щастье дало,
И ты лишь оскудѣть не можешь паче всѣхъ?
О коль великъ врагамъ оставишь послѣ смѣхъ!
Ктожъ постояннымъ быть изъ двухъ возможетъ болѣ,
Когда подвергнутся нещастной оба долѣ,
Тотъ ли, кто нравомъ гордъ и пышной нѣжитъ духъ,
Иль добродѣтели и воздержанья другъ,
Кой малымъ веселясь, о будущемъ печется,
И въ мирно время, какъ Герой, къ войнѣ пасется?
А чтобъ ты болѣе сему повѣрить могъ;
Офе́ллъ, какъ съ цѣлымъ былъ пожиткомъ не убогъ,
Не бо́льшее держалъ къ довольству иждивенье,
Нежь нынѣ чувствуя въ достаткѣ умаленье.
На части онъ земли своей съ своимъ скотомъ
И въ полѣ самъ съ дѣтьми трудяся наятомъ,
Хотябъ богатъ я, рекъ, въ крестьянствѣ былъ, иль скудный,
Но ничего не ѣлъ безъ разсужденья въ будни,
Какъ только окорокъ копченой и овощъ,
Доволенъ бывъ всегда и съ голоду не тощъ.
Когда же приходилъ гость долго небывалой,
Или, какъ отдыхалъ въ ненастье я усталой,
Пріятной посѣщалъ сосѣдъ мой бѣдный домъ,
Тогда не отходилъ не потчиванъ съ стыдомъ.
Не ставилъ предъ него я рыбу дорогую,
Но пищу изъ цыплятъ и изъ овецъ простую;

А послѣ ягоды на столъ созрѣлы несъ,
Орѣхи и плоды отъ смоковныхъ древесъ.
Остатокъ времени въ забавахъ провождали,
И въ неумѣренномъ питьѣ вину считали:
О плодородіи Церера внявъ мольбу,
Являла веселъ знакъ на морщеватомъ лбу.
Пусть на меня злясь вновь Фортуна брань возставитъ,
Но что изъ сихъ моихъ пожитковъ та убавитъ?
Я скромно жилъ, да всякъ меня не лучше цвѣлъ,
Какъ новый на моемъ преемникъ мѣстѣ сѣлъ.
Натура не дала земли наслѣдства точно,
Чтобъ мнѣ, иль вѣки то другому было прочно:
Тотъ, кто меня лишилъ земли, лишится самъ,
Иль виненъ въ чемъ явясь, иль слѣдуя сластямъ;
По крайней мѣрѣ тотъ лишитъ его наслѣдства,
Кто ищетъ онаго чрезъ злыя душевредства.
Умбре́нова теперь зовется та земля,
Которая сперьва Офе́ллова слыла;
И такъ не будетъ ей властителя прямова,
Но то въ моихъ рукахъ, то будетъ у другова.
Храните по сему вы въ жизни твердый путь,
Противнымъ случаямъ противну ставя грудь.

САТИРА

Ст. 194. *Какъ новый на моемъ преемникъ мѣстѣ сѣлъ*) Октавій Августъ отдалъ землю сего Офелла воину нѣкоему, именемъ Умбрену.

Ст. 197. *Тотъ, кто меня лишилъ*) То есть, воинъ владѣющій моею землею.

Ст. 205. *Храните по сему вы въ жизни твердый путь*) То есть, продолжайте теченіе вашей жизни съ такимъ воздержаніемъ, съ какимъ оное начали, презирая всякое нещастіе.

Сатира III.

Дамазиппъ.

Сержуся на тебя за то, что пишешь мало,
И больше четырехъ въ годъ писемъ не бывало.
Ты упражняясь лишь въ разборѣ старыхъ дѣлъ,
По нынѣ ничего похвальнаго не пѣлъ,
И время провождалъ въ питьѣ и снѣ напрасно,
Въ деревнѣ живучи съ Сату́рновыхъ дней празно.
Давъ слово, что нибудь достойное скажи,
Примись трезвъ; держишься лѣняся старой лжи.
Напрасно грифели винишь, сердяся ложно,
Что на плохихъ стѣнахъ рѣчей чертить не можно.

Примѣчанїя.

Горацїй приводитъ въ сей сатирѣ нѣкоего Дамазиппа, съ собою разговаривающаго, которой чрезъ торги истощивъ все свое наслѣдство, и оставя купеческой промыслъ принялся за философїю. Укаряетъ онъ Горацїя за лѣность, что ни въ городѣ за частыми пирушками и разными дѣлами ничего не писалъ, ни живучи въ деревнѣ, куда онъ для спокойнѣйшаго упражненїя въ сочиненїяхъ удалился.

Ст. 1. *Сержуся на тебя* и проч.) Дамазиппъ изъявляетъ свое неудовольствїе, что Горацїй лѣнивъ сталъ.

Ст. 6. *Въ деревнѣ живучи съ Сатурновыхъ дней празно*) То есть, съ праздника Сатурнова, которой римляне праздновали 17 дня Декабря.

Ст. 9 и 10. *Напрасно грифели винишь, сердяся ложно, что на плохихъ стѣнахъ* и проч.) Древнїе обыкновенно стѣну возлѣ своей постели натирали воскомъ, и держали при себѣ грифели, чтобъ для памяти записывать на стѣнѣ, ежели что ночью вздумается.

Однако ты лице такое мнѣ казалъ,
Какъ будтобъ что нибудь велико обѣщалъ,
Когда изъ города въ крестьянску скрывшись нору
Ты выберешь себѣ отъ дѣлъ досужну пору.
Какой же изъ того ты плодъ себѣ имѣлъ,
Что за тобой Платонъ съ Менандромъ въ слѣдъ пошелъ,
Что вызвалъ Эвпола, Архилоха съ собою?
Уймешь ли ненависть поступкою такою,
Что добродѣтели не будешь болѣ другъ?
Никакъ; пренебрегутъ тебя всѣ люди вдругъ.
Беречься надлежитъ отъ лѣности конечно;
Или останутся труды забвенны вѣчно,
И все, что заслужилъ ты ими отъ людей,
Спокойно отложи, и больше не жалѣй.
Благодарю тебя я, Дамазиппъ, безмѣрно,
Что мнѣ совѣтуешь толь здраво и усердно:
О естьлибъ Юпитеръ тебя благословилъ,
Чтобъ лучшій бритовщикъ браду твою скосилъ!
Съ чегожъ я вѣдомъ сталъ изрядно столь тобою?
Лишившись отъ торговъ имѣнія судьбою,
Оставилъ собственны по нуждѣ я дѣла,
Съ тѣхъ поръ чужія знать охота привлекла.
Дотолѣ я любилъ развѣдывать повсюду,
Какую Сизифъ мѣдь держалъ или посуду?

На

Ст. 16. *Что за тобой Платонъ съ Менандромъ въ слѣдъ пошелъ*) То есть, что ты повезъ съ собою много хорошихъ Греческихъ книгъ.

Ст. 18 и 19. *Уймешь ли ненависть поступкою такою, что добродѣтели* и проч.) Для того ли ты оставляешь добродѣтель и прилѣжаніе, чтобъ избыть людской ненависти?

Ст. 25. *Благодарю тебя я, Дамазиппъ*, и проч.) Горацій отвѣчаетъ Дамазиппу.

Ст. 28. *Чтобъ лучшій бритовщикъ браду твою скосилъ*) Стоики, коихъ ученію Дамазиппъ послѣдовалъ, бородъ не брили.

Ст. 30. *Лишившись отъ торговъ* и проч.) Рѣчь Дамазиппова.

Ст. 34. *Какую Сизифъ мѣдь*

На чемъ худа рѣзьба, что худо мастеръ лилъ,
И всякую своей цѣною вещь цѣнилъ.
Въ покупкѣ былъ дворовъ одинъ лишь я щастливый,
И дешево умѣлъ купить сады и нивы;
Вторый Меркурій былъ, какъ въ людяхъ шла молва.
Довольно знаю то, о умна голова!
Дивлюсь, какъ ты отъ сей болѣзни излѣчился.
Избывъ я тотъ недугъ, вдругъ новымъ заразился,
Какъ часто слышанна въ главѣ скорбь иль въ боку
Наводитъ сердцу вдругъ, перемѣнясь, тоску;
Иль какъ сонливостью всегдашней одержимый
безсонницей потомъ бываетъ вдругъ томимый,
И вышедъ изъ ума, врача убити смѣлъ.
Какъ хочешь, такъ и будь, лишь толькобъ я былъ цѣлъ.
Не ошибайся, другъ, знать ты и самъ несмысленъ,
И родъ всѣхъ дураковъ есть почитай безчисленъ,
Какъ правду о такихъ Стертиній говорилъ,
Отъ коего сіи я правила внушилъ
Въ то время, какъ меня въ печали тѣшилъ глупа,
Веля мнѣ мудрую браду растить до пупа,
Когда Фабриціевъ оставить мостъ велѣлъ,
Съ котораго въ рѣку Тибръ броситься хотѣлъ,

держалъ и проч.) Коринѳская мѣдь и посуда была наилучшая, изъ которой Сизифъ, Царь Коринѳскій, умывалъ свои ноги.

Ст. 40. *Довольно знаю то*) Горацій говоритъ.

Ст. 42. *Избыпъ я тотъ недугъ пдругъ нопымъ заразился*) Дамазиппъ отвѣчаетъ, что онъ свободившись отъ оной страсти, чтобъ о всемъ развѣдывать, другою заразился.

Ст 48. *Какъ хочешь, такъ и будь, лишь толькобъ я былъ цѣлъ*) Горацій насмѣхается Дамазиппу.

Ст. 49. *Не ошибайся, и проч.*) Дамазиппъ сердится на него.

Ст. 51. *Какъ лраппу о такихъ Стертиній гопорилъ*) Стертиній, Стоической Философъ, которой Дамазиппа, хотѣвшаго съ отчаянія броситься съ моста въ рѣку, увѣщаніемъ своимъ отъ того отвелъ, и открылъ слѣдъ къ Философіи.

Покрывъ мою главу съ отчаянья и сраму,
Что положилъ въ торгахъ нещастныхъ жизнь я саму.
Онъ къ стати подошедъ такую молвилъ рѣчь:
Не долженъ ли себя отъ зла ты поберечь,
Чтобъ не пропасть съ стыда безумнаго безчестно,
Что межъ глупцами быть глупцемъ тебѣ не вмѣстно.
Вопе́рвыхъ докажу, что есть безумнымъ быть:
И естьли ты одинъ такимъ достоинъ слыть,
Погибни, не скажу къ тому тебѣ ни слова.
Тотъ, кто слѣпымъ умомъ отъ глупости прямова
Ни дѣла ни добра не можетъ разбирать,
Достоинъ, чтобъ его безумнымъ признавать.
Такъ думаетъ Хризи́ппъ со всей своей ордою,
И всѣ заключены суть истинною тою,
Кромѣ премудраго, народы и Цари.
Почто же всѣ, какъ ты, безумны, далѣ зри,
Которые тебя безумнымъ называютъ.
Какъ сплошь бродящїе въ лѣсахъ свой слѣдъ теряютъ,
Хотяжъ и въ лѣво тотъ, сей въ право идетъ въ путь,
Но оба таковымъ разсудкомъ слабы суть,
За тѣмъ что держатся ошибки одинакой,
Хоть въ разные пути изъ нихъ стремится всякой;
Подобно такъ себя безумнымъ ты считай,
Что тотъ, кто надъ тобой смѣется, не умняй.
Одинъ родъ глупости тотъ можетъ называться,
бояться тамъ, гдѣ нѣтъ слѣда, чего бояться,

Какъ

Ст. 57. *Покрывъ мою главу*) Покрывъ главу или зажмуря глаза, чтобъ людей не видѣть отъ стыда.

Ст. 59. *Онъ къ стати подошедъ*) Онъ, то есть Стертиній.

Ст. 69. *Такъ думаетъ Хризиппъ со всей своей ордою*) Хризиппъ начальникъ Стоическаго ученїя съ его послѣдователями.

Какъ, напримѣръ, когдабъ кто жалобу творилъ,
Что въ чистомъ полѣ огнь дорогу воспятилъ,
Препятствовали рвы, и рѣки, и болота.
Другой столь глупой же: беспутная охота
Чрезъ рѣки и огонь отважно преходить.
Пусть въ слѣдъ любезна мать слезясь ему кричитъ,
Сестра, всѣ сродники, отецъ, жена младая:
Здѣсь ровъ, а впереди, брегись, гора крутая,
То столько же онъ ихъ послушается въ томъ,
Какъ Фузій нѣкогда отягощенъ виномъ
Уснулъ въ трагедіи, въ лицѣ бывъ Иліоны,
И не слыхалъ, когда играющи персоны
Кричали въ тысячу различныхъ голосовъ;
„ Подъ твой я, матушка, подъ твой спѣшу покровъ.
Сему подобно весь народъ, какъ мню, шалѣетъ,
И въ старой глупости безумствуя коснѣетъ.
Пусть будетъ Дамазиппъ безумно поступать,
И статуи себѣ старинны покупать:
Такъ по тому сіе быть можетъ ли разсудно,
Кто Дамазиппу въ долгъ, что проситъ, дастъ не трудно?

Поло-

Ст. 92 и 93. *Какъ Фузій нѣкогда отягощенъ виномъ, уснулъ въ трагедіи*, и проч.) Сей Фузій представляя въ трагедіи спящую Иліону, дочь Пріамову и жену Полимнесторову, отъ вина такъ крѣпко уснулъ, что не слыхалъ тысячи Катіеновъ, кои вопѣли къ Иліонѣ матери въ лицѣ сына ея Полидора, требуя погребенія. Сему Полимнестору Пріамъ, во время крайняго отчаянія, поручилъ сына своего Полидора съ великимъ богатствомъ, котораго онъ убивъ тѣмъ сокровищемъ завладѣлъ.

Ст. 99 и 100. *Пусть будетъ Дамазиппъ безумно поступать; такъ по тому* и проч.) разумъ сихъ рѣчей есть такой: когда тотъ, кто покупаетъ старинныя статуи, безуменъ, то можно ли разумнымъ почесть того, кто деньги свои вѣритъ безумному, отъ котораго ни настоящаго своего капитала ни прибыли получишь нѣтъ надежды?

Положимъ, что не глупъ заимодавецъ сей;
Но естьли я скажу: Даю тебѣ, имѣй,
За что не дашь во вѣкъ ни гроша мнѣ въ уплату;
То будешь ли ты глупъ, взявъ деньги безъ возврату?
Или безуменъ тотъ, кто втуне не беретъ,
Что на корысть ему Меркурїй подаетъ?
Пусть Нéрїй ростовщикъ письмомъ тебя обяжетъ,
Что десять тысячъ взялъ ты у него, пусть скажетъ;
А естьли мало ужъ покажется того,
Пусть долгу тысячъ сто велитъ писать всего,
Пусть тысячу включитъ правъ, какъ обыкъ Цикýта;
Но тѣмъ закабалить во вѣкъ не можетъ плута.
Дорóгу завсегда найдетъ хитрецъ Протéй,
Какъ вырваться изъ тѣхъ удобнѣе цѣпей.
Онъ смѣхомъ отходить на судъ влекомый станетъ,
И такъ должникъ его коварный вдругъ обманетъ.
Покажется ему то звѣремъ, то совой;
болваномъ станетъ вдругъ, вдругъ хитрою лисой.
Когдажъ оплошность есть безумному обычна,
Предосторожность же разумному прилична;
Сколь должно въ Нéрїѣ плохому быть уму,
Что обязалъ тебя письмомъ своимъ къ тому,

Чего

Ст. 104 и 105. *Даю тебѣ, имѣй, за что недашь* и проч.) Весь споръ здѣсь идетъ о должникѣ и заимодавцѣ, кто изъ нихъ котораго глупяе? Первой безуменъ для того, что не хочетъ брать даемыхъ денегъ, а другой, что даетъ безъ надежды возврату.

Ст. 109. *Пусть Нерїй ростовщикъ* и проч.) Нерїй, Периллїй и Цикута имена вымышленныя; и не извѣстно, ростовщики ли они были, или юристы.

Ст. 115. *Дорогу завсегда найдетъ хитрецъ Протей*) То есть, коварной и перемѣняющїйся человѣкъ, которой какъ Протей смотря по приличности случаевъ разные виды на себя принимать можетъ.

Ст. 118. *И такъ должникъ его*) То есть, заимодавца Нерїя.

Чего онѣ отѣ тебя во вѣки не получитѣ.
Збирайтесь всѣ сюда, кто слушать не поскучитѣ,
И всякѣ предстани здѣсь, кто чемѣ ни искушенѣ,
Кто честолюбіемѣ лукавымѣ напыщенѣ,
Кто отѣ алчбы кѣ сребру исчахнувѣ весь блѣднѣетѣ,
Кто таетѣ отѣ сластей иль суевѣрство сѣетѣ,
Или чью мысль обьялѣ другой какой недугѣ,
Другѣ по другѣ ко мнѣ стекайтеся всѣ вдругѣ,
Когда я всѣхѣ людей открыть намѣренѣ глупость.
Чихоткой врачевать чахотну должно скупость,
И столько на цѣльбу ея употребить,
Сколь много можетѣ вся Антицира родить.
Наслѣдникамѣ велѣлѣ Ставерій, зря кончину,
Чтобѣ раздѣливѣ его несмѣтну чемезину,
На плитѣ каждой часть свою изобразилѣ;
А естьлибѣ кто изѣ нихѣ сего не учинилѣ,
Тобѣ сто парѣ выставилѣ за штрафѣ бойцовѣ, иль болѣ,
Народѣ бы угостилѣ по Арріевой волѣ,
И столькобѣ далѣ еще кѣ тому пшеницы мѣрѣ,
Колико вѣ Африкѣ родится на примѣрѣ.

Ст. 126. *Збирайтесь псѣ сюда и проч.*) Говоритѣ Стертиній вѣ лицѣ Дамазиппа.

Ст. 134. *Чихоткой прачепать чахотну должно скулость:*) Вѣ Латинскомѣ стоитѣ elleborus, что значитѣ чемерицу; но у насѣ обыкновенно чхающимѣ здравія желаютѣ, думая, будто отѣ чиханія головѣ легче бываетѣ. Чахотная скупость для того такою названа, что скупой отѣ зависти чахнетѣ.

Ст. 136. *Сколь много можетѣ пся Антицира родить:*) Такѣ назывался островѣ вѣ беотіи, на которомѣ весьма много чемерицы расло

Ст. 137. *Наслѣдчикамѣ пелѣлѣ Стаперій и проч.*) Ставерій былѣ весьма сребролюбивый человѣкѣ, которой при смерти завѣщалѣ своимѣ наслѣдникамѣ, чтобѣ каждой изѣ нихѣ означилѣ на плитѣ его число денегѣ, кои получилѣ вѣ наслѣдство.

Ст. 142. *Народѣ бы угостилѣ по Арріепой полѣ:*) Арріій былѣ великой прожора.

Исполните, сказалъ, вы по сему условью;
Никто мнѣ мачихой не будь, или свекровью,
И худоль, хорошоль, иначе не суди,
Но такъ, какъ предписалъ, сей мой завѣтъ блюди.
Разумно поступилъ, какъ думаю, скупяга:
Какогожъ изъ того надѣялся онъ блага,
Что высѣчь сумму ту на камнѣ завѣщалъ,
Которую своимъ потомкамъ отказалъ?
За главной онъ порокъ нищетство въ свѣтѣ ставилъ,
Доколѣ жизнь свою безплодную пробавилъ,
И болѣе всего остерегался онъ,
Чтобъ въ суммѣ всей какой не здѣлался уронъ,
И грошемъ бы однимъ тогда не стался бѣдный,
Какъ жизни придетъ часъ ему ужѐ послѣднїй,
За тѣмъ что самъ себѣ казалсябъ не хорошъ,
Когда бы у него изъ бездны убылъ грошъ.
По мнѣнїюжъ его честь, слава, добродѣтель,
Зависятъ отъ богатствъ, и тотъ всего владѣтель,
Храбръ, славенъ, справедливъ, премудръ, и вся есть всѣмъ,
Кто числитъ тысячи въ имѣнїи своемъ.
Великимъ дѣломъ чтя казну онъ неисчетну,
Мнилъ, что доставитъ та хвалу ему всесвѣтну.
Не меньшей глупости слѣдъ Аристиппъ имѣлъ,
Кой бросить золото изъ рукъ рабамъ велѣлъ,
Среди Ливїйскихъ странъ путь съ ними продолжая,
Что тягость имъ была препятствїемъ такая,

И

Ст. 167. *Не меньшей глупости слѣдъ Аристиппъ имѣлъ:*) Стертинїй показываетъ, что безуменъ и тотъ, кто деньги со всѣмъ презираетъ, которыя въ житїи необходимо нужны. *Аристиппъ*, Греческой Философъ, получивъ отъ нѣкоего Мавританскаго Царя въ подарокъ знатную сумму денегъ, велѣлъ рабамъ бросить оныя на дорогѣ, потому что они шли тихо.

И не могли за нимъ поспѣшно злата несть:
Которагожъ изъ сихъ безумнѣйшимъ почесть?
Въ сомнительныхъ дѣлахъ разборъ бываетъ труденъ.
Глупецъ тотъ по своимъ поступкамъ будетъ чуденъ,
Кой множество гуслей накупитъ для того,
Чтобъ только имъ лежать всѣмъ въ кучѣ у него,
А самъ къ игрѣ имѣть не будетъ онъ охоты,
Ни въ тонахъ нѣжности, ни въ му́зыкѣ знать ноты.
Когдабъ сапожному не зная мастерству,
Кто шилья покупалъ, колотки и верьву;
Кагда бы на морѣ во вѣки не бывалой
И склонности къ торгамъ нечувствующъ ни малой
Готовилъ парусы и заводилъ суда;
Достойно долженъ слыть безумнымъ тотъ всегда.
Чѣмъ разнствуетъ отъ сихъ, кто денегъ тьму скопляетъ,
Употребленьяжъ ихъ во весь свой вѣкъ не знаетъ,
Не смѣя, какъ къ святымъ вещамъ, коснуться къ нимъ?
Когда бы кто сидѣлъ у ржи съ цепомъ большимъ,
Иль протянувшись вдѣлъ сноповъ у кучи цѣлой,
Изъ коей бы зерна́ голодной и несмѣлой
Хозяинъ будучи самъ не взялъ никогда,
Но горькаябъ трава была его ѣда;
Когда бы бочекъ сто, но то еще и мало,
Когдабъ до трехъ сотъ ихъ съ напитками стояло,
И Хїйскоебъ имѣлъ съ Фалернскимъ онъ вино,
А самъ бы пиво пилъ окислое давно;
Когдабъ пуховики храня драгїе въ домѣ,
Лѣтъ съ лишкомъ въ семьдесятъ валялся на соломѣ,
А тѣ бы въ кладовой моль съѣла наконецъ,
Тобъ въ самомъ дѣлѣ былъ великой сей глупецъ:
Но люди рѣдко бы такимъ его признали,
За тѣмъ что сами въ томъ премноги обуяли.

На толь, о врагъ боговъ! блюдешь достатокъ цѣлъ,
Чтобъ въ глоткѣ у́-сына иль у питомца сѣлъ,
Или чтобъ старой жилъ безъ нужды и изъяна?
Но многоль въ каждой день убудетъ изъ кармана,
Когда ты будешь хлѣбъ, а не мякину ѣсть,
И холсй шолуди потщишься обоскресть?
Когдажъ ты малымъ, какъ большимъ, доволенъ равно,
Почто радъ кожу снять со всѣхъ и грабишь явно?
Возмнилъ ли бы тебя кто умнымъ почитать,
Когдабъ ты сталъ въ народъ каменьями метать,
Или на купленныхъ рабовъ всегда яриться,
Сердясь, что отъ ребятъ и дѣвокъ не льзя скрыться,
Которые тебя въ слухъ дразнятъ дуракомъ?
Коль паче можно ли сказать, что ты съ умомъ,
Когда извелъ жену удавкой, мать отравой?
Тыжъ больше по тому въ семъ случаѣ не правой,
Что не у Арговъ мать, и не мечемъ убилъ,
Какъ нѣкогда Орестъ безумно поступилъ.
Иль мнишь, что не-было безумія въ Орестѣ,
Пока не обуялъ съ убійствомъ рождшей вмѣстѣ?
Никакъ; онъ съ той поры ужѐ безуменъ сталъ,
Какъ принялъ злобну мысль и дѣйствомъ окончалъ,
Хоть впротчемъ до того зла не явилъ другова,
За коебъ счесть его могъ за глупца прямова.

Когда

Ст. 217. *Когда изпелъ жену удапкой, мать отрапой:*) Кажется, что въ семъ стихѣ Горацій пятнаетъ какого нибудь непотребнаго и злаго римскаго гражданина.

Ст. 220. *Какъ нѣкогда Орестъ безумно поступилъ:*) Орестъ убилъ мать свою Клитемнестру за то, что она лишила жизни отца его Агамемнона, слѣдовательно тому убійству сожалѣніе причиною было. Онъ же сіе учинилъ надъ безчеловѣчною и неистовою женщиною, и не злобнымъ коварствомъ, но явною силою; почему сребролюбивой тѣмъ гораздо безумнѣе Ореста, что ни гнѣвомъ, ни жалостію побужденъ

Когда ни Пи́лада мечемъ не погубилъ,
Ни живота сестру Электру не лишилъ,
Лишь только обоихъ въ неистовствѣ злословилъ,
И къ Фу́ріямъ во адъ себѣ тѣмъ путь готовилъ,
То ту изъ нихъ къ себѣ, другую то зовя,
Какія въ бѣшенствѣ лишь вздумать могъ слова.
Хоть въ деньгахъ по́-уши Опимі́й весь зарылся,
Но въ праздники виномъ Вэзнтскимъ веселился,
И изъ Кампанскаго пилъ судна, какъ убогъ,
А въ будни пить раку обычной былъ залогъ.
Сонливостію бывъ всегдашнею задавленъ,
Надежнымъ сталъ врачемъ и скорымъ такъ возставленъ;
Когда наслѣдникъ вкругъ ключей и сундуковъ
Радъ бѣгая, спѣшилъ добраться до мѣшковъ;
Велѣлъ поставить столъ передъ больнымъ убогимъ,
И деньги высыпавъ считать нарочно многимъ,
И поднялъ словомъ симъ немедленно съ одра:
Когда не бережешь ты своего добра,
То алчный захвативъ наслѣдникъ овладѣетъ.
Какъ, за́-живо ль при мнѣ, вскричалъ, то здѣлать смѣетъ?
А врачь сказалъ: Востань и бодрствуй для того,
И не забудь притомъ ты наблюдать сего.
Чего? спросилъ больной: Твои ослабнутъ силы,
И скоро дойдешь ты безъ пищи до могилы,

будучи, но для единаго сребролюбія злодѣйски поступаетъ.

Ст. 227 и 228. *Когда ни Пилада мечемъ не погубилъ, ни живота сестру Электру* и проч:) Пиладъ, Строфіевъ сынъ, былъ великой другъ Агамемнону и Оресту, а Электра сестра Орестова, и супруга Пиладова.

Ст. 234. *Но въ праздники виномъ Вээнтскимъ веселился:*) Вээнтское вино весьма непріятной вкусъ имѣло.

Ст. 235. *И изъ Кампанскаго пилъ судна:*) Изъ глинянаго сосуда.

Когда не укрѣпишь желудка поскорѣй.
Что медлишь? растворивъ ячменну цѣжу пей.
Во сколько станетъ та, спросилъ больной, цѣною?
Сказалъ врачь: Льзя купить весьма недорогою.
За сколькожъ? за́-восемь, отвѣтствовалъ, грошей.
Коль такъ, пришло пропасть ужъ головѣ моей,
И отъ болѣзни ли умру, иль отъ грабленья,
Мнѣ все равно. Прошужъ въ семъ дѣлѣ наставленья,
Кого за умнаго довлѣетъ почитать?
Стертиній рекъ: Кого безумнымъ не льзя звать.
Скупаго ли? спросилъ: Глупецъ онъ и несмысленъ.
Чтожъ, къ умнымъ можетъ ли быть нескупой причисленъ?
Никакъ; а для чего, скажу тебѣ на то:
Когда желудкомъ здравъ и крѣпокъ въ людяхъ кто,
Не льзя, сказалъ Кратеръ, признать, что тотъ здоровой,
За тѣмъ что немощью другой обьятъ суровой.
Но встанетъ ли? спроси: Оспоритъ онъ и въ томъ,
Что либо колетъ бокъ, иль въ головѣ есть ломъ.
Такъ естьли кто живетъ не гнусно, не безбожно,
И жертвуетъ богамъ хранителямъ не ложно,
Однако гордости исполненъ, дерзновенъ,
И сей въ Антициру быть долженъ отвезенъ,
За тѣмъ что все равно, хотя прожить для глотки,
Хотя не брать во вѣкъ ни денешки изъ чотки.
О Сервіѣ идетъ Оппидіѣ сей слухъ,
Что онъ призвавъ сыновъ своихъ при смерти двухъ,

И

Ст. 261. *Скупаго ли? спросилъ:*) То есть, Дамазиппъ у Стертинія, по тому что здѣсь идетъ разговоръ между ими.

Ст. 265. *Не льзя, сказалъ Кратеръ:*) Кратеръ былъ искусной медикъ.

Ст. 275. *О Сервіѣ идетъ Оппидіѣ сей слухъ:*) Стертиній представляетъ въ примѣръ Сервія Оппидія, котораго завѣщаніемъ заключаетъ оной вопросъ, кого же разумнымъ почесть можно? Послѣ того о гордости и тщеславіи рѣчь начинаетъ.

И раздѣляя имъ достатокъ предковъ древній,
Въ наслѣдство каждому оставилъ двѣ деревни,
И каждому слова̀ послѣднія сказалъ:
Когда я, Авлъ, тебя съ игрушками видалъ
И съ полной пазухой орѣховъ между равныхъ,
Что раздаешь въ играхъ растѣшившись забавныхъ:
И какъ, Тиверій, ты считалъ и пряталъ ихъ;
боялся, чтобъ въ пути различны обоихъ
беспутно не вело безумство заблужденныхъ,
И чтобъ не приняли вы нравовъ развращенныхъ:
Ты съ Номентаномъ, тыжъ не будь съ Цикутой тожъ.
Одинъ не маль, что есть, другой изъ васъ не множь,
Чего, какъ мнитъ отецъ, для обоихъ довольно,
И болѣе желать по естеству невольно.
Къ томужъ и клятва въ томъ на васъ моя пребудь,
Коль къ тщетной славѣ вы приложите свой трудъ;
И нижней ли имѣть чинъ будетъ кто, иль вышней,
Останься конче въ томъ безъ прихоти излишней.
Иль мило потерять имѣнье безъ плода,
Чтобъ благосклоненъ былъ народъ къ тебѣ всегда,
Чтобъ на Цирце́нскихъ ты играхъ былъ предпочтенный,
Или бы о̀бразъ твой былъ мѣдянъ сорүженный,
Когда лишился ужъ и денегъ и полей;
Чтобъ льву могъ подражать лисицы удалѣй
И тѣхъ же по̀честей добиться отъ народа,
Какія обрѣла Агриппина порода?

Почто

Ст. 284. *Боялся, чтобъ и проч.*) То есть, Оппидій.

Ст. 297. *Чтобъ на Цирценскихъ ты играхъ былъ предпочтенный:*) О Цирценскихъ играхъ сказано выше въ сатирѣ осьмой книги 1, въ примѣчаніи подъ стихомъ 192мъ.

Ст. 302. *Какія обрѣла Агриппина порода:*) Маркъ Агриппа былъ зять Цесаря Августа.

Почто, Агамемнонъ, ты повелѣнье далъ,
Чтобъ Аякса никто землѣ не предавалъ?
Я Царь, не вопрошай меня, Плебе́й, ты болѣ;
Доволенъ будь, что судъ даю правдивъ по волѣ:
А естьли кто меня несправедливымъ чтитъ,
безъ страха мысль свою о томъ да объявитъ.
Великiй Государь! Да пошлютъ щедры боги,
Чтобъ покоривъ враговъ и царство ихъ подъ ноги
благополучно флотъ отъ Трои ты привелъ:
И такъ могу ли быть столь предъ тобою смѣлъ,
Чтобъ вопросить, потомъ отвѣтъ услышать равный?
Не запрещаю въ томъ. Почто Герой толь славный,
О Аяксѣ теперь прехрабромъ говорю,
Кой по Ахи́ллѣ есть вторый въ бояхъ, Царю!
Къ истлѣнью по твоей лежитъ поверженъ власти,
Хотя толико кратъ спасъ Грековъ отъ напасти;
Не дялъ угодности Прiа́ма и Троянъ,
Чрезъ коихъ внѣ своихъ погибли Греки странъ?
Сей тысячу овецъ въ безумствѣ истребилъ,
Крича, что онъ меня съ Улиссомъ поразилъ,
И будто съ нами ужъ кончаетъ Менела́я.
Твояжъ правдива ли поступка въ томъ такая,

Что

Ст. 303. *Почто, Агамемнонъ и проч.*) Слѣдующимъ разговоромъ Царя Агамемнона съ Плебеемъ отпущеникомъ подтверждаетъ Стерщинiй справедливое Оппидiево завѣщанiе дѣтямъ, чтобъ они чрезъ деньги чести не искали, которой слѣдствiя суть властолюбiе, самолюбiе, страхъ, мщенiе, злочестiе, пустые титулы, неукротимой гнѣвъ и другiя тѣмъ подобныя, что доказываетъ примѣромъ безумнаго Агамемнона, которой далъ повелѣнiе, чтобъ не погребать Аякса.

Ст. 321. *Сей тысячу овецъ въ безумствѣ истребилъ:*) Причина Агамемнонова гнѣва на Аякса была та, что онъ вознамѣрился лишить жизни Улисса и Менелая, и погубить все войско за уступленiе ими Улиссу Ахиллесова оружiя; но божескимъ прещенiемъ до того не допущенъ; ибо онъ пришелъ во исступленiе ума вмѣсто ихъ напалъ на овецъ, и оныхъ побилъ.

Что дочь на жертву далъ въ Авли́дѣ, о презлой,
И окропилъ главу соленою водой.
Къ чему слова̀ сіи? кого глупцемъ поставилъ?
Чтожъ Аяксъ заслужилъ? жены̀ не обезглавилъ,
Ни сына, и однимъ Атри́дамъ лишь грозилъ:
Ни Тевкра онъ, нижѐ Улисса погубилъ
Я кровію боговъ умилостивить тщился,
Чтобъ отъ Авли́ды флотъ щасливо отдалился.
Конечно кровью ты своей склонилъ боговъ:
То правда, что моей, но былъ умомъ здоровъ.
Кто правду видами другими покрываетъ,
И беззаконіе во благо обращаетъ,
Тотъ разумомъ смущенъ и внѣ себя живетъ;
Отъ гнѣваль, безъ умаль грѣшитъ, въ томъ разни нѣтъ.
Шалѣетъ Аяксъ, что побилъ овецъ беззлобныхъ:
А ты, кой съ умыслу для титуловъ особныхъ
Въ преступство впадаешь, уменъ ли по сему,
И чистъ ли сердцемъ ты по гордому уму?

Ст. 324 и 325. *Твояжъ правдива ли поступка въ томъ такая, Что дочь* и проч.) Плебей уличаетъ самаго Агамемнона, которой по совѣту жреца Калхаса дочь свою Ифигенію для умилостивленія боговъ въ Авли́дѣ принесъ на жертву.

Ст. 326. *И окропилъ главу соленою водой.*) Древніе при началѣ жертвоприношенія растворяли въ водѣ молотую рожь и соль, и оною окропляли голову закалаемой жертвы между рогами.

Ст. 327. *Къ чему сіи слова* и проч.) Говоритъ Агамемнонъ.

Ст. 328. *Чтожъ Аяксъ заслужилъ* и проч.) Плебей наипаче обличаетъ неправду Агамемнонову, что Аяксъ не убилъ ни жены̀ ни сына, какъ онъ дочь, и грозилъ только словами ему и Менелаю, которые назывались *Атридами.*

Ст. 330. *Ни Тевкра онъ, нижѐ Улисса погубилъ:*) Тевкръ былъ братъ Аяксовъ, а Улиссъ противникъ его, которому оружіе Ахи́ллесово досталось.

Ст. 331. *Я кровію Боговъ* и проч.) Агамемнонъ отражаетъ отъ себя знакъ безумства тѣмъ, что онъ кровію дочери своей боговъ умилостивить хотѣлъ.

Когда бы для волны любя кто овцу чистой,
Чтилъ вмѣсто дочери своей и нѣжилъ истой,
На мягкой бы велѣлъ постелѣ ту носить,
Приставивъ къ ней рабынь, сталъ чисто бы водить,
Копилъ бы деньги ей, звалъ ягодкой наливной,
И за мужъ сббя, бракъ не ставилъ бы въ противной;
А Преторъ бы его отъ права отрѣшилъ,
И ближнимъ сродникамъ имѣнїе вручилъ:
Что, естьлибъ жертвовалъ кто дочь свою родную,
За овцу оную считаючи нѣмую;
То въ цѣломъ ли умѣ и тотъ есть и другой?
Никакъ. И по сему въ комъ глупость съ слѣпотой,
Въ томъ совершенное безумство обитаетъ:
Злонравной завсегда неистовъ вдругъ бываетъ.
Кто хлипкой славы блескъ за верьхъ блаженства чтетъ,
Въ томъ здраваго ума давно померкнулъ свѣтъ.
Представимъ роскоши теперь беспутства злыя,
И сколь безумны той любители прямыя,
Чрезъ Номентановъ мы докажемъ то примѣръ.
Какъ скоро руки онъ въ наслѣдны деньги втеръ,
Не медля рыбаковъ, овощниковъ збираетъ,
Помады разныя и птицъ ужъ закупаетъ;
Всю Тусску слободу сзываетъ рано въ домъ,
Разнощиковъ и весь харчевниковъ содомъ.
Чтожъ здѣлалось? пришли великими толпами;
Сталъ сводникъ говорить, такими льстя словами:

Что

Ст. 349. *А Преторъ бы его отъ права отрѣшилъ:*) То есть, лишилъ бы его наслѣдственнаго права, какъ безумнаго.

Ст. 365. *Всю Тусску слободу сзываетъ рано въ домъ:*) Тусская слобода наполнена была самыми непотребными людьми, какїе въ началѣ сатиры второй книги первой исчислены.

Что ни имѣю я, и что ни есть у сихъ,
Вѣрь, какъ бы ужъ въ рукахъ все было то твоихъ;
Возми хотя теперь, хоть завтра, коль угодно.
Смотри, сколь отвѣчалъ Крезъ новый благородно:
Ты на Лука́нскихъ спишь обувшися снѣгахъ,
Чтобъ въ ужинъ на моихъ стоялъ кабанъ столахъ;
Ты рыбу ловишь мнѣ, бдя на морѣ зимою:
Не благодаренъ я, богатствѣ владѣя тьмою;
Возми ты десять доль, ты столькожъ, втрое ты,
Принявшій для меня столь много суеты,
Что вставъ любезная красавица съ полночи,
Прибѣгла вдругъ ко мнѣ, и показала очи.
Езо́повъ сынъ, гордясь богатствомъ на показъ,
Сестерцій десять сотъ съѣлъ тысячъ въ малый часъ,
Изъ уха вынувши Мете́ллы маргариту,
Котору въ уксусѣ онъ поглотилъ размыту.
Конечно стольже бы безумно поступилъ,
Когда бы въ быструю рѣку иль бросилъ въ илъ.
Два бра́та, Арріевъ родъ, пара превосходна,
Въ неистовыхъ дѣлахъ и склонностяхъ злыхъ сходна,
Обыкли купленныхъ великою цѣной
Ѣсть въ ужинъ соловьевъ по прихоти одной.

Ст. 372. *Отвѣчалъ Крезъ новый благородно:*) То есть, роскошный Номентанъ. Крезъ былъ весьма богатой Лидійской Царь.

Ст. 381 и 382. *Езоповъ сынъ гордясь богатствомъ на показъ, Сестерцій десять сотъ съѣлъ тысячъ* и проч.) Другой примѣръ безумной роскощи. Езопъ роскошный, Трагическаго Езопа сынъ, всѣхъ вещей трату ни вочто поставляя, вынулъ изъ уха жены своей Метеллы драгоцѣнный камень, и размывъ оной въ крѣпкомъ уксусѣ проглотилъ, дабы отцовское богатство безмѣрною роскошью превзойти могъ.

Ст. 387. *Два брата, Арріевъ родъ* и проч.) Объ Арріѣ смотри въ сей сатирѣ примѣчаніе подъ стихомъ 141мъ.

Добромъ, иль худомъ сихъ обѣихъ должно встрѣтить,
И мѣломъ надлежитъ, иль углемъ ихъ замѣтить?
Когда бы малыхъ кто обычаемъ дѣтей
Клѣть городилъ, къ возку привязывалъ мышей,
Въ четъ нечетъ бы игралъ, и ѣздилъ на жердинѣ
Съ сѣдою бородой, съ морщиной на морщинѣ;
Тогда бы пальцомъ всякъ, смѣяся, указалъ,
И тотчасъ бы, съ ума сошолъ старикъ, сказалъ.
Но кажется, что тотъ глупяе совершенно,
Чье сердце страстїю любовной зараженно
И естьли здравый умъ то прямо подтвердитъ,
И что нѣтъ разни въ томъ, кто какъ дитя шалитъ,
Иль по красавицѣ кто плачетъ неутѣшно;
Скажи, оставишь ли дурачество поспѣшно,
Какъ нѣкогда свой нравъ исправилъ Полемонъ?
Отвергнешь ли со всѣмъ злой роскоши законъ,

без-

Ст. 391. *Добромъ иль худомъ сихъ обѣихъ должно встрѣтить.*) То есть, къ добрымъ ли, или къ злонравнымъ ихъ причислить надлежитъ.

Ст. 393. *Когда бы малыхъ кто обычаемъ дѣтей:*) Стертиній начинаетъ говорить о любовной страсти, которая также отъ сластолюбїя происходитъ, сравнивая оную съ глупостїю малыхъ дѣтей.

Ст. 404. *Скажи, оставишь ли* и проч.) Говоритъ роскошному.

Ст. 405. *Какъ нѣкогда свой нравъ исправилъ Полемонъ?*) Полемонъ, Аѳинейской юноша, былъ весьма роскошнаго житїя и развращенныхъ нравовъ; но по случаю пьяной зашедъ въ школу Ксенократову, которой тогда разсуждалъ о воздержанїи, такъ перемѣнился, что и самъ послѣ великимъ Философомъ здѣлался. Ксенократъ, Халкидонскїй Философъ, былъ столь воздерженъ, что когда Лайда объ закладъ билась, что она можетъ его прелестїю своею склонить къ своей любви, и какъ въ нѣкоторое время притворившись устрашенною ночью къ нему прибѣгла, и у него всю ту ночь пробыла; то онъ лежалъ неподвижно. Послѣ того будучи принуждаема къ платежу по уговору, сказала, что она о человѣкѣ, а не о статуѣ объ закладъ билась.

безмѣрно щегольство, спесь, нѣгу и затѣи,
Какъ перла Полемонъ связалъ тихонько съ шеи
Отъ Ксенократова ученія и словъ?
Сердитое дитя бѣжитъ прочь отъ плодовъ:
Возми, любезное дитя; не принимаетъ:
Когда же не даешь, тогда весьма желаетъ.
Любовникъ, съ малымъ кой не можетъ быть сравненъ,
Отъ милой будучи на время отлученъ,
Итти, иль нѣтъ, о томъ крушится, мыслитъ въ горѣ,
Кудабъ безъ прозьбы онъ самъ возвратился вскорѣ,
И у дверей торчитъ постылыхъ внѣ ума:
Ниже теперь пойду, хотя зоветъ сама;
Иль лучше всю болѣзнь скончать и думы бросить?
Оставила, зоветъ; иттили? нѣтъ, пусть проситъ.
Разумнѣйшій слуга вдругъ къ стати молвилъ рѣчь:
Не можетъ дѣло то съ порядкомъ добрымъ течь,
Ниже когда себя разсудку подвергаетъ,
Раздудка въ коемъ нѣтъ, порядка не бываетъ.
Въ любви лишь началась война, вдругъ миръ поспѣлъ.
Когдабъ незапны кто премѣны оныхъ дѣлъ,
бывающія такъ, какъ бурный вѣтръ, случайно,
Въ порядокъ привести трудился чрезвычайно;
Не лучшій бы себѣ снискалъ трудами плодъ,
Какъ естьлибъ тщился, чтобъ безумный былъ уродъ.

Ст. 410. *Сердитое дитя бѣжитъ прочь отъ плодовъ*) Изъ непостоянства, обычаевъ и легкомыслія дѣтскаго заключаетъ, что любовь не что иное есть, какъ прямое безуміе. Доказываетъ оное самымъ дѣломъ изъ Терентіевой комедіи, *Федріа* называемой, въ коей весьма страстной любовникъ волнуясь мыслями своими не знаетъ, что дѣлать въ отчаяніи.

Ст. 426. *Когдабъ незапны кто премѣны оныхъ дѣлъ*:) То есть, любовныхъ, потому что любовники столь безпокоятся, что на одномъ часу десять перемѣнъ случается.

Когда изъ яблоковъ взявъ сѣмя ты Пиценскихъ,
О склонностяхъ къ тебѣ чрезъ то гадаешь женскихъ,
И радъ, что вскинулъ ты на кровлю то зерно,
Не знакъ ли будетъ, что безуменъ ты давно?
Что естьли языко́мъ, старъ будучи, картавишь,
Не тѣжъ ли клѣти ты ребячьи глупой ставишь?
Безумство живота презрѣньемъ умножай,
Иль лютостью свое неистовство являй.
Теперь я говорю: Когда убивъ Гелла́ду
Стремглавъ палъ Ма́рїй, чтобъ забыть свою досаду,
Во изступленїи ума случилось такъ;
Тыжъ не виня за то, что Ма́рїй былъ дуракъ,
Одно злодѣйство въ немъ, не глупость обличаешь,
И сходны имена вещамъ лишь прилагаешь.
По утру бѣгая по перекресткамъ рабъ,
Кой былъ за старостью сухъ, дряхлъ ужѐ и слабъ,

СЪ

Ст. 431. *Когда изъ яблоковъ взявъ сѣмя ты Пиценскихъ*) Любовники обыкновенно вынимали яблошныя сѣмена, и сжавъ оныя перьвыми двумя перстами бросали въ тотъ покой, гдѣ жила любовница, надѣясь чрезъ то получить желаемое, ежели оное сѣмя докинутъ до кровли.

Ст. 435. *Естьли языкомъ старъ будучи картавишь?*) Ежели будучи старъ стараешься нѣжняе произносить рѣчи для прельщенїя тѣмъ любовницы.

Ст. 437 и 438. *Безумство живота презрѣньемъ умножай, иль лютостью* и проч.) Сїе есть самое крайнее въ любви безумство, ежели кто для нея жизнь свою опасности подвергаетъ, и иногда для угожденїя любовницы убїйство чинитъ.

Ст. 439 и 440. *Когда убивъ Гелладу, стремглавъ палъ Марїй* и проч.) Марїй нѣкто отъ несносной любовной страсти нѣкоторую дѣвицу Гелладу лишилъ жизни за то, что она къ нему несклонна была; а послѣ отъ жестокой печали бросившись съ высокаго мѣста самъ убился.

Ст. 445. *По утру бѣгая по перекрескамъ рабъ* и слѣд. по ст. 455.) Наконецъ показываетъ здѣсь безумїе суевѣрныхъ, разумѣя Стоиковъ, коихъ служенїю, обрядамъ, почитанїю боговъ, обѣтамъ и проч. скрытно насмѣхается. Древнїе въ уреченное время года по перекресткамъ приносили жертву домашнимъ богамъ,

Съ обмытыми богамъ творилъ мольбу руками:
Единаго, но чтожъ? рекъ важными словами,
Исхитите меня отъ смерти одного,
О боги! Вамъ сїе удобнѣе всего.
Всѣ члены рабъ имѣлъ, и всѣмъ здоровъ былъ тѣломъ,
Кромѣ того, что былъ онъ въ разумѣ нецѣломъ,
Какъ господинъ о немъ торгующимъ сказалъ,
боясь, чтобъ утаивъ то самъ въ бѣду не впалъ.
　Премудрый сихъ людей толпу и постоянный
Въ Менéнїевъ Хризиппъ включаетъ родъ пространный.
Горячая мóльбу лила о сынѣ мать,
Чтобъ Юпитеръ велѣлъ трясавицѣ отстать.
О ты, кой тяжкими скорбьми людей караешь,
И милуя опять болѣзни прекращаешь!
Когда ты даруешь збыть съ рукъ сїю бѣду,
Въ тотъ день его на Тибръ нагаго приведу,
И должное воздамъ тебѣ благодаренье,
Въ который во твою бываетъ честь пощенье.
Случилось, что болѣзнь по щастью отошла,
Иль тщанїемъ врача исцѣлена была;
Старуха глупая на Тибръ сынка стащила,
И стужею сперьва болѣзнь возобновила,

По-

при которыхъ жертвоприношенїяхъ рабы жрецамъ служили. Горацїй не держался никакого закона, и по тому не вѣрилъ, чтобъ боги о дѣлахъ человѣческихъ попеченїе имѣли, какъ явствуетъ въ сатирѣ девятой книги перьвой при концѣ.

Ст. 456. *Въ Мененїевъ Хризиппъ включаетъ родъ пространный:*) То есть, въ число безумныхъ. Мененїева фамилїя суевѣрїемъ и безумствомъ весьма обезславлена была. *Хризиппъ*, учитель Стоиковъ.

Ст. 457. *Горячая мольбу лила о сынѣ мать:*) Другой примѣръ безумнаго суевѣрїя.

Ст. 464. *Въ который во твою бываетъ честь пощенье:*) Консулами или Преторами назначенный день, въ который празднества въ честь Юпитера отправляемы были.

Потомъ и живота лишила бѣдняка!
Чтожъ привело къ шальству? боялася божка.
Сіи осьмый мудрецъ Стертиній далъ законы,
Чтобъ не-былъ я хулимъ безъ всякой обороны.
Пусть скажутъ люди, что безуменъ я и глупъ;
Не буду для услугъ взаимныхъ онымъ скупъ,
И обличеніемъ самихъ не меньше трону.
Скажижъ мнѣ: Послѣ толь великаго урону
Когда ты началъ все дороже продавать,
И мудрость за товаръ Стертинія считать,
Какое есть во мнѣ безумство по примѣтѣ,
За тѣмъ что не одинъ родъ глупости на свѣтѣ?
Мнѣ кажется, что я умомъ конечно здравъ.
Пусть такъ: Сыновнюю нося главу Агавь,
Казалась ли себѣ неистовой и злою?
Я глупъ, въ томъ признаюсь, и отъ тебя не крою,
Но паче говорю, что я и сумозбродъ;
Мнѣ только лишь скажи: Какой безумства родъ,
Или какой порокъ во мнѣ ты примѣчаешь?
Вопервыхъ знай, что домъ огромный затѣваешь,
То есть, мнишь ростомъ быть, какъ люди, таковый,
Два фута будучи отъ ногъ до головы,
И станомъ тѣла самъ во всемъ съ Турбономъ равенъ,
Кой болѣе тебя на поединкахъ славенъ,

Смѣ-

Ст. 471. *Сіи осьмый мудрецъ Стертиній* и проч.) Заключаетъ рѣчь свою Дамазиппъ.

Ст. 476. *Скажижъ мнѣ* и проч.) Горацій вопрошаетъ Дамазиппа.

Ст. 582. *Пусть такъ ; Сынопнюю нося глапу Агапь*) Отвѣтъ Дамазипповъ Горацію. То есть, не удивительно ему, что Горацій самъ себѣ разумнымъ кажется, по колику и Агавь, убивъ своего сына Пентея за осмѣяніе бакхусова празднества, безумною себя въ томъ не признавала.

Ст. 484. *Я глупъ* и проч.) Горацій говоритъ.

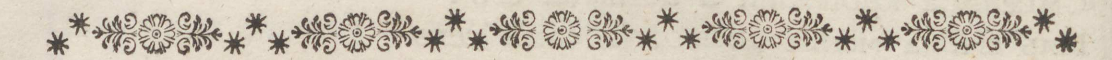
Ст. 488. *Волерьпыхъ знай*, и проч.) Дамазиппъ отвѣчаетъ.

Ст. 491. *И станомъ тѣла самъ по псемъ съ Турбономъ рапенъ*) Вѣроятно, что Турбонъ былъ глу-

Смѣешься крѣпости и поступи его :
Иль смѣха менѣе достоинъ самъ сего?
И къ стати ли тебѣ за Меценатомъ гнаться,
Съ которымъ ты ни въ чѣмъ не можешь ввѣкъ сравняться?
Ногою невзначай теленокъ наступилъ,
И не большихъ въ гнѣздѣ лягушекъ задавилъ;
Ушедши, матери одна изъ нихъ сказала,
Какъ страшная дѣтей скотина потоптала.
Она спросила, сколь велика та была?
былаль съ меня? потомъ вдругъ дуться начала,
И дуясь молвила : Такаяль та звѣрина?
Нѣтъ, матушка, еще потребна половина,
Сказала малая лягушка ей въ отвѣтъ :
Такая ли была величиною? Нѣтъ :
Не будешь ей равна, пока раздувшись треснешь,
И также, какъ твои всѣ дѣти, ты изчезнешь.
Сей образъ отъ тебя не много отошелъ.
Прибавь къ тому еще здоръ стихотворныхъ дѣлъ,
Иль лучше такъ сказать, прибавь въ горнъ масла болѣ.
Коль умной кто стихи слагалъ, послѣдуй волѣ;
Не говорю къ тому о бѣшенствѣ твоемъ.
Прошу, о Дамазиппъ, остаться при своемъ,
И по приходу впредь держать твои расходы :
Несчетны дѣвушекъ и щоголей всѣ моды,
И тысяча у нихъ есть прихотей всякъ часъ.
Простижъ большой дуракъ меньшихъ безумцовъ насъ.

О
пой карликъ, которой почиталъ себя за Героя, и тѣмъ подавалъ причину къ смѣху.

Ст. 498. *Ногою невзначай теленокъ наступилъ* :) Дамазиппъ приводитъ въ примѣръ Езопову притчу о треснувшей жабѣ, показывая тѣмъ, что не должно никому съ богатыми равняться, какъ Горацій съ Меценатомъ, чѣмъ вся сатира заключается.



Сатира IV.

КАТІЙ.

Откуда, Ка́тій, ты? куда? мнѣ не досужно;
Доводы приложить уставамъ новымъ нужно,
Противъ которыхъ бы Сокра́тъ и Пиѳаго́ръ,
И тщетно бы Платонъ вступить дерзнули въ споръ.
Винюсь, что я спросилъ не въ пору и не къ стати,
Но снесть вину прошу великодушно, Ка́тій!
Когда же пало что въ забвеніе теперь,
Ты вскорѣ приведешь на память то, повѣрь,

При-

Примѣчанія.

Горацій начинаетъ сію сатиру разговоромъ съ Катіемъ, въ лицѣ котораго осмѣваетъ Епикурейцовъ, какъ въ предъидущей Стоиковъ. Сей Катій былъ изъ числа послѣдователей Епикуровыхъ, которой написалъ четыре книги о натурѣ вещей и о высочайшемъ благѣ, которое Епикурейцы въ роскоши полагали, то есть въ обьяденіи и сластолюбіи; чего ради Горацій проситъ Катія, чтобъ ему далъ наставленіе о приуготовленіи хорошаго обѣда, и показывалъ бы пристойныя къ тому пра́вила.

Ст. 2. *Доводы приложить уставамъ новымъ нужно*) То есть, подтвердить доказательствами новоизобрѣтенныя поваренныя пра́вила.

Ст. 3 и 4. *Противъ которыхъ бы Сократъ и Пиѳагоръ; и тщетно бы Платонъ* и проч.) Имена трехъ славныхъ древнихъ Философовъ, изъ коихъ первой былъ всѣхъ премудрѣйшій, и Платоновъ учитель; второй учился физикѣ у Кратона, и первой ввелъ въ свою систему преселеніе душъ въ животныхъ, и для того отъ ядѣнія ихъ воздержаться совѣтовалъ; а третей былъ учитель Аристотелевъ, котораго называлъ муломъ за то, что онъ, обучившись у него, школу противъ своего учителя завелъ, потому что мулъ мать свою бьетъ копытомъ.

Природный ли сей даръ въ тебѣ, иль плодъ ученья,
Но въ томъ ты и другомъ достоинъ удивленья.
И подлинно одно то въ мысляхъ я имѣлъ,
Какъ должно наблюдать исправно, въ чемъ успѣлъ,
И помнить тонкости мнѣ кратко изъясненны.
Ктожъ именно есть твой учитель просвѣщенный,
И римлянинъ ли онъ, иль въ нашей гость странѣ?
О имени его дать знать нѣтъ нужды мнѣ,
Лишь правила тебѣ полезныя открою.
Которы яица суть больше долготою,
Вкусняе круглыхъ тѣ и скорлупой бѣляй,
И тѣ, какъ лучшїя на столъ ты поставляй,
За тѣмъ что сихъ желтокъ содержитъ плодъ пѣтушей.
Капуста на поляхъ довольствуется сушей,
И слаще, нежели растуща на грядахъ:
Весь грубъ и плохъ овощъ на водяныхъ мѣстахъ.
Когда вечернїй гость нечаянно нагрянетъ,
Прїятнѣй курицу ту въ ужинъ кушать станетъ,
Которую велишь живую ты сварить,
И въ кипятокъ вина Фалернскаго подлить.

Ст. 18. *Которы яица суть больше долготою*) Древнїе ужинъ свой начинали яицами, а кончили яблоками.

Ст. 21. *За тѣмъ что сихъ желтокъ содержитъ плодъ пѣтушей*) Горацїй во всей оной сатирѣ почти явно смѣется невѣжеству Катїеву, которой общему примѣчанїю ученыхъ противное совѣтуетъ и за лучшее признаваетъ. Впротчемъ мужеской плодъ въ яицахъ не по долготѣ и бѣлизнѣ оныхъ, а женской не по круглости, но по добротѣ сѣмени бываетъ.

Ст. 22. *Капуста на поляхъ и проч.*) Всѣ писатели о огородныхъ вещахъ согласно подтверждаютъ, что капуста любитъ влажную, а не сухую землю.

Ст. 27. *Которую велишь живую ты сварить*) Искусные повары въ нужномъ случаѣ для нѣжности вкуса курицу опущаютъ въ цѣльное вино, а не съ водою смѣшанное, или не требуя ни воды ни вина, колютъ птицъ иглою сквозь мозгъ пропущенною; а иные колютъ ихъ, вливая на передъ носомъ уксусъ съ водою розведенной, и другїе различные способы употребляютъ.

Перемѣнится вдругъ на нѣжный вкусъ суровый.
Растущи на поляхъ грибы весьма здоровы:
Въ другихъ мѣстахъ не столь надеженъ оныхъ родъ.
Кто по обѣдѣ ѣстъ отъ шелковицы плодъ,
Который собранъ съ древъ до солнечнаго всхода,
Тотъ препроводитъ здравъ все лѣтне время года.
Авфидiй въ томъ весьма не право поступалъ,
Что съ крѣпкимъ медъ виномъ Фалернскимъ растворялъ;
Пей легкой медъ, когда желудокъ тощiй ноетъ,
За тѣмъ что лучше онъ гортань и грудь промоетъ.
Отъ раковинъ простыхъ и щавелю легко
Съ виномъ, которое привозится изъ Ко,
Запоръ перестаетъ, заглохшiй нутръ слабѣетъ.
Съ растущею Луной вдругъ раковина зрѣетъ;
Но не вездѣ равно удачлива она:
Баянской болѣе Лукринская вкусна,
Цирцейски устерсы въ чести, ежи Мизенски,
Прiятны черепы отверстые Таренски.

Не

Ст. 30. *Растущи на поляхъ грибы весьма здоровы*) Сiе несправедливо и медическимъ правиламъ противно, такъ какъ и слѣдующее Катiево наставленiе о шелковичномъ плодѣ.

Ст. 35. *Авфидiй въ томъ весьма не право поступалъ*) Въ семъ и слѣдующемъ Катiевомъ правилѣ о употребленiи дешеваго питiя и пищи Горацiй явно показываетъ Катiеву подлость духа, которой хотя и хочетъ казаться роскошнымъ, но притомъ безмѣрно скупъ и подлъ, потому что подслащенную свою воду предпочитаетъ изрядному Авфидiеву напитку.

Ст. 44. *Баянской болѣе Лукринская вкусна*) Катiй исчисляя разные роды раковинъ, показываетъ ихъ преимущество одной надъ другою.

Ст. 45. *Ежи Мизенски*) Такъ называется косматая морская рыба, круглую фигуру имѣющая, и притомъ большую щеть и иглы.

Ст. 46. *Прiятны черепы отверстые Тарентски*) То есть, созрѣлыя раковины Тарентскiя, потому что всѣ двойныя раковины по созрѣнiи растворяются.

Не всякъ же долженъ въ томъ свой разумъ выхвалять,
Что ѣствы можетъ онъ искусно составлять,
Кто грубъ въ разборѣ ихъ по вкусу межъ собою:
Ниже довольно, чтобъ высокою цѣною
Столъ съ рыбой дорогой на площади скупить,
Когда не знаетъ кто, чѣмъ гостю угодить,
Вкусняе что въ ухѣ, что жареное слаще.
Умбрїйскїй вепрь, кой ѣстъ одни желудки чаще,
На блюдѣ жирныхъ мясъ нелюбящихъ тяжелъ;
Лаврентскїй ото мховъ и тростнику дебелъ,
Отъ коего при томъ и здравїе вредится.
Козъ дикихъ не всегда въ садахъ ловить случится;
Возмогутъ добрые во вкусахъ знатоки
Ѣсть заяцовъ плодомъ обильныхъ передки.
Натуру рыбъ и птицъ и точныя ихъ лѣта
Я прежде всѣхъ открылъ, и то моя примѣта.
Иные до того достигли лишь умомъ,
Что знаютъ хлѣбенно печь новымъ образцомъ.
Но не довольно знать одно, презрѣвъ другое;
Такъ, какъ бы тщился кто, чтобъ не-было худое,
И чтобъ изрядное не портилось вино,
Имѣя только то старанїе одно;
А о другомъ радѣть не думалъ бы ни мало,
Какое масло лишь въ уху ему пристало.

Ст. 54 и 55. *Умбрїйскїй вепрь, кой ѣстъ одни желудки чаще, на блюдѣ* и проч.) Катїй начинаетъ говорить о дичинѣ, и больше хвалитъ того вепря, которой питаясь одними желудками имѣетъ твердое и сухое мясо, и по тому тяжелѣ, нежели другой, которой въ иловатыхъ мѣстахъ мхомъ и тростникомъ питается.

Ст 60. *Ѣсть заяцовъ плодомъ обильнымъ передки*) Передки у зайцовъ бываютъ всегда суше, нежели задъ, чѣмъ Горацїй явно Катїеву невѣжеству насмѣхается.

Въ Шампанскомъ черезъ ночь отляжетъ муть со всѣмъ,
Которое стоять на Солнцѣ будетъ днемъ,
И запахъ пропадетъ вредящъ сухія жилы:
Теряетъ цѣльной вкусъ процѣженно и силы.
Въ Суррентско кто вино Фалернски дрожжи льетъ,
Тотъ голубинымъ илъ желткомъ да соберетъ,
За тѣмъ что ко дну онъ излишнее притянетъ.
Разслабленный отъ винъ питухъ живяе станетъ,
Кой жареныхъ морскихъ съѣстъ раковъ пять иль шесть,
Иль Африканскія улитки будетъ ѣсть;
А напротивъ того салатъ внутри всплываетъ,
И крѣпкаго съ питья желудка не смягчаетъ.
Какъ то ни будь, однакъ надежнѣй ветчина
И калбасы манятъ къ ѣдѣ вкусъ отъ вина:
Вдругъ вмѣсто сладкихъ ѣствъ питухъ желаетъ жадно,
Что ни готовится въ корчмахъ нечистыхъ смрадно.
Двоякой знать ухи отмѣну надлежитъ:
Изъ масла свѣжаго простая состоитъ,
Изъ цѣльнаго вина и соку рыбъ другая;
Тотъ раковина сокъ пусть дастъ тебѣ морская.
Съ иссѣченными все травами то смѣшай,
И съ Корическимъ вдругъ вскипѣть шафраномъ дай;
Венафрской маслины потомъ влей тутъ же соку.
Въ Пиценскихъ яблокахъ Тибуртскихъ больше проку,

За

Ст. 76. *Тотъ голубинымъ илъ желткомъ да соберетъ*) Винопродавцы не желткомъ, но бѣлкомъ илъ отъ вина оттягиваютъ.

Ст. 85 и 86. *Вдругъ вмѣсто сладкихъ ѣствъ питухъ желаетъ жадно, что* и проч.) Пьяницы, имѣя испорченной ко всему вкусъ, обыкновенно любятъ кислое, соленое и горькое, напримѣръ огурцы, сельди, рѣдьку и проч.

Ст. 94. *Въ Пиценскихъ яблокахъ* и проч.) Катій кончитъ столъ яблоками, по древнему обыкновенію.

За тѣмъ что красота и вкусъ нѣжняе въ нихъ.
Венузски ягоды рви для приправъ однихъ;
Албанскія живутъ сушеныя изрядны.
Я съ яблоками ихъ, густой сокъ виноградный,
И сельди, бѣлую горчицу, сѣру соль
Просѣявъ, поставлялъ вкругъ чистыхъ блюдъ на столъ,
И перьвой показалъ ту новую я моду.
Кто по три тысячи имѣетъ въ годъ расходу,
И платитъ за харчи цѣною дорогой,
Чтобъ въ скудости явить достатокъ могъ большой,
На тѣсномъ блюдѣ рыбъ великихъ представляя;
Порочна есть тому поступка таковая.
Мерзитъ и дѣлаетъ слуга въ желудкѣ зудъ,
Какъ сальною рукой берется за сосудъ,
Которою куски хватая ѣстъ съ оглядкой,
Или какъ подаетъ отъ рукъ нечистыхъ гадкой.
Великъ ли можно въ томъ убытокъ понести,
Чтобъ скатерти обмыть и съ полу соръ смести,
И въ домѣ содержать все чисто и прелестно?
Когдажъ пренебрежешь сіе, весьма безчестно.
Пристойноль помеломъ месть мраморны полы,
И Тирской пурпурой крыть грязные столы,
Забывъ, что всякъ тебя за то осудитъ прямо,
Когда ты чистоты хранить не станешь тамо,
Гдѣ меньшій трудъ и коштъ потребно потерять,
Какъ чтобъ богатыя пирушки затѣвать,
Которы толстому карману не изъянны,
Премудрый Катій! Путь открой къ тому желанный

Для

Ст. 122. *Премудрый Катій* и проч.) Горацій съ потаенною насмѣшкою проситъ Катія, чтобъ открылъ ему столь полезную науку, которая въ самомъ дѣлѣ важнымъ и благороднымъ людямъ со всѣмъ не нужна.

Для дружества и для безсмертныхъ мнѣ боговъ;
Я слѣдовать, куда ни поведешь, готовъ,
Чтобъ научиться могъ полезной столь науки.
Хоть твердо расказалъ мнѣ все, какъ азъ да буки,
Однако не льзя мнѣ заочно такъ успѣть,
Какъ естьли бы лице и образъ могъ я зрѣть
Открывшаго тебѣ толикій свѣтъ ученья.
Блаженъ, что ты его сподобленъ лицезрѣнья,
Хотя въ диковинку ужѐ не чтешь того,
За тѣмъ что зрѣть тебѣ случилося его.
Сколь многобъ щастіемъ своимъ я веселился,
Когдабъ не тщетно въ томъ, чемъ льщу себя, трудился,
Чтобъ до источниковъ могъ дальныхъ доступить,
И воду здравую блаженной жизни пить.

Сатира V.

Улиссъ.

Сверьхъ случаевъ, тобой предсказанныхъ мнѣ прежде,
Колеблемую мысль въ сомнительной надеждѣ
Совѣтомъ подкрѣпи, Тирезій, и умомъ,
Какую предпріять мнѣ должно хитрость въ томъ,

Какія

Вся оная сатира ведена разговоромъ между Улиссомъ и Тѣнію прорицателя Тирезія, котораго Улиссъ вопрошаетъ, какимъ бы способомъ потерянное чрезъ бѣдствія и любовниковъ жены его имѣніе пріобрѣсть могъ. Горацій постороннимъ образомъ пятнаетъ въ ней искателей наслѣдства и изъясняетъ способы, коими оное получается. Между тѣмъ укаряетъ римлянъ за то, что они богатство выше всего поставляютъ.

Какїя могутъ быть къ тому довольны средства,
Чтобъ возвратить добро потерянно чрезъ бѣдства?
Что развѣ вздумалъ ты смѣяться надо мной?
Не можешь ли, хитрецъ, доволенъ быть судьбой,
Что ты въ отечество щастливо возвратишься,
И зрѣнїемъ твоихъ домашнихъ насладишься?
Воззри, о праведный гадатель збытїя!
Сколь возвращуся въ домъ убогъ и бѣденъ я,
Какъ предвѣщаешь мнѣ о томъ неложно нынѣ.
Въ чужїя руки сплылъ скотъ и запасъ въ отчинѣ.
Что больше? пропадай и рода знать и честь,
Какъ пусто все въ рукахъ, и нѣчего ужъ ѣсть.
Когда нищетства ты за подлинно страшишься,
Вотъ способъ, коимъ вдругъ опять обогатишься:
Дроздъ, иль другой какой родъ рѣдкой дикихъ птицъ
Пускай летитъ на столъ роскошный нѣжныхъ лицъ,
У коихъ въ старости богатства блещутъ пышны,
Сотъ, сладки яблоки, созрѣлы сливы, вишни,
И все, что тучная земля ни принесетъ,
До принесенья жертвъ пускай богачъ пожретъ.
Каковъ бы ни-былъ тотъ, хотябъ онъ былъ не знатный,
Хотя бы бѣглой рабъ, или убивецъ братнїй,

Ст. 7. *Что развѣ вздумалъ ты смѣяться надо мной*) Тирезїй говоритъ Улиссу.

Ст. 11. *Воззри* и проч.) Рѣчь Улиссова.

Ст. 14. *Въ чужїя руки сплылъ скотъ и запасъ въ отчинѣ*) Всѣмъ моимъ домашнимъ имѣнїемъ завладѣли любовники моей жены.

Ст. 17. *Когда нищетства ты заподлинно страшишься*) Тирезїй показываетъ Улиссу способъ, какъ ему отъ нищеты избавиться.

Ст. 19. *Дроздъ, иль другой какой родъ рѣдкой дикихъ птицъ*) То есть, всякую рѣдкую вещь и новинку, прежде нежели оную принесешь въ жертву домашнимъ богамъ, отошли въ даръ богатому, и тѣмъ засвидѣтельствуй, что ты его больше, нежели божка, почитаешь.

Тщись съ боку подольнуть къ нему, когда есть прокъ.
Яль дамѣ подлецу собой закрою бокъ?
Не такъ я велъ себя, когда ходилъ подъ Трою,
Но лучшему тогда не уступалъ Герою.
Такъ будешь нищъ. Потщусь великодушнымъ быть,
Какъ нѣкогда я могъ и горше зло сносить.
О томъ ты мнѣ пророчь теперь скоряй, откуда
Мнѣ новой придетъ кладъ, и ржавыхъ денегъ груда?
Уже я говорилъ, и говорю опять:
Старайся хитростью наслѣдства присвоять,
И старыхъ уловлять обманомъ потаеннымъ.
Когда же способамъ нѣтъ мѣста ухищреннымъ,
И тотъ или другой, обгрызши червяка,
Отъ уды побѣгутъ и цѣпкаго крючка,
Однакъ не долженъ ты остаться безнадеженъ.
Но въ промыслѣ своемъ тщись больше быть прилѣженъ.
Большой ли, малой ли случится споръ въ судѣ,
Старайся стряпчимъ быть и угождать вездѣ;
Разсматривай при томъ, кто густъ изъ двухъ, бездѣтенъ,
Дружа во всемъ тому, чей вѣкъ не долголѣтенъ.

Хотябъ

Ст. 28. *Яль Дамѣ подлецу собой закрою бокъ*) Улиссъ отвѣчаетъ Тирезію: Пристойно ли мнѣ, какъ ты совѣтуешь, съ негодницею и подлецомъ Дамою итти рядомъ по лѣвую сторону.

Ст. 31. *Такъ будешь нищъ*) Слова Тирезіевы, послѣ которыхъ слѣдуетъ рѣчь Улиссова.

Ст. 35. *Уже я говорилъ*) Тирезій.

Ст. 39 и 40. *И тотъ или другой обгрызши червяка, отъ уды побѣгутъ* и проч.) Прилогъ взятъ отъ рыбъ, которыя иногда слегка за червяка принимаются, и почувствовавъ скрытой обманъ прочь отбѣгаютъ; но сколь бы рыба осторожна ни была, однако не всегда удается, чтобъ она не поймана была; такъ и хитрые старики будучи задарены рѣдко лукавствомъ не уловляются.

Ст. 45. *Разсматривай при томъ, кто густъ изъ двухъ* и проч.) То есть, держи сторону того, кто изъ двухъ судящихся персонъ богатъ, бездѣтенъ и старъ.

Хотябъ по дѣлу былъ не правъ и нравомъ худъ,
И правагобъ съ собой другаго позвалъ въ судъ;
Однако защищай, презрѣвши гражданина,
Кой честенъ будучи имѣетъ дома сына,
Иль плодовитую жену ужè на дняхъ.
Пріятно ласкова щекотитъ рѣчь въ ушахъ:
Твое пріятство, Квинктъ иль Публій, обязало,
Чтобъ дружество моей услугой тверже стало.
На обѣ стороны судъ вертокъ, знаю я,
И будетъ правѣе, повѣрь мнѣ въ томъ, твоя.
Скоряе выколетъ глаза мнѣ всякъ изъ тѣла,
Нежь раззоритъ тебя плутъ изъ пустова дѣла.
Я на себя беру весь судъ къ тому привесть,
Чтобъ ты отнюдъ не могъ убытку въ чемъ понесть,
И чтобы надъ тобой соперникъ не смѣялся.
Вели, чтобъ шелъ домой, безъ думы бы остался.
Самъ, вызнавъ дѣло, такъ, какъ за себя, вступись;
Въ однихъ стоятъ рѣчахъ не позабудь; крѣпись,
Хоть треснутъ въ песьи дни безмолвны пни отъ зною,
Хотя сѣдой падетъ на Альпы снѣгъ зимою.
Тутъ локтемъ кто нибудь изъ близъ стоящихъ ткнетъ,
И на ухо другимъ такъ о тебѣ шепнетъ:
Смотри, сколь терпѣливъ, услужливъ; кто сильнѣе?
На рыбу будетъ клювъ, и ловля прибыльнѣе.

Ст. 52. *Пріятно ласкова щекотитъ рѣчь въ ушахъ*) Показываетъ приступъ, какимъ образомъ подольститься можно къ старику Квинктію или Публію. *Квинтій* и *Публій* имена вымышленныя

Ст. 62. *Вели, чтобъ шелъ домой*, и проч.) То есть, оставъ сего старика въ покоѣ и несомнѣнной на тебя надеждѣ.

Ст. 65 и 66. *Хоть треснутъ въ песьи дни безмолвны пни отъ зною*, *хотя* и проч.) То есть, презирай сильной лѣтней жаръ, и жестокую стужу для богача, за котораго ты въ судъ пойдешь.

Ст. 70. *На рыбу будетъ клювъ и ловля прибыльнѣе*) Симъ способомъ приманишь ты къ себѣ множество подобныхъ стариковъ,

Кромѣ того, когда здоровьемъ слабый сынъ
Воспитанъ у отца въ довольствiи одинъ;
То, чтобъ чрезъ явныя услуги одинаку
Не могъ ты хитрости своей явить признаку,
По малу и сего любовь пекись снискать,
И къ совершенiю надежды достигать.
Вторымъ включитъ тебя наслѣдникомъ въ духовной,
И естьли кончитъ жизнь свою наслѣдникъ кровной,
Порожнее по немъ заступишь мѣсто ты,
Со временемъ твои всѣ будутъ животы,
За тѣмъ что рѣдко кость сiя не правду скажетъ.
А естьли кто тебѣ духовную покажетъ;
Какъ будто не твое то дѣло, видъ являй,
Урывкомъ пробѣги межъ тѣмъ изъ края въ край,
И быстрыя раскинь для знанiя зѣницы,
Что во второй строкѣ содержится таблицы,
Одинъ ли въ оной ты наслѣдникомъ включенъ,
Иль вмѣстѣ съ многими къ наслѣдству допущенъ.
Подьячей, кой слинялъ всѣ промотавши взятки,
И сталъ опять пушистъ чрезъ прежнiя ухватки,

За-

которые будутъ искать твоей защиты.

Ст. 73. *То, чтобъ чрезъ явныя услуги одинаку*) То есть, такому отцу, которой объ одномъ сынѣ, откуда происходитъ *одиначество*.

Ст. 81. *За тѣмъ что рѣдко кость сiя неправду скажетъ*) Такъ говорится о неизвѣстной удачѣ, когда дѣло не отъ нашей воли, но отъ щастiя зависитъ.

Ст. 89. *Подьячей, кой слинялъ всѣ промоташи взятки*) Писцы, посыланные съ Проконсулами и другими начальниками въ провинцiи, смѣняясь продавали свои мѣста, и по прошествiи нѣкотораго времени снова въ тѣже должности опредѣляемы были. Такой былъ Коранъ, которой женился на дочери Назикиной, обѣщавъ тестю вручить по себѣ все свое наслѣдство, въ чѣмъ его обманулъ. Тирезiй при исканiи наслѣдства совѣтуетъ Улиссу быть осторожну.

Заставитъ ворона со временемъ зѣвать,
Писецъ Коранъ начнетъ Назику осмѣвать,
Что тщетно будетъ въ немъ искать своей корысти.
Не допрыгнетъ лиса до виноградной кисти.
Никакъ смѣешься мнѣ, иль ты съ ума сошелъ,
Что темныя сіи теперь слова запѣлъ?
Что збудется, иль нѣтъ, Улиссъ, гадать я силенъ:
Великій Аполлонъ сей даръ мнѣ далъ обиленъ.
Однако истолкуй, что баснь сія значитъ.
Какъ храбрый Юноша злыхъ Парѳянъ устрашитъ,
Ведущій дальній родъ отъ древняго Энея,
Кой моремъ и землей, прославится, владѣя;
То за Корана дочь Назики посягнетъ,
Въ надеждѣ, что къ отцу наслѣдство перейдетъ,
Кой все приданое дать зятю пожалѣетъ.
Взаимно тотъ ему въ духовной порадѣетъ,
И оную вручивъ, чтобъ челъ, начнетъ просить:
Назика отъ него прочь будетъ отходить,
Но взявши наконецъ тихонько прочитаетъ,
И найдетъ, что одни лишь слёзы оставляетъ.

Ст. 91. *Заставитъ ворона со временемъ зѣвать*) То есть, насмѣется Назикѣ. Тирезій говоритъ о будущемъ времени, какъ прорицатель. Извѣстна Езопова притча о воронѣ, которой сидя на высокомъ деревѣ держалъ во рту кусокъ сыру, и когда лисица похваляла его изрядной голосъ, то онъ разинувъ ротъ добычу свою выронилъ.

Ст. 94. *Не допрыгнетъ лиса до виноградной кисти*) То есть, не получитъ Назика желаемаго наслѣдства. Также примѣръ взятъ изъ Езоповой притчи о лисицѣ, которая прыгая не могла достать виноградной кисти, и для того оставя оную, будто незрѣлую, ѣсть не хотѣла.

Ст. 95. *Никакъ смѣешься мнѣ* и проч.) Улиссъ негодуетъ на Тирезія, что онъ говоритъ ему весьма не ясно.

Ст 100. *Какъ храбрый Юноша* и проч.) Тирезій рѣчь свою изъясняетъ. *Храбрый юноша*, то есть Цесарь Августъ, который Парѳянъ побѣдилъ.

Къ томужъ еще велю тебѣ я наблюдать:
Какъ глупымъ старикомъ случится управлять
Дворецкому, или прислужницѣ лукавой,
Товарищемъ имъ будь, хвали поступокъ правой,
Чтобъ за̀-очи тебя хвалили и они;
И то тебѣ въ свои полезно будетъ дни.
Коль паче самому услуживать старайся;
Худые ли стихи слагаетъ, удивляйся;
Прелюбодѣй ли онъ, ты прозьбу упреди;
Кто щедрѣе, къ тому Пенѐлопу сведи.
Пойдетъ ли честна столь жена и благонравна,
Коль не могли прельстить любовники издавна?
Да щоголи большихъ подарковъ не даютъ;
Обыкли прилагать для брюха бо̀льшїй трудъ,
Нежь склонность получить стараются любезной.
Вотъ какъ не портится Пенѐлопы нравъ честной:
Когдабъ изъ старика хоть разъ пожала сокъ,
И раздѣлила бы съ тобою барышокъ;
То столь же бы на путь привелъ жену ты перьвый,
Какъ трудно отогнать пса палкою отъ стерьвы.

Скажу,

Ст. 120. *Кто щедрѣе, къ тому Пенелопу сведи*) Пенелопа, жена Улиссова, была весьма благонравная. Сими словами Горацїй язвитъ римлянъ, которые женъ своихъ, впротчемъ стыдливыхъ и честныхъ, для полученїя наслѣдства неволею отводили къ старикамъ прелюбодѣямъ.

Ст. 121. *Пойдетъ ли честна столь жена* и проч.) Тѣ, кои старались склонить къ любви Пенелопу, были не столь достаточны, чтобъ при такихъ случаяхъ великую щедрость оказывать и богатые подарки давать могли, потому что они больше о роскоши стараются; а старики зараженные любовною страстью ничего не жалѣютъ, и для того которая хотя разъ и неволею оказать склонность принуждена будетъ, то полученная великая отъ того прибыль столь будетъ прїятна, сколь страсть неутолима.

Скажу, что здѣлалось на памяти моей:
Старуха Ѳивская по смерти несть своей
Себя наслѣднику нагому завѣщала,
И чтобъ хоть мертвая изъ рукъ его упала,
Обмазать масломъ трупъ нагой велѣла вкругъ;
Что можетъ быть хотѣлъ сыскать наслѣдство вдругъ.
Ты пролагать къ тому слѣдъ долженъ осторожно;
Старайся угождать умѣренно, какъ можно.
Кто строгъ и нравенъ, тотъ не любитъ болтуновъ;
Однако для сего не будь со всѣмъ безъ словъ,
Но комическимъ быть ты Давомъ да потщишься;
Потупя голову свой, какъ чего боишься:
Всѣ мѣры для услугъ ему употребляй;
Когда порывной вѣтръ подуетъ, представляй,
Чтобъ онъ покрывъ главу, берегъ животъ безцѣнной;
Тащи на раменахъ вонъ изъ толпы стѣсненной;
Подставь ему ушко ко всякому словцу;
Коль нравны похвалы излишнїя глупцу,
Хвалами возноси тщеславнаго до толѣ,
Пока онъ руки вздѣвъ, вскричитъ: Чегожъ мнѣ болѣ?
И отъ паровъ давно раздувшїйся пузырь
Словами пышными и льстивыми разширь.
Какъ кончитъ смерть его твой трудъ и службу скучну,
Познáешь долю ты твою благополучну;

А

Ст. 132 и слѣд. по ст 137. *Старуха Ѳивская по смерти* и проч.) Тирезїй симъ примѣромъ учитъ Улисса, чтобъ онъ искалъ наслѣдства, но не весьма примѣтно и упорно Сїя старуха нарочно велѣла трупъ свой масломъ вымазать, чтобъ хотя мертвая изъ рукъ наслѣдника выскользнуть могла, отъ котораго за живо не могла вырваться.

Ст. 141. *Но комическимъ быть ты Давомъ да почтишься*) Имѣй поступки такїя, какїя услужливому и проворному слугѣ приличны, каковъ Давъ въ Терентїевой комедїи представляется.

Ст. 151 и 152. *И отъ паровъ давно раздувшїйся пузырь словами пышными* и проч.) Весьма изрядно чрезъ раздутой пузырь самолюбца,

А не услышавъ въявь сихъ точныхъ словъ, не льстись:
Четвертой части будь наслѣдникомъ Улиссъ.
Тогда ужѐ скажи: На свѣтѣ Дамы нѣту!
Лишившись вѣрнаго дружка, лишился свѣту!
Усыпь цвѣтами одръ, хоть мало слезъ пролей:
Притворнымъ радость скрыть лицемъ всего нужнѣй.
богатое отправь, какъ должно, погребенье,
Коль будетъ на твое дано соизволенье.
Сосѣди честный зря обрядъ со всѣхъ сторонъ,
Великолѣпіе похвалятъ похоронъ.
Когдажъ изъ старшихъ кто товарищей въ наслѣдствѣ
Захочетъ домъ купить иль вотчину въ сосѣдствѣ,
А самъ подъ старость горбъ таскаетъ за спиной,
И туже видитъ ужъ могилу предъ собой;
Тому изъ части ты твоей радѣть потщися,
И малу цѣну взявъ отъ дому отступися.
Но Прозерпи́на мнѣ велитъ теперь молчать:
Прощай, желаю вѣкъ щастливо пребывать.

а чрезъ пышныя слова тщетныя хвалы изображаетъ.

Ст. 157. *На свѣтѣ Дамы нѣту*) *Дама* разумѣется тотъ богатой подлецъ, котораго Улиссъ презиралъ.

Ст. 171. *Но Прозерпина мнѣ* и проч.) *Прозерпина* адская богиня, которая надъ тѣньми умершихъ власть имѣла.

Сатира VI.

Загородной домъ.

Желалъ имѣть земли посредственной удѣлецъ,
Гдѣбъ собственной я былъ деревнишки владѣлецъ,
Гдѣбъ вѣчной близъ двора источникъ водъ бѣжалъ,
И не большой съ сторонъ лѣсъ все то окружалъ;
Но больше даровать боговъ судилось волѣ.
Доволенъ, и къ тому я не желаюболѣ,
Какъ только, чтобъ сей даръ тобою былъ хранимъ,
Меркурїй! Чтобъ всегда считался онъ моимъ,
Когда имѣнье то я не стяжалъ алчбою,
Ни расточу его поступкой мотовскою,
Когда такихъ выгодъ безумно не прошу,
О естьлибъ ближней край прешелъ въ мою межу,
Которой въ нашу палъ противъ размѣру дачу!
О естьли бы я кладъ найти имѣлъ удачу!
Какъ тотъ наемщикъ, кой сокровище обрѣлъ,
И съ Геркулесовой руки разбогатѣлъ;

Примѣчанїя.

Въ сей сатирѣ стихотворецъ, описывая прїятное увеселенїе своей деревни, похваляетъ выгоды и безопасность деревенскаго житья, а напротивъ того упоминаетъ о безпокойствахъ, которыя онъ въ угодность Меценату, живучи въ городѣ, имѣлъ; чѣмъ доказываетъ, что деревенское житье спокойнѣе, нежели городское.

Ст. 12. *О естьлибъ ближней край прешелъ въ мою межу*) безумное желанїе завидливыхъ людей показывается.

Ст. 15. *Какъ тотъ наемщикъ, кой сокровище обрѣлъ*) Геркулесъ почитался хранителемъ и раздавателемъ сокровищъ. Нѣкоторой наемщикъ земли просилъ его, чтобъ наградилъ какимъ нибудь благополучїемъ, коего Геркулесъ отведши къ Меркурїю, показалъ ему желаемое сокровище. Земледѣлецъ выкопавъ оное купилъ туже самую зем-

Купивши землю ту наемну суммой сею;
Когда благодарю за то, что я имѣю.
Въ сей часъ тебя прошу я и молю весьма,
Чтобъ тученъ скотъ мой былъ, и все, кромѣ ума,
И чтобъ, какъ ты обыкъ, хранилъ меня всечасно.
 И такъ я живучи въ деревнѣ безопасно,
Не знаю, что въ моихъ приличнѣй пѣть стихахъ,
Какъ сатировъ, лѣса и злаки на поляхъ.
Отъ злости воздуха и вѣтровъ не робѣю,
И въ осень развозя поклоны не колѣю;
Чрезъ погребальный торгъ прибытковъ не ищу,
Въ надеждѣ, что себя чрезъ то обогащу.
Вспомочникъ въ утренних трудахъ, къ тебѣ взываю,
О Янъ! И сихъ стиховъ начало посвящаю,
Кой избранъ лишь на то едино отъ боговъ,
Чтобъ всякой отъ тебя начатки велъ трудовъ.
 Повѣреннымъ спѣшу стать въ Римѣ я по другѣ,
Кой нудитъ, чтобъ другой не помѣшалъ въ услугѣ.

Хотя

лю, которую прежде нанималъ, и по прежнему въ земледѣльствѣ упражнялся, чѣмъ явно оказалъ, что онъ никакимъ щастіемъ доволенъ быть не можетъ.

Ст. 20. *Чтобъ тученъ скотъ мой былъ, и все, кромѣ ума*) Отъ сластолюбія тупѣетъ разумъ, и глупаго разумъ *толстымъ* простой народъ называетъ, какъ говорятъ: *Крупно и толсто смыслишь*, то есть худое понятіе имѣешь.

Ст. 25. *Отъ злости воздуха и вѣтровъ не робѣю*) Говоритъ о выгодахъ деревенскаго житья.

Ст. 27. *Чрезъ погребальный торгъ прибытковъ не ищу*) Въ древнія времена продавали публично принадлежащія до похоронъ вещи при нѣкоторой рощѣ, посвященной богинѣ Либитинѣ, присудствовавшей при погребальныхъ церемоніяхъ.

Ст. 33. *Порукою спѣшу стать въ Римѣ я по другѣ*) Исчисляетъ труды беспокойной и тягостной городской жизни.

Ст. 34. *Кой нудитъ, чтобъ другой не помѣшалъ въ услугѣ*) То есть, понуждаетъ скоряе итти за себя въ судъ, чтобъ другой предупредивъ его прозьбою о собственномъ дѣлѣ, не воспрепятствовалъ ему оказать свою услугу, потому что въ такомъ случаѣ надлежалобы ожидать окончанія посторонняго дѣла.

Хотя свирѣпой вѣтръ, взвѣвая прахъ, оретъ,
Хоть лютая зима короткой день даетъ,
Но не льзя отъ того для друга отказаться.
Потóмъ, какъ принужденъ въ чемъ буду обязаться
И нé-хотя въ судѣ о дѣлѣ хлопотать,
Судящихся толпу мнѣ придетъ разгонять,
И поздо явльшихся къ суду обидѣть смѣло,
Когда предъупрежду, и ихъ испорчу дѣло.
Однакъ сердясь меня торопитъ глупой такъ,
Пустое затѣвать ты думаешь, дуракъ;
Не будетъ въ томъ тебѣ ни мало затрудненья,
Лишь къ Меценáту ты прибѣгни безъ медленья,
И дѣло все ему подробно разскажи.
Мнѣ лучше нѣтъ сего; не стану путать лжи.
Какъ только я къ его пришелъ въ Эсквúлы дому,
Услуживать тому сталъ долженъ и другому;
Увидѣлъ вдругъ сто дѣлъ еще передъ собой.
Тотъ проситъ заступить, совѣтъ подáть иной,
Отъ Росція другой съ поклономъ ожидаетъ,
Чтобъ завтра въ Путеáлъ шелъ рано, умоляетъ,
И что бы за него замолвилъ слово я.
Вдругъ нужда общая съ приказными моя
Велитъ, чтобъ съ ними тамъ севоднижъ повидался.
Проси, чтобъ Меценáтъ подъ дѣломъ подписался,

Ст. 43. *Однакъ сердясь меня торопитъ глупой такъ*) Другъ Горацíевъ, котораго ему на судѣ защищать должно, совѣтуетъ напередъ итти къ Меценату, представляя, что помощію его все дѣло безъ дальнихъ хлопотъ обойдется.

Ст 48. *Мнѣ лучше нѣтъ* сего и проч.) Горацій принимаетъ за благо совѣтъ друга своего.

Ст. 54. *Чтобъ завтра въ Путеалъ шелъ рано, умоляетъ*) *Путеаломъ* называлось судебное мѣсто, гдѣ Преторъ судъ давалъ обидимымъ.

Ст. 56, и 57. *Вдругъ нужда общая съ приказными моя велитъ, чтобъ съ ними* и проч.) Прежде суда надлежитъ повидаться съ приказными для благодаренія за такую услугу, которой они еще не оказали.

Напросливой твердитъ прїятель мнѣ разъ сто.
Отвѣдаю, сказалъ. Коль хочешь, можешь то.
Со времени того семь лѣтъ преходитъ цѣлыхъ,
Какъ Меценатъ меня для шутокъ лишь веселыхъ
Достойнымъ своего быть дружества вмѣнилъ,
И всюду для того съ собой меня возилъ,
Чтобъ скуку прогонялъ чрезъ разговоръ забавной:
Которой идетъ часъ? въ бояхъ Траксъ Сиру равной;
Морозы по утрамъ жестокїе стоятъ,
И щиплютъ, здравїя которы не хранятъ.
Употребляли мы въ бесѣдѣ лишь бездѣлки,
Не труся, что скользнутъ вонъ сквозь ушныя щелки.
Подверженъ зависти всякъ день и часъ я былъ:
Почтенной подлости дивясь, иной твердилъ;
И нашъ смотрѣлъ игоръ съ нимъ вмѣстѣ рыцарь мнимой;
Игралъ на площади Фортуны сынъ любимой,
Свербящїй Ненависть чесала такъ языкъ.
Промчался ли гдѣ слухъ, хоть малъ, хотя великъ,
Ужъ всякой въ робости по перекресткамъ рыщетъ,
И новыхъ вдругъ вѣстей, встрѣчаясь, всюду ищетъ:

Не

Ст. 60. *Коль хочешь, можешь то*) Прїятель Горацїевъ говоритъ.

Ст. 61. *Со времени того* и проч.) Горацїй объявляетъ время съ котораго Меценатомъ знаемъ сталъ.

Ст. 66. *Въ бояхъ Траксъ Сиру равной*) Такїе были разговоры для препровожденїя времени. *Траксъ* и *Сиръ* имена поединщиковъ.

Ст. 70. *Не труся, что скользнутъ вонъ сквозь ушныя щелки*) Не опасаясь, что наши рѣчи наружу выдутъ, по тому что они не важныя и не тайныя.

Ст. 73. *И нашъ смотрѣлъ игоръ съ нимъ вмѣстѣ Рыцарь мнимой*) Завистники Горацїевы, насмѣхаясь ему, говорили, что и онъ вмѣстѣ съ Меценатомъ при позорищахъ народныхъ присудствовалъ.

Ст. 74. *Игралъ на площади Фортуны сынъ любимой*) *Фортуны сынъ* значитъ совершенно благополучнаго человѣка, какимъ Горацїя для дружества Меценатова почитали.

Не слышалъ ли чего о Дакахъ ты, дружокъ,
За тѣмъ что лучшій въ томъ ты долженъ быть знатокъ,
Имѣя къ знатнѣйшимъ свободный доступъ въ домы?
Тѣ вѣсти, говорю, отнюдь мнѣ не знакомы.
Не первое тебѣ смѣяться надъ людьми;
Скажи нескрытно, другъ, и не всегда глуми.
Пусть боги такъ меня караютъ, отвѣчаю,
Какъ естьли зная что я отъ тебя скрываю.
Гдѣ Цесарь обѣщалъ дать воинамъ поля?
Италіяль, иль Сицильская земля
Назначена для нихъ, скажи другъ, къ межеванью?
Дивятся моему глубокому молчанью,
И особливо чтутъ за крѣпкаго меня,
Что я въ незнаніи божусь, себя кленя.
Межъ тѣмъ проходитъ день въ пустомъ ни за полушку.
Когда увижу я любезну деревушку!
Когда веселу жизнь имѣть удастся мнѣ,
Книгъ древнихъ въ чтеніи, въ забавахъ и во снѣ
Пріятныя часы спокойно провождая,
И городскихъ суетъ, мятущихъ мысль, не зная!
Дождусь ли я когда щастливой той поры,
Чтобъ, позабывъ со всѣмъ роскошные пиры,
Могъ, Пиѳагоровой родней, бобомъ питаться,
Иль овощемъ простымъ, но вкуснымъ наслаждаться?

Р 3 О

Ст. 79. *Не слышалъ ли чего о Дакахъ, ты, дружокъ*) Сей народъ бунтовалъ тогда противъ римлянъ. Горацій говоритъ здѣсь съ охотникомъ до новизнъ, которой любопытствуя безпокойство ему причиняетъ.

Ст. 96. *Книгъ древнихъ въ чтеніи, въ забавахъ и во снѣ*) Стихотворецъ полагаетъ троякое увеселеніе деревенскаго житья, а именно чтеніе книгъ древнихъ писателей, забавы, отдохновеніе по трудахъ, и сонъ, коими живучи въ городѣ безъ помѣшательства наслаждаться не можно.

Ст. 101 *Могъ, Пиѳагоровой родней, бобомъ питаться*) Пиѳагоръ отъ всѣхъ животныхъ воздерживался, для мнимаго имъ преселенія душъ, также и бобовъ не ѣлъ для того, что оные чрезъ

О ночи сладкїя! О пиршества боговъ!
Чѣмъ самъ съ домашними доволенъ безъ трудовъ,
И слугъ остатками безпечныхъ насыщаю!
На волю пить гостямъ, какъ нравно, оставляю,
И у меня для нихъ законовъ глупыхъ нѣтъ,
Стаканомъ ли большимъ, иль чаркою кто пьетъ,
И въ мѣру веселъ быть благоразумно тщится.
Никто о вотчинахъ чужихъ не суетится,
И о богатыхъ тутъ домахъ не говорятъ,
Ни худоль, хорошоль умѣетъ Лепъ плясать;
Но идетъ тихая бесѣда тутъ любезно
О томъ, что нужно, что знать умному полезно:
Въ богатствѣ ли людей блаженство состоитъ,
Иль въ добродѣтели, кто прямо ону чтитъ?
И пользаль къ дружеству насъ больше привлекаетъ,
Иль честной нравъ къ любви взаимной побуждаетъ?
Прямое благо въ чѣмъ мы должны познавать,
И что въ немъ надлежитъ за главное считать?
Межъ тѣмъ, какъ богача Арелла хвалятъ, Цервїй
Не даромъ сказывать сталъ бабью скаску перьвый.
Сошлися вмѣстѣ двѣ подруги межъ собой,
И полевая мышь увидясь съ городской,

Про-

нѣсколько времени будучи содержаны въ мѣдномъ ковчежцѣ, когда еще зелены, кровяной видъ получаютъ; и для того, какъ о немъ повѣствуется, лучше желалъ попасться въ руки разбойникамъ, нежели перейти черезъ поле, на которомъ бобы растутъ; по тому что онъ сомнѣвался, не заключена ли въ нихъ душа отца его или другаго сродника, въ чѣмъ Горацїй его и послѣдователей онаго осмѣиваетъ.

Ст. 112. *Ни худоль, хорошоль умѣетъ Лепъ плясать*) Лепъ былъ первой шутъ пои дворѣ Цесаря Августа, которой весьма искусно плясалъ и говорилъ нѣжно.

Ст. 121 и 122. *Межъ тѣмъ, какъ богачи Арелла хпалятъ, Церпїй не даромъ сказыпать сталъ* и проч.) *Ареллъ* имя скупаго богача, а Цервїй нѣкоего веселаго гостя.

Ст. 123. *Сошлися пмѣстѣ дпѣ подруги межъ собой*) Сїя сатира заключается Езоповою баснею о полевой и городской мыши, коею доказывается, что деревенское житье безопаснѣе нежели городское.

Просила посѣтить свою убогу нору,
Гдѣ грубо жизнь вела сурову безъ разбору,
Натасканнымъ въ запасъ довольствуясь харчемъ:
Но что бы угодить спесивой гостьѣ чемъ,
безъ дальныхъ къ ней учтивствъ вдругъ стала таровата,
И подчивала всѣмъ, чѣмъ ни была богата.
Довольно нанесла гороху и овса,
И винограду, кой раждали ей лѣса;
Оглоданныхъ мословъ ветчинныхъ не жалѣла;
Чтобъ ѣствы разныя прiятнѣй гостья ѣла.
Но гордымъ зубомъ та, охоча до сластей,
Прикусывала всѣхъ по малу овощей;
хозайка между тѣмъ сама мякину жостку
И вялу грызла рожь, и то жевала въ чотку;
Подругѣ лучшею тщась пищей угодить,
Котора наконецъ ей стала говорить:
Какъ, кумушка, тебѣ такая жизнь угодна,
Что мычешь горе такъ, какъ сирота безродна,
Снося въ глухихъ лѣсахъ пустынный всякъ часъ?
Не лучшель межъ людей жить дичи сто разъ?
Повѣрь, сестрица, мнѣ, и слѣдуй въ путь за мною.
Коль всѣмъ животнымъ смерть предписана судьбою,
И избѣжать ея не можетъ ни одно,
Хотя великое, хоть малое оно;
То зная, сколь твой вѣкъ на свѣтѣ семъ есть краткiй,
Въ забавахъ провождай мирскихъ житья остатки,
Доколѣ время есть пожить въ покоѣ намъ.
Обрадовавшись тѣмъ безумная рѣчамъ,
Не медля выползла лѣсная мышь изъ щели,
И обѣ прямо въ путь бѣжать не укоснѣли,
Чтобъ въ городъ вкрасться имъ въ ночную темноту
Ужъ полночь минула, какъ прибѣжавъ въ поту

Подруги забрались щастливо въ домъ богатый,
блистали гдѣ парчой покрытыя кравати,
И полны кошницы стояли ѣствъ драгихъ,
За пышнымъ ужиномъ вчера лишь початыхъ.
И такъ на той парчѣ уклавши поселянку,
Хозяйки приняла заботливой осанку,
И суетясь за тѣмъ и за другимъ для ней,
Старалась честь воздать услугою своей,
И кушанье сама отвѣдывала прежде.
Пріятно было то пирующей невѣждѣ,
И щастья веселясь премѣной таковой,
Тянулась, нѣжилась, гнушалася норой.
Поднялся сильной стукъ, вдругъ двери заскрыпѣли,
Подруги бросились отъ ужаса съ постели;
Метались безъ душй, не зная скрыться гдѣ.
Межъ тѣмъ, какъ лаянье псовъ слышалось вездѣ,
Сказала городской въ томъ страхѣ мышь лѣсная:
Не надобна, мой свѣтъ, во вѣкъ мнѣ жизнь такая,
И пропадай она. Мякину я жую
Здоровѣе въ лѣсу, да знаю щель свою.

Сатира VII.

ДАВЪ.

Давно все дѣло такъ, какъ дважды два, я знаю,
И слушаться готовъ; но много не болтаю:
Хоть радъ бы нѣсколько съ тобой поговорить,
Но какъ слуга, и рта не смѣю растворить.
Не Даваль слышу? Да, я здѣсь, слуга твой вѣрной,
И такъ, какъ лучше быть не льзя, тебѣ усердной,
То есть, что могъ бы все ты мнѣ на волю дать.
Свободу въ Декабрѣ умѣй употреблять,
Когда обычай тотъ издавна такъ ведется,
И вольность отъ господъ рабамъ въ тѣ дни дается.
Въ пороки вдавшись, часть людей коснѣетъ въ нихъ,
И устремляетъ мысль въ беспутство нравовъ злыхъ;
Непостоянно жизнь часть бо́льшая проводитъ,
То въ правой идетъ путь, то въ кривизны заходитъ.

Примѣчанія.

Горацій представляетъ слугу, разговаривающаго съ господиномъ своимъ о разныхъ человѣческихъ обычаяхъ, которой притомъ дерзновенно обличаетъ господскіе пороки, что онъ инако живетъ, нежели какимъ себя показываетъ.

Ст 1. *Давно все дѣло такъ, какъ дважды два, я знаю*) Начинается разговоръ между слугою Давомъ и его господиномъ такъ, какъ обыкновенно въ комедіяхъ чинится ко всему приступъ отрывною рѣчью.

Ст. 8. *Свободу въ Декабрѣ умѣй употреблять*) Въ семъ мѣсяцѣ отправлялись празднества Сатурновы, въ которое время какъ рабы такъ и вольные въ равенствѣ были между собою, въ память златаго вѣка, въ коемъ Сатурнъ царствовалъ.

Ст. 11. *Въ пороки вдавшись и проч.*) Давъ говоритъ.

Примѣчено, что Прискъ такъ вѣтрено живалъ,
Кой по три вдругъ кольца на лѣвую вздѣвалъ,
Другою не имѣлъ ни одного порою;
Сенаторскій уборъ одеждою простою,
Колеблясь, всякой часъ обыкъ перемѣнять;
Изъ пышныхъ въ хижину переходилъ палатъ,
Въ которой бы жить всякъ обрядной постыдился,
Хотя бы отъ раба свободнаго родился.
То въ Римѣ за ничто чтилъ любодѣйцомъ слыть,
То лучше Риторомъ хотѣлъ въ Аѳинахъ жить;
Въ благой часъ по сему родился вертопрахомъ.
Не могши Воланеръ метать костьми съ размахомъ,
Когда жестокою хирагрою страдалъ,
Другова за себя поденно нанималъ,
Чтобъ кости тотъ збиралъ, трясъ и пускалъ на зерни.
Чѣмъ больше былъ въ своихъ порокахъ непомѣрный,
Тѣмъ меньше бѣденъ онъ и лучше передъ тѣмъ,
Кто слабкимъ тянетъ грузъ и навитымъ гужемъ.
Не перескажешь, знать, бездѣльникъ, ты севодни;
Къ чему слова сіи болтаешь такъ негодны?
Къ тебѣ веду я рѣчь. Какъ? мерской человѣкъ!
Ты хвалишь простотой щастливый древній вѣкъ;
А естьли бы какой богъ здѣлалъ, что пріятно,
Отъ щастья бы того отрекся ты стократно,

Или

Ст. 16. *Кой по три вдругъ кольца на лѣвую вздѣвалъ*) Много колецъ имѣть на рукѣ въ порокъ ставили; а носили ихъ только извѣстнаго достоинства люди.

Ст. 25. *Въ благой часъ*) То есть, въ худую пору.

Ст. 31 и 32. *Тѣмъ меньше бѣденъ онъ и лучше передъ тѣмъ, кто* и проч.) Чѣмъ сильняе Воланеръ держался одного намѣренія, тѣмъ онъ щастливѣе Приска, которой жилъ иногда роскошно, а иногда крѣпко.

Ст. 33 *Не перескажешь знать* и проч.) Продолжается разговоръ далѣе.

Ст. 36. *Ты хвалишь простотой щастливый древній вѣкъ*) Слуга обличаетъ непостоянство господина своего.

Или не зная, что и самъ блаженствомъ чтишь,
Или, что о прямомъ блаженствѣ не радишь,
И нá-берегъ ползя, самъ путаешься въ тинѣ.
Какъ въ Римѣ ты живешь, въ деревню радъ хоть нынѣ;
А естьли скучитъ вдругъ въ деревнѣ дикой лѣсъ,
То городскую жизнь возносишь до небесъ.
Какъ не зоветъ никто на ужинъ милость вашу,
То лучше хвалишь ты домашни щи да кашу,
И такъ себя тогда высоко ужъ несешь,
Что связаной къ столу чужому не пойдешь,
За тѣмъ что нѣгдѣ пить пришло тебѣ ужъ болѣ.
Вдругъ Меценáтовой послушенъ будешь волѣ,
И естьли въ гости онъ велитъ попожже быть,
Со всѣхъ ногъ бросясь, радъ тѣмъ другу услужить.
Когда же скоро кто не принесетъ умыться,
Кто слышитъ? горломъ всѣмъ вопя, начнешь бѣситься.
А Мúльвїй съ протчими тебя облаютъ въ слѣдъ,
Что, какъ отозванъ ты, у нихъ пропалъ обѣдъ.
Пусть скажетъ кто, что я брезгливой и обжора,
Лѣнивецъ некошной, иль съ кабака мотора,
Готовъ признаться въ томъ, а ты хоть тожъ, что я,
И можетъ быть еще скверняе жизнь твоя,
Но съ гнѣвомъ на меня великимъ нападаешь,
И красными рѣчьми порокъ свой закрываешь.

Ст. 41 *И на берегъ ползя самъ путаешься въ тинѣ*) Стараясь оказать себя постояннымъ, не то дѣлаешь, что говоришь.

Ст. 55. *А Милвїй съ протчими тебя облаютъ въ слѣдъ*) То есть, всѣ прихлѣбатели и объѣдалы тебя бранить станутъ, что ты приходомъ своимъ лишишь ихъ обѣда, и они голодные вытти принуждены будутъ.

Ст. 57. *Пусть скажетъ кто, что я и проч.*) Давъ говоритъ о себѣ самомъ.

Готовъ я доказать, что ты глупѣй меня,
За коего дана пять сотъ драхмъ вся цѣна?
Лишь взоромъ не стращай, и не дерзай рукою,
Доколѣ часть твоихъ проказъ тебѣ открою,
О коихъ расказалъ слуга Криспиновъ мнѣ.
Къ чужой таскаться ты повадился женѣ;
Съ подашливой сестрой знакомство Давъ имѣетъ.
Когоже болѣе изъ насъ карать довлѣетъ?
Когда любовь меня жестокая палитъ,
Я всякой склонностью могу доволенъ быть,
И не пекусь, чтобъ кто до дѣлъ подобныхъ лакомъ
Чрезъ деньги иль красу не здѣлался свойкомъ;
При томъ ни мало тѣмъ себя не остыжу,
Что отъ любовницы изъ дому выхожу.
Тыжъ збросивъ всѣ съ себя достоинства признаки,
Колечко и уборъ приличный честнымъ всякїй,
Выходишь подлому и Дамѣ на позоръ,
И озираешься вокругъ себя, какъ воръ,
Чтобъ въ сермякѣ людскомъ не узнанъ былъ по виду,
Которымъ обвертѣлъ ты голову маститу.
Такъ развѣ мнишь, что ты представившись слугой,
Бояринъ надъ людьми, а самъ и не такой?

Дро-

Ст. 67. *О коихъ расказалъ слуга Криспиновъ мнѣ.*) Криспинъ былъ Стоической Философъ, о которомъ Горацїй упоминаетъ въ книгѣ 1, въ сатирѣ 2. Впротчемъ Давъ укаряетъ своего господина, что пороки его такъ явны всѣмъ, что и Криспиновъ слуга о нихъ вѣдаетъ.

Ст. 78. *Колечко и уборъ приличный честнымъ всякїй*) Колецъ не дозволено было носить Римскимъ дворянамъ, кромѣ того, ежели оныя имъ Преторами подарены будутъ.

Ст. 79. *Выходишь подлому и Дамѣ на позоръ*) *Дама* имя слуги, о которомъ выше въ сатирѣ шестой упоминалось.

Дрожатъ отъ ужаса въ тебѣ и жару кости,
Когда въ чужой ты домъ къ любезной идешь въ гости.
Какая разность въ томъ, чтобъ здѣлавшись бойцомъ
Лозами биту быть, разстаться съ животомъ?
Иль жаться втискану въ сундукъ прелюбодѣю,
Гдѣ заперла раба, и гнуть къ колѣнкамъ шею?
И можетъ ли такой преступницы супругъ
Мстить равной мѣрою за то обѣимъ вдругъ?
Иль болѣе себя покажетъ справедливымъ,
Какъ горесть выместитъ свою надъ нечестивымъ?
Не премѣняется жена во гнусной видъ,
Не знаетъ щеголькамъ обычныхъ волокитъ,
И потаенный грѣхъ наружностью скрываетъ,
Межъ тѣмъ боясь любви твоей не довѣряетъ.
Свободенъ будучи, спѣши въ оковы самъ;
И раболѣпствуй злымъ подвергнувшись страстямъ,
И поручивъ во власть имѣнье, жизнь и славу.
Когдажъ случилось жизнь спасти отъ бѣдства здраву,
бояться станетъ, мню, ворóна и куста.
Обратно пойдешь въ тѣжъ опасныя мѣстá,
Гдѣ снова трепетать и бѣдъ искать ты станешь.
О рабъ толико кратъ! И звѣря не обманешь,

Ст. 85. *Дрожатъ отъ ужаса въ тебѣ и жару кости*) То есть, тебя терзаютъ двѣ страсти, а именно страхъ и сильная любовь.

Ст. 87. *Какая разность въ томъ* и проч.) То есть, нѣтъ разности между бойцомъ и прелюбодѣемъ, но тому что бойцы, продавая себя, включали въ записи, чтобъ ихъ вольно было сѣчь лозами и живота лишать.

Ст. 94. *Какъ горесть выместитъ свою надъ нечестивымъ*) По Аѳинскимъ законамъ прелюбодѣя пойманнаго въ прелюбодѣяніи съ чужою женою мужу вольно было убить; но сіе узаконеніе Юліевымъ закономъ отрѣшено, и въ такихъ случаяхъ велѣно о томъ доносить въ судебныхъ мѣстахъ.

Ст. 103. *Бояться станетъ, мню, ворóна и куста*) Пословица руская: *Пуганая ворóна и куста боится*; Или: *Кто разъ ожжется молокомъ, будетъ и на воду дуть*, то есть, искусившись разъ въ бѣдѣ, бояться станешь, гдѣ почти страха не видишь.

Чтобъ разъ ушедши въ тѣжъ тенюта забѣжалъ.
Пускай бы о себѣ, что ты не мотъ, сказалъ,
Скажи, что ты не мотъ; я воромъ не зывался,
Когда страшась бѣды, чужое красть боялся.
Скинь наложенную отъ ужаса узду,
Поступитъ ползкая натура на бѣду.
Тебѣль, толикихъ рабъ страстей и толь различныхъ,
При сихъ повелѣвать мной нравахъ необычныхъ,
Кой могъ бы завсегда избѣгнуть отъ оковъ,
Тыжъ вѣчно въ страхѣ быть невольникомъ готовъ?
Къ томужъ не меньше сей доводъ имѣетъ силы:
Когда бы въ званїи единомъ двое были,
Изъ коихъ бы одинъ другому рабъ служилъ;
Тобъ иль намѣстникомъ его слыть долженъ былъ,
Иль равными вмѣнить обѣихъ надлежало,
Какъ вашъ обычай есть. Какъ счесть меня пристало?
За тѣмъ что ты, кой власть имѣешь надо мной,
Самъ власти подчиненъ, какъ я тебѣ, иной,
И какъ кубарь на льду гонимъ вертится плетью,
Такъ движешься и ты опутавшись вкругъ сѣтью.
Кого же надлежитъ свободнымъ почитать?
Премудраго, собой кто знаетъ управлять,

Кто

Ст. 114. *Тебѣль, толикихъ рабъ страстей* и проч.) Заключаетъ Давъ, что состоянїе господина его гораздо хуже и бѣдняе, нежели его, по тому что онъ давъ за себя втрое или вчетверо выкупъ можетъ быть свободнымъ, а господинъ его будетъ во всегдашней неволѣ и страхѣ.

Ст. 126. *И какъ кубарь на льду гонимъ вертится плетью*) То есть, любовница, опутавъ тебя своею сѣтью, такъ тобою повелѣваетъ, какъ ей угодно, подобно тому, какъ ребята, играя кубаремъ на льду, гонятъ его плетью въ любую сторону.

Ст. 128. *Кого же надлежитъ свободнымъ почитать?*) Господинъ спрашиваетъ у Дава.

Ст. 129. *Премудраго* и проч.) Слуга отвѣчаетъ.

Кто бѣдъ, нищетства, узъ и смерти не боится,
Противится страстямъ, и честїю не льстится,
Порядокъ съ равенствомъ во всѣхъ дѣлахъ блюдетъ,
Къ которому ни что порочное не льнетъ,
И щастье духъ его не сильно беспокоитъ.
Возможноль что нибудь изъ сихъ тебѣ присвоитъ?
Любовница пяти талантовъ проситъ вдругъ;
Не хочетъ безъ того являть тебѣ услугъ,
И муча какъ водой студеной обливаетъ;
За дверью выторивъ, вдругъ паки призываетъ.
Сложи же ты сїе безчестно иго съ плечъ;
Я воленъ, воленъ, тѣмъ оспорь мою ты рѣчь.
Никакъ; умомъ твоимъ страсть люта обладала;
Не можешь слабой снесть къ злу нудящаго жала,
Хотя бы оной ты противиться хотѣлъ.
Когдабъ на живопись ты Па́взїеву зрѣлъ,
И ротъ разинувъ, пнемъ стоялъ и удивлялся,
Тобъ меньшель, нежель я, виновнымъ въ томъ познался?
Когда бы Фу́львїевъ съ Пацидїаномъ бой
Зря на картинѣ я написанный драгой,
И выгнувшаго грудь Руту́ба и колѣни,
Дивился живости представленныхъ сраженїй,
Такъ какъ бы оныя происходили въявь;
Тобъ слылъ негодницей и пучеглазомъ Давъ:
Тыжъ строгой древностей судья и любопытной.
За пряникъ ли примусь, или за хлѣбъ я ситной,

Мизир-

Ст. 145. *Когдабъ на живописъ ты Павзїеву зрѣлъ*) Павзїй былъ весьма искусной живописецъ. Тотъ, кто безмѣрное любопытство въ маловажныхъ дѣлахъ имѣетъ, есть также рабъ своей страсти.

Ст. 148. *Когдабы Фулвїевъ съ Пацидїаномъ бой* и проч.) *Фулвїй*, *Пацидїанъ* и *Рутубъ* суть имена бойцовъ.

Ст. 154. *Тыжъ строгой древностей судья* и проч.) То есть, ты самъ о всемъ прилѣжно любопытствуешь.

Мизирной тварью чтутъ, негоднымъ ни къ чему;
Ты добродѣтеленъ и хваленъ по тому,
Что не́-любы, какъ мню, богатыя пирушки.
Почтоже прихоти моей вредняй мнѣ душки,
И кожу со спины за лакомство дерешь?
А развѣ самъ за тожъ пощаженъ ты живешь,
Что сотое съ сластьми ужъ очищаешь блюдо?
Прожорливой варитъ желудокъ ѣствы худо,
И ноги хлипкія ужъ гнутся подъ тобой,
Отягчены твоей брюшины толстотой.
Пролакомивъ скребло украденно слуга,
Не кажетсяль за то достойнымъ батога?
А тотъ, кто продаетъ и цѣлыя помѣстья,
Чтобъ не нажить житьемъ умѣреннымъ бесчестья,
Но паче, чтобъ себя роскошнымъ показать,
Не тожъ ли дѣлаетъ шальство слугѣ подъ стать?
Прибавь къ сему и то, что ни на часъ единый
Не можешь равенства держаться и средины;
Не знаешь лишній часъ употребить на прокъ,
Чуждаешься себя и мыслію легокъ,
То ищешь ба́хусомъ, то сномъ прогнать всю скуку,
Но тщетно, и всегда тужъ ощущаешь муку,
Которою твой духъ жестока страсть томитъ,
И всюду за тобой, какъ прочь бѣжишь, спѣшитъ.
Гдѣбъ камень мнѣ найти? На что тебѣ? Гдѣбъ стрѣлы?
Иль бѣсится Піитъ, иль потерялъ умъ зрѣлый!

Девятой

Ст. 159. *Почто же прихоти моей вредняй мнѣ душки*) Порядокъ оныхъ рѣчей есть сей: Почто прихоти моей душки вредняе мнѣ, нежели тебѣ.

Ст. 161. *А развѣ самъ за тожъ пощаженъ ты живешь*) То есть, по чему сказать можешь, что ты меньшему наказанію за сластолюбіе подверженъ, нежели я, по тому что меня за то бьютъ, а ты отъ неумѣреннаго яденія слабѣешь и дряблешь тѣломъ.

Ст. 180. *Гдѣбъ камень мнѣ*

Девятой на полѣ Саби́нскомъ за сохой
Таскаться станешь, коль съ глазъ не уйдешь долой.

найти) Господинъ, сердяся на слугу, котораго слуга наипаче раздрахочетъ отмстить ему досаду, жаетъ.

Сатира VIII.
Фунданій.

Како́въ Назидіе́нъ за ужиномъ казался,
богатоль потчивать щастливецъ сей старался?
Желалъ, чтобъ у меня ты въ домѣ гостемъ бынъ,
Но сказано, что тамъ вчера съ полудни пилъ.
Такъ хорошо, что въ жизнь мнѣ лучше не случалось.
Чтожъ напередъ гостямъ голоднымъ преставлялось,
Коль не противно то, спросить себя позволь?
Сперьва Лука́нскій вепрь поставленъ былъ на столъ,
Пойманный, какъ онъ рекъ, въ тихую погоду;
Коренья пряныя и зелень съ огороду,
И съ Койскимъ со́усы составле́нны виномъ
Стоя́ли на столѣ передъ гостьми кругомъ,
Какія сытому приличны ѣствы брюху,
И только нравятся для вкусу и для духу.

Примѣчанія.

Фунданія, пріятеля своего, вопрошаетъ Горацій, каковъ былъ ужинъ у богатаго Назидіена, у котораго онъ былъ на вечеринкѣ. Между тѣмъ описывая оной по порядку показываетъ, что Назидіенъ тѣмъ болѣе далъ знать о своемъ гадкомъ житьѣ, чѣмъ больше старался оказать себя роскошнымъ и тароватымъ. Сія сатира содержаніемъ своимъ сходствуетъ почти съ четвертою, потому что такія же глупыя пра́вила и Назидіенъ предлагаетъ, какія Катій предписываетъ.

Ст. 5. *Такъ хорошо, что* и проч.) Фунданій Горацію отвѣчаетъ.

Какъ пу́рпурою столъ накрылъ слуга, снявъ здоръ,
И какъ межъ тѣмъ другой все собралъ, сметши соръ,
Служащій всѣмъ гостямъ къ гнушенію и гнѣву,
Съ Цере́риной Гида́спъ представилъ жертвой дѣву,
Неся на головѣ Шампанское вино;
Алка́номъ Хійское вдругъ было внесено,
Которое съ водой не смѣшано морскою.
Тщеславясь молвилъ тутъ хозяинъ до запою:
Когда угоднѣе Алба́нско, Мецена́тъ,
Или Фалернско, тѣмъ я и другимъ богатъ.
О бѣдной сей богачъ! Но знать хочу, Фунданій,
Кто были изъ гостей съ тобою вмѣстѣ званы?
Я впереди, Тури́нъ повыше возлежалъ,
А ни́же мѣсто Ва́ръ, какъ помню, занималъ;
Серви́лій, балатро́нъ съ Виби́діемъ лежали,
Всѣ непослѣдніе въ пирушкахъ обѣдалы,
Которыхъ Мецена́тъ на ужинъ тотъ привелъ;
Середне мѣсто самъ Назидіе́нъ имѣлъ,
Повыше Номента́нъ его, а Порцій ниже,
Кой вдругъ по пряженцу глоталъ на смѣхъ безтыже.
А Номента́нъ къ тому нарочно подстрекалъ,
И перстомъ о другомъ, что лучше, намѣкалъ,
Чего тотъ самъ не могъ межъ разныхъ ѣствъ дознаться.
Мыжъ, прочая толпа, тутъ не могли приняться,

Кромѣ

Ст. 18. *Съ Цереpиной Гидаспъ предстапилъ жертпой дѣпу*) *Церерины жрицы*, которыя назывались *кошеносицами* (canistriforae), поднявъ на голову руки Церерѣ въ кошницахъ жертву приносили. *Гидаспъ* имя слуги.

Ст. 21. *Которое съ подой не смѣшано морскою*) Греки приливали въ вина морскую воду, чтобъ не скоро портились; по чему у Назидіена не настоящее Хійское вино было, но поддѣльное.

Ст. 25. *О бѣдной сей богачъ* и проч.) Горацій далѣе любопытствуетъ.

Ст. 27. *Я плереди, Туринъ* и проч.) Исчисляетъ имена пришедшихъ съ Меценатомъ гостей, и какимъ порядкомъ при столѣ возлежали.

Кромѣ птицъ, устерсовъ и рыбы, ни за что,
За тѣмъ что кушанье вкусняе было то,
Какъ необычныя Епикурейски здобы.
Неудовольства знакъ являлъ я тѣмъ особый,
Что рыбьихъ потроховъ представленныхъ не ѣлъ.
О яблокахъ вдругъ рѣчь Назидіе́нъ завелъ,
Что должно при Лунѣ збирать наливъ растущей;
Чѣмъ больше та растетъ, тѣмъ онъ краснѣетъ пуще.
Къ какой же стати тѣ онъ вымолвилъ слова́,
Пусть умна изъяснитъ сама тебѣ глава.
Тутъ балатро́ну такъ смѣясь сказалъ Виби́дій:
Чѣмъ даромъ пропадать, не отомстивъ обиды,
Такъ лучше хоть питьемъ убытокъ навести,
Побольше стопы самъ веля на столъ нести.
Незапно видъ лице покрылъ хозяйско блѣдной,
И ничего онъ такъ не испужался бѣдной,
Какъ жадныхъ питуховъ, иль болѣе того,
Что не смолчатъ подпивъ о гадкости его,
Илижъ, что вкусовъ ужъ не распознаютъ пьяны.
До капли высушать вдругъ начали стаканы
Виби́дій съ протчими гостьми и балатро́нъ,
И дѣлая лишь стыдъ бѣдняшкѣ и уронъ,
Столь были до питья охочи тутъ и жадны,
Что пусты скляницы на столъ летѣли задні́й.
Межъ плавающею на блюдѣ мѣлузгой
Въ тожъ время принесенъ и угорь былъ морской.
Въ плодуще, говорилъ хозяинъ, пойманъ время,
И хужебъ вкусомъ былъ, когдабъ пустилъ онъ сѣмя.

Ст. 43. *О яблокахъ вдругъ рѣчь Назидіе́нъ завелъ*) Примѣтивъ, что Фунданію рыбьи потрохи противны были.

Ст. 65. *И хужебъ вкусомъ былъ, когдабъ пустилъ онъ сѣмя*) Нѣкоторые медики утверждаютъ, что мясо дикихъ звѣрей не здорово, по тому что въ ономъ меланхолическая кровь содержится, и развѣ

Составлена уха изъ разныхъ та сластей;
Венáфрской маслины, Гишпанскихъ рыбъ сокъ въ ней
Варился спущенный съ напиткомъ Италíйскимъ;
Но лучше супъ варить съ виномъ пристало Хійскимъ;
И перцу бѣлаго подсыпавъ, уксусъ лить,
Чтобъ суровость винá Меѳимнскаго отбить.
Я способъ изыскалъ другихъ для наставленья,
Какъ должно горькія вываривать коренья,
И заморить въ ухѣ горчицу, девесилъ.
Не вымочивъ варить морскихъ ежей Куртúллъ
Совѣтуя, манеръ сей лучшимъ почитаетъ,
Какъ тотъ, когда кто съ щукъ росолъ въ уху вливаетъ.
Межъ тѣмъ, какъ онъ сіи расказы намъ мололъ,
Навѣшенный коверъ обрушась палъ на столъ,
И столько съ онаго стряслося пыли черной,
Колико на поляхъ Кампанскихъ вѣтръ безмѣрной,
Дыханьемъ сильнымъ прахъ взвѣвая, не мятетъ.
Боялись мы, что домъ со всѣмъ на насъ падетъ,
Но усмотрѣвъ, что нѣтъ бѣды, вскочила разомъ;
Повѣсивъ голову, завылъ Руфъ волчьимъ гласомъ,
Какъ пó-сынѣ въ лѣтахъ умершемъ молодыхъ.
Не здѣлалъ бы конца нещастной слезъ своихъ,
Когдабъ не ободренъ былъ рѣчью Номентáна:
Какой богъ злѣй тебя, Фортуна окаянна?
Сколь издѣваться ты обыкла надъ людьми,
Ругаясь смертныхъ всѣхъ дѣлами и вещьми!

только тогда ѣсть его можно, когда они скоро плодиться начнутъ; а о рыбахъ можно ли тоже самое сказать, не извѣстно; только видно, что Горацій смѣется сей Назидіеновой Физической причинѣ.

Ст. 75. *Не вымочивъ варить морскихъ ежей Куртиллъ* и проч.) *Куртиллъ* былъ нѣкто изъ числа Епикуровыхъ послѣдователей. О морскихъ ежахъ смотри въ сатирѣ 4, примѣчаніе подъ стихомъ 45мъ.

Ст. 85. *Повѣсивъ голову, завылъ Руфъ*) То есть, Назидіенъ, по тому что онъ былъ двуименной.

Едва

Едва отъ смѣха могъ тутъ Ва́рій удержаться,
Кой принужденъ былъ, ротъ закрывъ салфеткой, жаться;
А балатронъ, кой все въ смѣхъ ставилъ и шутилъ,
Вотъ какова̀ людей жизнь въ свѣтѣ, говорилъ:
И такъ по симъ трудамъ твоимъ достойной славы
Достигнуть завсегда рокъ воспятитъ лугавый.
Къ чемужъ тебѣ имѣть столь много суеты,
Чтобъ могъ мнѣ учинить пріемъ богатой ты?
Чтобъ хлѣбъ не подгорѣлъ, былабъ уха вкуснѣе,
Чтобъ слу́ги не́-были притомъ въ худой ливреѣ?
Что, естьли сверьхъ сего обрушится коверъ,
Какъ здѣлалось сіе нечаянно теперь,
Иль блюдо разобьетъ ногой, упавши малой?
Но какъ въ войнахъ, сколь умъ имѣетъ вождь удалой,
Чрезъ случаи живетъ злощастны явно всѣмъ,
Во времяжъ щастія не зрится то ни кѣмъ;
Такъ и въ пирахъ сему подобное бываетъ,
Гдѣ всякъ хозяйское проворство примѣчаетъ.
Благодарилъ дружка за то Назидіе́нъ;
Желаю, чтобъ ты всѣмъ былъ отъ боговъ снабдѣнъ,
И чтобъ въ желаніяхъ имѣлъ успѣхъ полезный,
Столь дорогъ гость ты мнѣ и столь пріятель чесный!
Велѣлъ пода́ть себѣ онъ туфли поскорѣй:
Поднялся шорохъ вдругъ и ро́потъ межъ гостей,
И на́-ухо они другъ съ другомъ всѣ шептали.
Не стольбы зрѣлища меня увеселяли,
Повѣрь, Фунданій; чтожъ еще смѣшило васъ?
Виби́дій спрашивалъ у слугъ межъ сихъ проказъ,

Ст. 114. *Велѣлъ подать себѣ онъ туфли поскорѣй*) Древніе во время ужина скидывали съ ногъ туфли, чтобъ не замарать дорогихъ наметовъ, коими покрыты были постели.

Ст. 117. *Не столь бы зрѣлища меня увеселяли*) Горацій говоритъ.

Не всѣ ли въ домѣ ужъ бутылки перебили,
Что болѣе гостямъ вина́ не подносили;
И какъ тутъ балатро́нъ комедїю игралъ,
Вошедъ Назидїе́нъ иной ужъ видъ казалъ,
Какъ будтобъ случай злой искусствомъ мнилъ поправить.
Потóмъ вдругъ начали на столъ жаркїя ставить:
Представленъ былъ журавль расщипанной въ куски,
На коего пошла тьма со́ли и муки́,
И печень кормнаго намъ гуся предложили,
И зайца передки оторванные были,
Какъ лучшая ѣда, нежь задъ, принесены,
И чайки, коихъ хлубь и зобъ подожжены,
И дики голуби безъ гузокъ тутъ лежали,
Которы ѣствы мыбъ за лучшїя признали,
Когдабъ хозяинъ намъ причинъ не изъяснялъ,
Для коихъ отнялъ задъ, и гуски оторвалъ,
Которому мы тѣмъ несноснѣй досадили,
Что ничего изъ ѣствъ похвальныхъ не вкусили.
Какъ будтобъ дунула на нихъ ворожея
Кани́дья, ядомъ злѣй, какъ Афрская змѣя.

Ст. 122. *И какъ тутъ Балатронъ комедїю игралъ*) То есть, проказами своими смѣшилъ гостей.

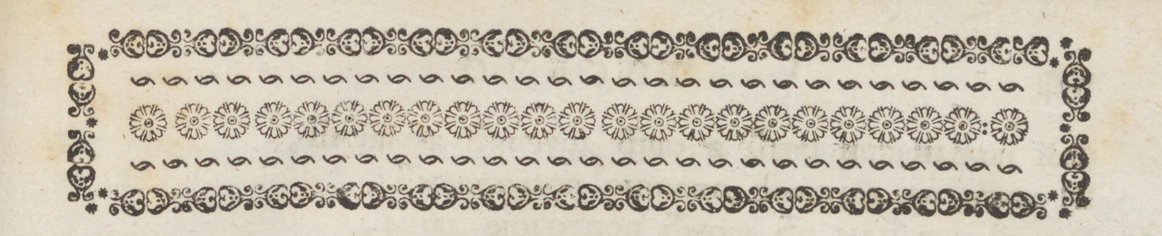
Ст. 139. *Канидья, ядомъ злѣй, какъ Афрская змѣя*) *Канилїя* есть та волшебница, которую Горацїй описалъ въ книгѣ 1, сатирѣ 8.

ПИСЬМО

ПИСЬМО
ГОРАЦІЯ ФЛАККА
О
СТИХОТВОРСТВѢ
КЪ
ПИЗОНАМЪ

переведено

НИКОЛАЕМЪ ПОПОВСКИМЪ.



Увидѣвъ женской ликъ на шеѣ лошадиной
Шерсть, перье, чешую на кожѣ вдругъ единой;
Что бы красавицей то чудо началось,
Но въ черной рыбей хвостъ въ низу оно сошлось:
Моглибъ ли вы тогда, Пизоны, удержаться,
Чтобъ мастеру такой картины не смѣяться?
Я увѣряю васъ, что гнусной сей уродъ
Во всемъ съ тѣмъ слогомъ схожъ, пустыхъ гдѣ мыслей збродъ
Какъ сонная мечта не вяжется ни мало,
Не сходно ни съ концемъ нижѐ съ собой начáло.
Пїитѣ, знаю я, и живописцу съ нимъ
Возможно вымысломъ представить все своимъ.

Примѣчанїя.

Горацїй, разсуждая о неравности слога и несходствѣ мыслей въ сочиненїяхъ, показываетъ способъ, какъ должно слагать поэму, то есть, чтобъ въ ней было изрядное расположенїе и согласное теченїе стиховъ; по чему онъ весьма пристойно дѣлаетъ сравненїе между живописцомъ и стихотворцомъ, поколику какъ тотъ такъ и другой для большаго совершенства своего дѣла должны наблюдать приличной и надлежащей размѣръ, а именно первой количество, живость и стройность совокупленныхъ частей для изображенїя цѣлой фигуры, а другой искусной приборъ словъ и замысловатыхъ выраженїй. Для сей причины стихотворство говорящею живописью, а живопись безгласнымъ стихотворствомъ именуется.

Ст. 5. *Моглибъ ли вы тогда, Пизоны, удержаться*) Пизоны производили родъ свой отъ Нумы Помпилїя, и для древности ихъ фамилїи весьма знамениты были. Горацїй пишетъ къ отцу съ сынами, или, какъ другїе думаютъ, къ братьямъ.

Сей вольности себѢ и отЪ другихЪ желаемЪ,
И сами то другимЪ охотно позволяемЪ;
Но ей предѢлы вЪ томЪ природою даны,
ЧтобЪ сЪ бурей не смѢшать любезной тишины,
ЧтобЪ тигра не впрягать кЪ однимЪ санямЪ сЪ овцею.
И не сажать скворца вЪ тужЪ клѢтку со змїею.
Начавши что нибудь великое писать,
И важности хотя стихамЪ своимЪ придать,
Мы часто вЪ оныхЪ храмЪ ДїанинЪ представляемЪ,
Иль Рена быстроту и шумЪ изображаемЪ,
Иль радугу сЪ дождемЪ и нѢжные луга,
ГдѢ шумомЪ сладкой сонЪ наводятЪ берега.
Но здѢсь о семЪ писать прикрасы нѢтЪ нималой,
КакЪ на кафтанѢ быть заплатѢ цвѢтомЪ алой!
Пускай ты дерево такЪ можешь начертать,
Что сЪ подлиннымЪ его отнюдЪ не распознать.

Но

Ст. 16. *ЧтобЪ сЪ бурей не смѢшать любезной тишины*) То есть, вольность вЪ вымыслахЪ надлежитЪ употреблять искусно, а не свыше мѢры.

Ст. 17. *ЧтобЪ тигра не впрягать кЪ однимЪ санямЪ сЪ овцею*) ТѢхЪ вещей, которыя видомЪ, свойствомЪ и качествомЪ между собою различны, вЪ рисованїи и стихотворствѢ вмѢстѢ совокуплять не должно такЪ, будто бы одну сЪ другою сравнить или обѢ за одно почесть можно было, напримѢрЪ тигра сЪ овцою, зайца сЪ медвѢдемЪ; НапротивЪ того тигра и льва совокупить можно, по тому что оба равно свирѢпы.

Ст. 19 и слѢд. по ст. 27. *Начавши что нибудь великое писать*) НадлежитЪ всегда держаться начала, по тому что весьма не похвально вЪ сочиненїяхЪ выступать изЪ надлежащихЪ предѢловЪ, и удалясь отЪ своего намѢренїя писать другое; также и то порочно, естьли кто начавЪ писать о великихЪ дѢлахЪ кончитЪ оныя пустыми и смѢшными забобонами, напримѢрЪ описывая не кЪ статѢ ДїанинЪ храмЪ, быстроту Рена, радугу и тому подобное.

Ст. 27. и слѢд. по ст 32. *Пускай ты дерево такЪ можешь начертать*) Горацїй разумѢетЪ нѢкотораго негоднаго живописца, которой почти

Но естьли описать далъ слово въ договорѣ,
Какъ борется съ волной пловецъ разбитой въ морѣ,
То дереву стоять пристанетъ ли при семъ?
Почто, начавъ съ орла, кончаешь воробьемъ?
О чемъ кто сталъ писать, того ужъ и держися,
И въ постороннее безъ нужды не вяжися.
О чемъ бы ни хотѣлъ ты пѣть стихи, воспой,
Лишь сила словъ былабъ одна и слогъ простой;
Піитовъ больша часть обманута бываетъ,
Когда о добротѣ по виду разсуждаетъ.
Одинъ за краткостью весь замыслъ свой темнитъ,
Другой для чистоты не живо говоритъ,
Кто любитъ высоту, тотъ пышенъ чрезвычайно,
Кто просто написалъ, тотъ подлъ и низокъ крайно,
Кто тщался скрасить слогъ свой разностью вещей,
Дельфиновъ тотъ въ лѣсахъ, въ водѣ искалъ вепрей.
Порока избѣжавъ, въ другой порокъ впадаетъ,
Когда кто, лучшаго не зная, выбираетъ.
Ваятель близъ Игоръ Эмилїевыхъ жилъ,
Кой изваять власы съ ногтьми искусенъ былъ,

ничего не умѣлъ, какъ только представить живописью дерево. Насмѣхаясь ему говоритъ сатирикъ, прилично ли бы было, естьли бы онъ изображая на картинѣ кораблекрушенїе, представилъ купно и дерево?

Ст. 32. *Почто начавъ съ орла, кончаешь воробьемъ*) То есть, начинаешь великое, а оканчиваешь малымъ.

Ст. 38. *Когда о добротѣ по виду разсуждаетъ*) Когда нравятся свои сочиненія для одного виду, то есть, для прибору хорошихъ словъ и стиховъ гладкихъ, не разсуждая о содержанїи оныхъ.

Ст. 47. *Ваятель близъ игоръ Эмилїевыхъ жилъ*) Недалеко отъ Цирка было мѣсто, на которомъ собирались поединщики Эмилїевы; по чему оное *Эмилїевыми Играми* названо. близъ сего мѣста нѣкоторой художникъ дѣлалъ зваянныя статуи, и только удачливо изображалъ волосы и ногти, а протчее все было несовершенно.

Однако тѣмъ его искусство все презрѣнно,
Что здѣлать цѣлаго не можетъ совершенно,
И естьли такъ, какъ онъ, желаетъ кто успѣть,
Тотъ хочетъ быть пригожъ, лишь носъ кривой имѣть.
Всякъ долженъ напередъ свой разумъ самъ измѣрить;
И буде можетъ онъ себя удостовѣрить,
Что предпріятой трудъ его не отягчитъ,
То стройно и красно онъ слогъ свой совершитъ.
Коль хочешь написать порядочно и стройно,
То все располагай, гдѣ быть чему пристойно,
И прежде не пиши, что должно назади,
Ни задняго опять не ставь напереди,
Коль къ стати, говори; коль нѣтъ, не трать и слова,
Иноежъ отложи до времени другова,
Не меньше же и въ томъ опасну должно быть,
Чтобъ смысла новыми словами не затмить,
Но естьли свяжешь ихъ съ другими такъ разсудно,
Что силу ихъ узнать читателю не трудно,
Иль нужда позоветъ дать новое со всѣмъ
Названіе вещамъ незнаемымъ никѣмъ;
Въ сихъ случаяхъ отъ всѣхъ позволено ввесть слово,
Хоть было бы оно неслыханно и ново.
Пороку также нѣтъ у Грековъ слово взять,
И мало премѣнивъ въ число своихъ принять.
Коль съ Плавтомъ за сіе у насъ почтенъ Цецилій,
Почтожъ бы имъ не смѣлъ послѣдовать Виргилій?
И кто бы ввесть одно мнѣ слово запретилъ,
Коль стами нашъ языкъ Катонъ обогатилъ.

Какъ

Ст. 73. *Коль съ Плавтомъ за сіе у насъ почтенъ Цецилій*) Плавтъ и Цецилій были древніе комическіе стихотворцы, жившіе за много лѣтъ прежде Виргилія и Варія.

Ст. 76. *Коль стами нашъ языкъ*

Какъ наши прадѣды сносили терпѣливно,
Такъ никому и впредь не будетъ то противно,
Что новую кто рѣчь въ стихахъ употребитъ,
Которую народъ давно ужѐ твердитъ.
Какъ листъ на деревахъ по всяку осень вянетъ,
Такъ честь старинныхъ словъ со временемъ престанетъ.
На мѣсто ихъ опять другїе возрастутъ,
И нашъ недологъ вѣкъ, и съ ними всѣ умрутъ.
Увянутъ наконецъ и нивы плодородны,
Изсохнутъ и моря, оставивъ путь безводный,
Падутъ труды людей, и многихъ потъ вѣковъ,
Такъ можноль вѣкъ стоять цѣнѣ однихъ лишь словъ?
Иныя послѣ насъ вездѣ возобновятся,
Которыхъ въ наши дни и слышать всѣ стыдятся,
Иныя напротивъ народъ поставитъ въ смѣхъ,
Которыя теперь въ почтенїи у всѣхъ.
Словà подвержены одной народной власти,
Которой по своей располагая страсти,
Одни прїемлетъ въ рѣчь, другїя гонитъ вонъ,
Употребленїе считая за законъ,
Какимъ стихомъ писать дѣлà Особъ державныхъ,
Побѣды и войны̀ Героевъ въ свѣтѣ славныхъ,
Изрядной показалъ намъ всѣмъ тому примѣръ,
Источникъ и отецъ Поэзїи Гомеръ.
Элегїя сперва хоть найдена къ печали,
Но тужъ и въ радости потомъ употребляли;
Кто первой вымыслилъ Элегїи писать,
По нынѣ Критики не могутъ изъискать.

Катонъ обогатилъ) Маркъ Порцїй Катонъ, которой и Ценсорїемъ прозывался, по свидѣтельству Плинїеву былъ весьма изрядной риторъ, полководецъ и Сенаторъ..

На недруговъ своихъ какъ Архилохъ озлился,
То Ямвомъ первой онъ на нихъ вооружился,
Потомъ комедїантъ имъ зрителей смѣшилъ,
Въ трагедїяхъ Герой съ любезной говорилъ,
За тѣмъ что и простой онъ рѣчи весь подобенъ,
И слогомъ важнѣе, и къ дѣйствїямъ способенъ.
Но Лира на себя ту должность приняла,
Чтобъ ей хвалить боговъ и храбрыя дѣла,
Описывать въ пиру прїятелей бесѣды,
И сильнаго борца похвальныя побѣды,
Какъ конь другихъ въ бѣгу далеко перегналъ;
И щоголь молодой влюбившись воздыхалъ.
Когда сей разности и свойствъ въ стихахъ не знаю,
Почто между Пїитъ и мѣсто занимаю?
И для чего хочу вѣкъ лучше глупымъ быть,
Какъ нежели учась незнанїе открыть?
Комедїя къ стихамъ высокимъ непривычна,
Въ ней только простота и шутка лишь прилична.
Когдажъ въ трагедїи представить, что Тїэстъ
Родныхъ своихъ дѣтей не вѣдаючи ѣстъ;

То

Ст. 105. *На недруговъ своихъ какъ Архилохъ озлился*) Сей Архилохъ, первой началъ писать Ямвическїе стихи столь ядовитые и несносные, что Ликамба, тестя своего, которой обѣщавъ выдать за него дочь свою Необолу, въ томъ ему отказалъ, жестокими и весьма ѣдкими злословїями вогналъ въ петлю. Ямвъ у древнихъ Грековъ и Римлянъ имѣлъ другое свойство, нежели нашъ.

Ст. 111. *Но Лира на себя ту должность приняла*) Чрезъ Лирическїе стихи Горацїй разумѣетъ *оду*, общимъ именемъ *пѣснь*, то есть, торжественную и простую пѣсню.

Ст. 123 и 124. *Когдажъ въ трагедїи представишь, что Тїэстъ родныхъ своихъ дѣтей* и проч) Извѣстна басня о Танталѣ, Фригїйскомъ Царѣ, которой сына своего Пелопса во время пиршества пред-

То низкія слова и шутки не пристали,
И комической смѣхъ не вмѣстенъ въ сей печали.
Вещь всякая должна свой предѣлы знать,
И никогда отнюдь чужихъ не занимать.
Но и въ комедіи не рѣдко слогъ гордится,
Какъ Хремесъ на слугу, примѣтивъ ложь, ярится.
И Трагикъ позабывъ всю пышность съ высотой
Въ печальныхъ случаяхъ духъ опускаетъ свой.
Такъ Телефъ и Пелей стѣсненъ нещастьемъ злоснымъ,
Пребѣдной нищетой, изгнаніемъ поноснымъ,
Оставятъ громкостью подобной бурѣ стихъ,
Коль восхотятъ привесть къ жалѣнію другихъ.

Кра-

ставилъ въ снѣдь богамъ. И когда ни единъ изъ боговъ ѣсть его не хотѣлъ, то Церера одна съѣла его плечо; вмѣсто котораго Юпитеръ по возвращеніи ему жизни даровалъ другое изъ слоновой кости; а Танталъ за то низверженъ былъ въ адъ и закованъ. Пелопсъ имѣлъ двухъ сыновъ, Атрея и Тіэста, изъ коихъ Тіэстъ учинилъ насиліе женѣ брата своего Европѣ, отъ котораго насильственнаго совокупленія рожденнаго сына Атрей убивъ поставилъ предъ отцемъ Тіэстомъ во время пира. баснословцы говорятъ, что Солнце не терпя сего злодѣйства лучи свои скрыло По справедливостижъ оное вымышлено для того, что Тіэстъ, какъ о немъ повѣствуется, нашелъ причину затмѣнія Солнца. Отъ Атрея родился Агамемнонъ отецъ Орестовъ, которой убивъ мать свою Клитемнестру впалъ въ безумство. Смотри о семъ въ сатирѣ 3, книги 2. примѣчаніе подъ стихомъ 220. Вѣ сіи произошли отъ Танталова поколѣнія. О злодѣйствахъ ихъ сочинены разныя трагедіи.

Ст. 130. *Какъ Хремесъ на слугу, примѣтивъ ложь, ярится*) *Хремесъ*, дѣйствующее лице въ Терентіевой комедіи, представляетъ грубаго старика.

Ст. 133. *Такъ Телефъ и Пелей* и проч.) Имена Царей, изъ коихъ первой раненъ и исцѣленъ Ахиллесомъ. Сіи оба, лишившись своихъ царствъ, наконецъ до такой крайности дошли, что по изгнаніи изъ отечества, скитаясь повсюду, нищетскимъ образомъ пропитанія себѣ искать принуждены были такъ, какъ подлые, то есть, оставя важныя и Царямъ приличныя слова.

Красенъ быть долженъ стихъ, но сладостнѣе вдвое,
Чтобъ могъ сердца склонять на то и на другое.
Сей обще всѣмъ законъ дала природа намъ,
Чтобъ соотвѣтствовать всегда другихъ страстямъ;
Коль радостенъ другой, и мы съ нимъ веселимся,
На слёзы зря другихъ, отъ жалости крушимся.
Такъ прежде долженъ ты самъ слёзы испустить,
Коль хочешь къ жалости своей меня склонить.
Когда же дѣйствїе представишь мнѣ не живо,
То буду я смѣясь смотрѣть на то лѣниво.
Въ прискорбности имѣй печальны и слова,
Во гнѣвѣ весь пылай, и будь лютѣе льва,
Шутливой видъ нося, забавенъ будь какъ можно,
А важенъ будучи, разсуденъ осторожно.
Чтобъ прежде внутренни премѣны были въ насъ
Согласны съ внѣшними, велитъ натуры гласъ,
Чтобъ съ радости имѣть лице и мысль спокойну,
Въ бѣдѣ потупленны глаза и скорбь пристойну,
Потомъ тоску свою словами изъявлять,
И тяжесть горести съ другими раздѣлять.
Когда признаютъ слогъ съ персоною несходнымъ,
То будетъ онъ смѣшонъ простымъ и благороднымъ.
И для того смотри, слуга иль господинъ,
Старикъ иль молодой представленъ дворянинъ,
Честная женщина или раба презрѣнна,
Купцова рѣчь должна быть отъ крестьянъ отмѣнна.
Отечество притомъ персоны разсуждай,
И всякому свое народу свойство дай.
быль точно такъ пиши, какъ говорятъ въ народѣ,
А вымыслъ чтобъ во всемъ отвѣтствовалъ природѣ.
Принявъ трудъ описать мнѣ Ахиллесовъ жаръ,
Представь, что онъ свирѣпъ, несклоненъ, грозенъ, яръ,

Не

Не хочетъ подлежать закону никакому,
Все право отдаетъ воинскому лишь грому.
Медея будь въ любви и въ гнѣвѣ жестока,
Іона горестна, Инона всѣмъ жалка.
Иксіонъ въ вымыслахъ и дружествѣ коваренъ,
Орестъ къ родителямъ своимъ неблагодаренъ.
Но естьли новое что хочешь описать,
Иль небывалую персону представлять;
Смотри, чтобъ каковы ей нравы дать съ начáла,
И до конца она тѣхъ не перемѣняла.
Весьма тяжелой трудъ, такъ новой скрасить слогъ,
Чтобъ въ ономъ получить верьхъ похвалы кто могъ.

Ст. 171. *Медея будь въ любви и въ гнѣвѣ жестока*) *Медея* была превеликая волшебница, жена Язонова, помощію которой Язонъ изъ Колхиды увезъ златое руно; будучи оставлена отъ мужа своего, для отмщенія за учиненную себѣ обиду сыновъ своихъ умертвила. Потóмъ вышла за Эгея Аѳинейскаго Царя, и родила отъ него сына Меда, по имени котораго Мидія и Мидяне названы.

Ст. 172 и 173. *Іона горестна, Инона всѣмъ жалка, Иксіонъ* и проч.) *Іона* была дочь Инаха, Царя Аргивскаго, въ которую Юпитеръ влюбившись превратилъ оную въ корову. Египтяне почитали ее подъ именемъ богини Изиды. *Инона* жена Атамантова, которая избѣгая бѣшенства мужа своего, бросилась въ море купно съ сыномъ, и названа *Левкотеею*, а сынъ ея *Палемономъ*, прежде именованной *Мелицертомъ*; По матери назывался онъ также *Иноусомъ*. *Иксіонъ*, Царь Ѳессалійской, которой, по баснословію стихотворцовъ, прикованъ былъ въ адѣ къ колесу змѣями отовсюду окруженному. У древнихъ обыкновеніе было такое, чтобъ прежде супружества зятья тестямъ своимъ добровольно свадебные дары давали. Иксіонъ женившись на дочери Эпонеевой, и давъ по неволѣ такіе подарки, или выводныя деньги, здѣлалъ весьма глубокую потайную яму при самомъ входѣ въ домъ, въ коей развелъ превеликой огонь, и сверьху слегка заметавъ соломою, тестя своего, призваннаго будто на ужинъ, въ оную ввергнулъ и сожегъ живаго. По чему Горацій называетъ его въ дружествѣ коварнымъ и вѣроломнымъ.

Ст. 174. *Орестъ къ родителямъ своимъ неблагодаренъ*) Объ Орестѣ смотри выше примѣчаніе подъ стихомъ 122мъ.

Скоряй трагедїю изъ старой и готовой
Матерїи сложить льзя, нежели изъ новой.
Хотя другому въ чемъ ты будешь подражать,
Однако за твое всякъ станетъ почитать,
Когда во всемъ его не будешь ты держаться,
И чтобъ ни на пядень не отступить, стараться;
Но вольность въ разумѣ своемъ употребишь,
Одно отбросишь прочь, дуугое отмѣнишь.
И слѣдуя за нимъ его стезями точно,
Не зайдешь въ тѣсноту такую не нарочно,
Чтобъ отступить назадъ иль стыдъ не попускалъ,
Или всѣхъ общїй дѣлъ законъ не дозволялъ.
Не слѣдуй глупаго писателя примѣру,
По рынку кой бродя хвалился черезъ мѣру:
брань страшну опишу, Героевъ горьку часть,
Паденье сильныхъ войскъ, Прїамову напасть.
Всякъ думалъ про него, что штиля красотою
Превыситъ всѣхъ творцовъ, прославится собою;
Но онъ какъ дряхлой конь, версты не пробѣжалъ,
Ужъ бѣгомъ утомленъ затрясся и упалъ.
Щасливѣе Гомеръ, что въ простотѣ пристойной
Великой началъ трудъ и похвалы достойной:
Скажи, о муза, мнѣ о славномъ мужѣ томъ,
Кой въ пепелъ обратилъ Прїамовъ гордой домъ,
Изъвѣдалъ на пути народовъ нравы многихъ,
Повсюду странствуя Небесъ велѣньемъ строгихъ.
Не тьмою хочетъ свѣтъ, но свѣтомъ тьму скончать.
И большїя дѣла въ срединѣ описать;

Коль

Ст. 203. *Скажи, о Муза, мнѣ о славномъ мужѣ томъ*) То есть, объ Улиссѣ.

Ст. 207. *Не тьмою хочетъ свѣтъ, но свѣтомъ тьму скончать*) Горацїй чрезъ сїе разумѣетъ, что

Коль страшенъ Антифатъ и Сцилла въ безднѣ скрыта,
Ужасенъ Полифемъ, Харибда коль несыта.
Начáло повѣсти не и́здали ведетъ,
Но къ дѣлу самому поспѣшно онъ течетъ,
И къ знанїю конца охоту возбуждаетъ,
Когдажъ не чаетъ въ чемъ успѣха, оставляетъ.
Такъ вяжетъ вымыслы, мѣшаетъ съ правдой ложь,
Съ началомъ чтобъ конецъ былъ и съ срединой схожъ.
Теперь я обявлю то, что и мнѣ угодно,
И купно всѣ со мной похвалятъ всенародно.
Коль хочешь, чтобъ тобой доволенъ зритель былъ,
И не дождавъ конца домой не уходилъ,
То возрастъ и лѣта и качества различны
Во всякомъ примѣчай, и нравы дай приличны.
Младенецъ, кой ходить удобно можетъ самъ,
И твердо говорить; охотникъ будь къ играмъ,
Сердитъ изъ ничего, но тотчасъ вдругъ беззлобенъ,
Непостоянному Зефиру тѣмъ подобенъ.

Ф 2 Когда

доброй стихотворецъ трудныя и сокровенныя дѣла въ стихахъ своихъ открываетъ, а неизвѣстную матерїю затмѣваетъ излишними околичностьми, какъ то обыкновенно плохїе писатели дѣлаютъ.

Ст. 209. и 210. *Коль страшенъ Антифатъ и Сцилла въ безднѣ скрыта, ужасенъ Полифемъ* и проч.) Чрезъ *Антифата* разумѣютъ Лестригоновъ, жителей Формїанскихъ въ Кампанїи, которые человѣческими тѣлами питались, въ числѣ коихъ былъ Антифатъ, Ламовъ сынъ, построившїй городъ *Формїи*. *Сцилла* была дочь Форцїева, превращенная въ камень ужасной величины, которой близко подъѣжжающимъ къ нему женской видъ представляетъ, а ударяющїяся объ оной вóлны издаютъ шумъ похожей на вытье волковъ и лаянїе псовъ. *Полифемъ* у Гомера и Виргилїя есть Циклопъ, или лучше сказать, остроумный человѣкъ, коего однако хитростїю Улиссъ превзошелъ. *Харибда* весьма опасная морская пучина, все, что ни попадетъ, въ себя поглощающая.

Ст. 211. *Начало повѣсти не издали ведетъ*) Тотъ, кто описываетъ Троянскую войну, весьма худо начинаетъ повѣсть свою съ онаго времени, въ которое Юпитеръ

Когда же дядькина гроза со всѣмъ минетъ,
И молодеческихъ ужѐ достигнетъ лѣтъ;
Охотникъ до коней, гонятся съ псами въ полѣ
За дикими звѣрьми, и по своей жить волѣ,
О пользѣ нерадивъ, къ порокамъ склоненъ, твердъ,
И къ увѣщателямъ своимъ жестокосердъ,
Роскошенъ, прихотливъ, вещей высокихъ чаетъ,
Чего сперьва желалъ, то послѣ презираетъ.
Кто въ мужество пришелъ, и разумомъ сталъ здравъ,
Иныя склонности, иной имѣетъ нравъ,
Снискать богатства, честь и дружество надежно,
Печется, чтобъ прожить могъ вѣкъ свой безмятежно,
Не хочетъ ничего такого учинить,
О чемъ бы послѣ могъ раскаявшись тужить.
Но старость большее наводитъ беспокойство,
богатства собирать въ ней главное есть свойство.
И ночь и день старикъ все думаетъ про то,
Что бы не издержать полушки ни на что,
Слабъ въ дѣлѣ и нескоръ, пожить еще желаетъ,
Хотя ужъ смотритъ въ гробъ, но на вѣкъ запасаетъ,
Откладываетъ все впередъ, и всѣхъ журитъ,
И что ни здѣлаешь, не такъ, онъ говоритъ,
Прошедши хвалитъ дни, воспоминая дѣтство,
А настоящее считаетъ все за бѣдство.
Счунаетъ молодыхъ, не хвалитъ никово,
И хочетъ, что бы всякъ все дѣлалъ по ево.
По тѣхъ поръ свѣтъ намъ милъ, пока еще мы въ силѣ,
Постыло больше тѣмъ, чемъ ближе кто въ могилѣ,
По дѣтски старика играть не заставляй,
И юношескихъ свойствъ мужамъ не придавай.

ВЪ

въ образѣ лебедя съ Ледою, матерью начать отъ похищенія Елены Па-
Елены, совокупился; а лучше оную рисомъ.

Въ пристойныхъ званiяхъ всякъ долженъ обращаться,
И смотря по лѣтамъ въ чужiя не вступаться.
Иное явно всѣмъ обычай представлять,
Иноежъ краткими словами объявлять.
Хоть меньше чувствуемъ, что здѣлалось заочно,
Какъ то, что сами мы глазами видимъ точно;
Но естьли дѣйствiя такой случится родъ,
Отъ коегобъ глаза весь отвратилъ народъ,
То лучше не казать позорища такова,
Сказавъ, что втай збылось, не повторяя снова.
Когда Медею я въ крови своихъ дѣтей
Увижу, либо что въ котлѣ варитъ Атрей
Племянниковъ своихъ младенческiе члены,
Иль Кадма съ Прогною плачевныя премѣны,
Что Прогна въ птицу, Кадмъ въ скорпiю превращенъ,
Не вѣря буду я отъ ужаса смущенъ.
Пять дѣйствiй содержать слогъ долженъ непремѣнно,
Чтобъ всѣ въ немъ случаи представить совершенно.
боговъ не представляй безъ нужды никакихъ,
Коль можно разорвать всѣ трудности безъ нихъ.

270. *Иль Кадма съ Прогною плачевные примѣры*) Кадмъ былъ супругъ Гермiоны, дочери Марса и Венеры, которой за убiенiе дракона, посвященнаго Марсу, превращенъ въ скорпiю. Отъ посѣянныхъ зубовъ онаго дракона, по баснословiю древнихъ, родилось цѣлое вооруженное войско. Инако повѣствуется, что Фениксъ и Кадмъ были братья, изъ коихъ послѣдней былъ весьма противенъ Меркурiю, и для того онъ коснувшись до него своимъ жезломъ превратилъ его въ змѣю. *Прогна*, Пандiона, Аѳинейскаго Царя; дочь, а Терея Ѳракiйскаго жена, превращена была въ ласточку за то, что она сына своего Итиса отцу въ снѣдь представила. Такихъ примѣровъ за чрезвычайностiю и невозможностiю оныхъ зрителямъ представить не льзя, и для того надлежитъ ихъ только читать въ комедiи.

Ст. 275. *Боговъ не представляй безъ нужды никакихъ*) То есть, бо-

Три должны говорить персоны межъ собою,
Коль есть четвертая, то будь при нихъ нѣмою.
Хоръ только весь одну персону представляй,
И ничего среди явлений не мѣшай,
Чтобъ было дѣйствїю прошедшему противно,
Но связь веди во всемъ къ концу безперывно:
Все званїе его въ томъ состоитъ одномъ,
Желать тому добра, нѣтъ гордой злобы въ комъ,
Друзьямъ давать совѣтъ, мягчить гнѣвъ раздраженныхъ,
И крѣпко защищать невинно огорченныхъ,
Воздержность похвалять, законъ и правоту,
И миръ, вселенныя едину красоту,
И тайны сохранять, молить боговъ всемощныхъ,
Чтобъ гордыхъ свергнули, возвысивъ непорочныхъ.
Свирѣль сперва не такъ какъ въ наши времена
Похожа на трубу и мѣдью скрѣплена,
Но тонкая была, изъ малыхъ состояла
Нарочныхъ дирочекъ, чтобъ хору припѣвала.
Хоть было зрителей не много тамъ числомъ,
Но правду всѣ блюли въ незлобїи святомъ,
Когдажъ народъ свой простеръ побѣды далѣ,
И градъ распространилъ, что тѣсенъ былъ въ началѣ,
Спокойствомъ пользуясь сталъ въ роскоши впадать,
И праздничные дни въ пирахъ препровождать;

Съ

товъ не вводи въ комедїю, развѣ въ случаѣ какого либо пособїя или наказанїя, или когда представляется такое дѣло, которое безъ ихъ споспѣшествованїя въ дѣйство произведено быть не можетъ; Также и въ такомъ случаѣ присудствїе божества полагать должно, ежели дѣло столь трудное случится, что его инако протолковать не льзя. Напримѣръ Турнъ вошелъ въ Троянской станъ, и многихъ побилъ; а по колику оное не вѣроятно, чтобъ одинъ человѣкъ все то здѣлать могъ, то есть, побить многихъ, то стихотворецъ, которой, объ ономъ пишетъ, присовокупилъ еще къ тому что ему, то есть, Турну, Юнона силу и бодрость духа подавала.

Съ тѣхъ поръ и бо́льшая краса въ стихи вступила,
И прежней музыка звукъ грубой отмѣнила.
Незнающей народъ и праздной отъ труда,
Не могъ не похвалить сей вольности тогда,
Взирая, что сїе судьямъ, дворянамъ знатнымъ
Достойнымъ зрѣнїя казалось и прїятнымъ.
Тогда и музыкантъ, кой только зналъ играть,
Въ богатомъ платьѣ сталъ подъ флейтой танцовать,
И умноженьемъ струнъ звукъ Арфы увеличенъ,
И смысла быстротой введенъ слогъ необыченъ,
Что предсказанїемъ и пользой важныхъ дѣлъ
Съ отвѣтомъ божескимъ подобїе имѣлъ.
Трагедїю творецъ публично представляя,
Нимало важности ея не умаляя,
Шутливымъ Сатиромъ межъ дѣйствїй выбѣгалъ
И важность прежнюю съ забавою мѣшалъ,
Чтобъ, по отданїи богамъ хвалы довольной,
Упившейся виномъ народъ и своевольной
Прїятной новостью еще увеселить,
И за труды козла въ награду получить.
Я Сатиру шутить охотно позволяю,
Лишь только въ томъ ему предѣлы полагаю,
Чтобъ, естьли въ прежнихъ онъ былъ дѣйствїяхъ Герой,
Иль божїй видъ носилъ въ порфирѣ золотой,

Не

Ст. 315. *Шутливымъ Сатиромъ межъ дѣйствїй выбѣгалъ*) То есть, Трагикъ. Стихотворецъ чрезъ сїе показываетъ; что изъ *трагедїи* въ новѣйшїя времена произошла *сатира*.

Ст. 320. *И за труды козла въ награду получить*) *Козла* древнїе давали въ награжденїе Трагическимъ персонамъ, отъ котораго *трагедїя* названїе свое получила; по тому что Греческое слово τράγος (*трагосъ*) значитъ козла.

Не сбился наконецъ на подлой слогъ и гнусной,
Которымъ говоритъ сапожникъ не искусной,
Иль низкихъ бѣгая и всенародныхъ словъ,
Не взнесся пышностью пустой до облаковъ.
Какъ пляшетъ въ праздничны дни женщина честная,
Ни важности своей ни чести не теряя,
Такъ между Сатировъ трагедія должна
Учтива быть въ словахъ пріятна и важна.
Когда бы въ Сатирахъ хотѣлъ я обращаться,
То сталъ подлыхъ бы словъ и гнусныхъ опасаться,
Ниже отъ Трагика такъ былъ бы отмѣнитъ,
Что бы не разсуждать о томъ, кто говоритъ?
Служанка подлая, и рабъ подъ видомъ вѣрной,
Что ввелъ въ долги господъ услугой лицемѣрной?
Иль важное лице, каковъ былъ тотъ Силенъ,
Которымъ бахусъ самъ изъ дѣтства наученъ.
Знакомую всѣмъ вещь такъ вымысломъ устрою,
Что будутъ разсуждать другіе межъ собою:
Мы сами равнаго моглибъ успѣха ждать,
Когда бы время въ томъ хотѣли потерять;
Но дѣломъ испытавъ всякъ много пролилъ пота,
И тщетнобъ наконецъ пропала вся работа.
Толь много отъ того зависитъ слога честь,
Чтобъ вѣдать, какъ въ честной порядокъ рѣчь привесть?
Въ лѣсу рожденный Фавнъ и взросшій межъ горами,
Не долженъ нѣжиться такъ мягкими словами,

Какъ

Ст. 338 и 339. *Иль пажное лице, какопъ былъ тотъ Силенъ, которымъ Бахусъ* и проч.) Силенъ былъ бахусовъ воспитатель или учитель; а бахусъ почитался у древнихъ богомъ веселія и пьянства, по тому что онъ изобрѣлъ вино и пиво, какъ Діодоръ Сицилійскій о томъ объявляетъ. Въ жертву ему приносили быка и козла.

Ст. 349 и 350. *Въ лѣсу рожденный Фапнъ . . . Не долженъ нѣжиться* и проч.) *Фапны* у римлянъ лѣсные боги, коихъ началь-

Какъ будто бы онъ былъ воспитанъ межъ людьми ;
Но напротивъ того и острыми рѣчьми
Не наноситъ другимъ безчестья и досады ,
Не можетъ за сїе ждать лучшей онъ награды ,
Какъ только зрителей лишь къ гнѣву побудитъ ,
Изъ коихъ всякъ его хвалою не почтитъ.
Стопа , , что Ямбъ слыветъ , два слога заключаетъ ,
Начавшись съ краткаго протяжнымъ бѣгъ кончаетъ.
Для скораго въ стопахъ теченїя сей стихъ
Тримѣрнымъ стали звать , хоть шесть въ немъ ровно ихъ,
Которыя сперва всѣ одинаки были ,
Но послѣ и Спондей межъ ихъ творцы вмѣшили ,
Чтобъ онъ протяжностью своею всякой слогъ
Тѣмъ лучше важнѣйшимъ представить слуху могъ ;
Вторая лишь стопа съ четвертой презираютъ ,
И мѣста своего ему не уступаютъ.
Хоть Акцїя всего и Еннїя прочтешь ,
Спондеевъ въ сихъ мѣстахъ не много ты найдешь.

X Мѣшать-

никъ *Панъ* ; по Гречески *Сатирами* именовались. Горацїй говоритъ, что сатирикъ не долженъ употреблять учтивыхъ и замысловатыхъ шутокъ , но самыя простыя , коими бы не могъ онъ никому нанести безчестїя и досады. *Въ лѣсу рожденный* для того, что для сатирическаго рода театральныхъ дѣйствїй театръ раздѣленъ и украшенъ былъ древами, пещерами , горами и аллеями на подобїе сада. При семъ вѣдать надлежитъ , что въ древнїя времена были три рода театральныхъ украшенїй , а именно первое *Трагическое* , которое состояло въ великолѣпныхъ столпахъ , высокихъ зданїяхъ и царскихъ признакахъ : Другое *Комическое* , которое имѣло видъ приватныхъ и простыхъ зданїй и проспектовъ , окнами раздѣленныхъ : Третїе *Сатирическое* , о которомъ теперь упомянуто. Во время Сатирическихъ представленїй дѣйствующїя лица въ образѣ Сатировъ выбѣгали на театръ изъ окружающихъ оной и нарочно вокругъ оставленныхъ лѣсовъ и горъ.

Ст. 367. *Хоть Акцїя всего и Еннїя прочтешь*) *Акцїй* былъ Трагической стихотворецъ, коего Квинтилїанъ сравниваетъ съ Пакувїемъ, въ разсужденїи остроумныхъ его вы-

Мѣшаться съ Ямбами въ Трагедіяхъ Спондею,
Какъ хочетъ кто другой, позволить я не смѣю:
Всякъ будетъ мнить, что ты иль тщаться не хотѣлъ,
И наскоро слагалъ, иль лучше не умѣлъ.
Неправильность въ стихахъ не всякой видитъ ясно,
И многіе изъ нихъ похвалены напрасно;
Но долженъ ли же я всегда въ надеждѣ той
Писать, какъ хочется, по волѣ все слѣпой?
Нѣтъ, должно разсуждать, что будутъ всѣ пороки
Усмотрѣны во мнѣ, и примутъ судъ жестокій.
И хоть бы зналъ, что мнѣ простятъ мою вину,
Однакъ не допускать, чтобъ быть обличену.
Но и сіе хотя я наблюдалъ бы строго,
Хулыбъ лишь избѣжалъ, хвалы снискалъ не много.
Вы Греческихъ Піитъ читайте всякой часъ,
Коль съ Пиндаромъ взлетѣть хотите на Парнассъ.
Что наши прадѣды хвалили въ Плавтѣ шутки,
И слушали его стихи чрезъ цѣлы сутки,
Я не отважусь въ томъ ихъ глупыми назвать,
Но меньше должно бы имъ Плавту въ томъ ласкать,

КакЪ

раженій и важныхъ мыслей; а *Енній* сверьхъ разныхъ его комедій, трагедій, и сатиръ описалъ также Героическими стихами вторую Карѳагенскую войну, изъ коей нѣкоторые только остатки находятся у Цицерона, Геллія, Макробія и протчихъ.

Ст. 384. *Коль съ Пиндаромъ взлетѣть хотите на Парнассъ*) *Пиндаръ*, Ѳивской стихотворецъ, жилъ во время Ксеркса, Царя Перскаго, и въ числѣ девяти славныхъ Лирическихъ стихотворцевъ перьвымъ въ Греціи почитался.

Ст. 385. *Что наши прадѣды хвалили въ Плавтѣ шутки*) *Плавтъ*, древней Комической стихотворецъ, жилъ въ Римѣ въ то время, когда Публій Сципіонъ и Маркъ Катонъ прославились. Изъ сочиненій его до нашихъ временъ осталось дватцать комедій.

Какъ естьли самъ себѣ я въ томъ повѣрить смѣю,
Что шутку распознать отъ грубости умѣю,
И чувствовать могу, или по пальцамъ счесть,
Гдѣ лишняя стопа въ стихѣ, гдѣ ровно шесть.
Коль можно вѣрить въ томъ другимъ, изобрѣтатель
Трагедїй Ѳеспись былъ, и первѣйшїй писатель;
Которой и сїе обыкновенье ввелъ,
Чтобъ ѣздя игроки на роспускахъ вкругъ селъ,
И вымаравъ лице въ дрождяхъ стихи читали,
И людямъ дѣйствїя различны представляли.
Но Эшилъ наконецъ Театръ постановилъ,
И маскою лице отъ зрителей закрылъ,
Въ одежду долгую и сапоги высоки
Убравшись, въ разговоръ ввелъ замыслы глубоки.
Потомъ комедїя старинна найдена,
И многой похвалой сперва ободрена;
Но вольность укоризнъ несносна стала многимъ,
И выданъ былъ указъ подъ запрещеньемъ строгимъ;
Съ тѣхъ поръ въ комедїяхъ хоръ вѣчно замолчалъ,
И больше зрителямъ ужѐ не досаждалъ.
Пїиты Римскїе о всемъ почти писали,
И много въ томъ себѣ почтенїя снискали,
Которы Греческихъ оставивъ слѣды дѣлъ,
Осмѣлились писать, какъ городъ Римъ процвѣлъ,

Ст. 393 и 394. *Коль можно вѣрить въ томъ другимъ, изобрѣтатель трагедїй Ѳесписъ былъ*) Ѳесписъ, родомъ Аѳинянинъ, первой началъ писать трагедїи и какъ о немъ повѣствуютъ, прежде порядочнаго поврежденїя театральныхъ игръ, читалъ оныя, ѣздя по селамъ на телѣгѣ.

Ст. 399. *Но Эшилъ наконецъ Театръ постановилъ*) Эшилъ, Греческой стихотворецъ, первой изобрѣлъ театральные уборы. Изъ сочиненныхъ имъ трагедїй шесть только осталось.

Или дѣла особъ великихъ по природѣ,
Иль то, что лишь въ простомъ примѣтили народѣ.
И многобъ славнѣе во всей вселенной Римъ
Былъ слога красотой, какъ мужествомъ своимъ,
Когда бы скучная поправка не мѣшала,
И медленность труда Піитъ не отвращала.
Лишенъ хвалы тотъ стихъ, кой съ потомъ и трудомъ
Не выправленъ сто разъ притупленнымъ перомъ.
Демокритъ правило и трудъ зоветъ безплоднымъ,
Когда кто разумомъ не одаренъ природнымъ.
И что какъ восхищенъ восторгомъ долженъ быть,
Кто къ стихотворчеству желаетъ приступить.
Для сихъ причинъ изъ насъ иной пренебрегаетъ
Всю внѣшню чистоту, ногтей не обстригаетъ,
Не брѣетъ бороды, дичится отъ людей,
И бань не знаетъ вѣкъ, въ грязи хоть до ушей,
Онъ будто прослыветъ Піитомъ превеликимъ,
Что звѣремъ здѣлавшись изъ человѣка дикимъ,
Густую бороду до самыхъ пуститъ пятъ,
Самъ будучи козла глупяе въ десять кратъ.
О какъ я своего самъ щастія не знаю,
Что желчь по всякой годъ лѣкарствомъ выгоняю,
Черезъ которую въ безумье я бы впалъ,
И тѣмъ бы лучше всѣхъ стихи свои слагалъ!

Но

Ст. 421. *Демокритъ правило и трудъ зоветъ безплоднымъ*) *Демокритъ* былъ Философъ, послѣдователь Эпикурова ученія, и весьма искусной испытатель натуры. Для наблюденія натуральныхъ вещей, и для избѣжанія въ томъ всякаго препятствія оставя свои деревни и пашни удалился онъ въ лѣсъ; по чему за сумозброда почтенъ былъ. *Гиппократъ* будучи посланъ для его пользованія, и поговоривъ съ нимъ, призналъ его весьма премудрымъ, а тѣхъ, кои его безумнымъ почитали, невѣжами.

Но коль достоинъ я былъ всякаго бы смѣху,
Когдабъ въ однихъ стихахъ желая лишь успѣху,
Нарочно для того хотѣлъ съ ума сойти,
И самовольно жизнь въ опасность привести?
Коль правда то, пусть я оселку въ томъ подобенъ,
Желѣзо кой остритъ, самъ рѣзать не способенъ;
И ничего хотя писать не буду самъ,
Но пра́вила другимъ полезныя предамъ,
И тѣ способности и средствїя открою,
Какъ знанїе снискать въ Поэзїи съ хвалою,
Что къ стати въ ней, что нѣтъ; коль нужно наблюдать,
Чтобъ пра́вила хранить, пороковъ убѣгать.
Чтобъ основательно кто могъ писать и право,
То должно разсуждать о всякой вещи здраво.
Мате́рїю о всемъ у Сократа найдешь,
Къ матерїи слова̀ нетрудно приберешь.
Кто знаетъ должности сродствомъ къ соединеннымъ,
Къ отечеству, къ друзьямъ, къ пришельцамъ отдаленнымъ,
И званїе вождя, министра и судьи,
Тотъ нравы всякому умѣетъ дать свои.
Смотря на житїе и нравы всѣхъ различны,
Пусть вымыслитъ Пїитъ слова̀ къ тому приличны.
Случалось и сїе, я помню, много разъ,
Что слогъ безъ замысловъ простой и безъ прикрасъ,
Но только общими размноженной мѣстами,
И нравы точными являющей словами
Могъ больше усладить всего народа умъ,
Какъ тщетная краса, и тщетной только шумъ.
Одной желающимъ лишь только Грекамъ славы,
И красной муза слогъ дала и разумъ здравый.

Но Римски юноши надъ тѣмъ сидятъ однимъ,
Изъ гроша по чему дать должно пятерымъ.
И естьли кто изъ нихъ отвѣтъ дастъ сей загадкѣ,
Что вычетши изъ двухъ одну одна въ остаткѣ,
Или что будетъ пять, коль три съ двумя сложить,
Всякъ скажетъ, есть въ немъ путь, умѣетъ домомъ жить.
Но буде ржа сія однажды въ насъ вселится,
И въ мысли лакомство несыто вкоренится,
То можноль намъ того успѣха ожидать,
Чтобъ вѣчности стихи достойные слагать.
Піиты научить иль усладить желаютъ,
Иль вмѣстѣ все сіе они соединяютъ.
Но должно правила коротко предлагать,
Чтобъ долѣ помнить ихъ и лучше перенять.
Рѣчь плодовитая тотъ вредъ умамъ наводитъ,
Что мало походя изъ памяти выходитъ;
Забавной вымыселъ будь съ истинною схожъ,
Не жди, чтобъ всякую почли за правду ложь.
Чтобъ отрокъ съѣденой былъ вынятъ живъ изъ чрева,
Какой дуракъ тебѣ повѣритъ въ томъ безъ гнѣва.
Полезной слогъ однимъ угоденъ старикамъ,
Младые склоннѣе къ забавнымъ лишь стихамъ;

Но

Ст. 467 и 468. *Но Римски юноши надъ тѣмъ сидятъ однимъ, Изъ гроша по чему* и проч.) Римскіе юноши въ молодыхъ лѣтахъ обучались щетнымъ дѣламъ, имѣя безмѣрную склонность къ сребролюбію.

Ст. 473. *Но буде ржа сія однажды въ насъ вселится*) Слово *ржа* употреблено здѣсь вмѣсто *сребролюбія*, которое въ дѣтскихъ умахъ есть великая зараза.

Ст. 475 и 476. *То можноль намъ того успѣха ожидать, чтобъ* и проч.) То есть, когда сребролюбіе изъ самаго дѣтства вкоренится въ сердцахъ Римлянъ, возможноль надѣяться, чтобъ они умѣли слагать стихи достойные разумныхъ сочинителей.

Но обще будетъ всѣмъ сїе въ Пїитѣ нравно,
Когда напишетъ онъ полезно и забавно;
Такой слогъ за море съ прибыткомъ продавцу
Развозятъ, и чинятъ честь вѣчную творцу.
Хотяжъ погрѣшность въ немъ какая и случится,
Однако можетъ онъ не трудно извиниться.
Коль часто музыкантъ прошибшись зазвенѣлъ
Не въ ту, въ которую струну сперва хотѣлъ,
И вмѣсто тонкаго съ густаго началъ звука,
Охотникъ не всегда умѣтилъ въ цѣль изъ лука.
Когда я большу часть въ комъ добраго сыщу,
Охотно малыя погрѣшности прощу,
Которы написалъ или неосторожно,
Иль было избѣжать того отнюдъ не можно.
Но естьли усмотрю пороковъ больше въ немъ,
То будетъ Херилу подобенъ онъ со всѣмъ,
Въ которомъ мѣста два за стройность похваляю,
За третье гнѣваюсь, смѣюсь и охуждаю.
Писецъ, кой десять разъ за опись осужденъ,
Коль въ томъ же погрѣшитъ, прощенья сталъ лишенъ,
И смѣха музыкантъ считается достойнымъ,
Кой звукомъ всякому наскучилъ ужъ нестройнымъ.

Хоть

Ст. 495. *Коль часто музыкантъ и проч.*) Горацій сравниваетъ замыслы стихотворческіе съ тономъ музыки и стрѣлянїемъ изъ лука, говоря: Какъ струна гуслей не всегда издаетъ желаемой звонъ, но иногда глуше, а иногда громче, и какъ стрѣлокъ не всегда можетъ точно попадать въ цѣль; такъ и стихотворцы не всегда имѣютъ способность и удачу писать и вымышлять все, чтобъ ни захотѣли.

Ст. 504. *То будетъ Херилу подобенъ онъ со всѣмъ*) Худой стихотворецъ весьма много медлитъ, которой въ рѣчахъ плодовитъ, но несмысленъ; тотъ напротивъ того поспѣшенъ и удачливъ, которой пишетъ кратко, но похвально. *Херилъ*, негодной стихотворецъ, описывая дѣла Александра великаго написалъ только семь стишковъ изрядныхъ, коему Александръ сказалъ, что онъ лучшебъ желалъ

Хоть правда и Гомеръ самъ дремлетъ иногда,
Но въ немъ простительно для долгаго труда.
Стихи, какъ живопись, одна вблизи красива,
Другая изъ-дали достойна мнится дива.
Одна лишь темноту, другая любитъ свѣтъ:
Котора похвалы себѣ на смотрѣ ждетъ,
Одна изъ нихъ сперва понравится однажды,
Другую предпочтетъ, когда ни взглянетъ, каждый.
Тебѣ я говорю, которой старшинствомъ
Межъ братьями почтенъ, искусствомъ и умомъ:
Хоть ты и отъ отца ученъ, и самъ собою
Въ Поэзіи успѣлъ съ немалою хвалою,
Однакъ за лишнее того не почитай,
Что я тебѣ скажу, но помни и внимай:
Въ извѣстныхъ случаяхъ посредственность лишь сносна,
Въ другихъ противъ того безчестна и поносна.
Хоть стряпчей говоритъ не такъ красно въ судѣ,
Какъ Мессалъ, кой за слогъ толь славится вездѣ;
Хотя Юриспрудентъ указовъ меньше знаетъ,
Какъ сколько на изусть Касселій прочитаетъ;
Однакожъ хвалятъ ихъ обѣихъ и за то,
И совершенства въ нихъ не требуетъ никто.
Пїитъ противъ того не можетъ быть почтеннымъ,
Когда со всѣхъ сторонъ не будетъ совершеннымъ.

Межъ

быть Гомѣровымъ Ѳирситомъ, нежели его Ахиллесомъ.

Ст. 519. *Тебѣ я говорю, которой старшинствомъ* и проч.) разумѣетъ Пизона, большаго брата.

Ст. 527, и слѣд. по ст. 619. *Хоть стряпчей говоритъ не такъ красно въ судѣ, какъ Мессалъ* и проч.) То есть, посредственность только въ нѣкоторыхъ случаяхъ сносна, какъ напримѣръ естьли бы какой Юристъ и не былъ столь велерѣчивъ, каковы были Мессала и Касселій, но только бы посредственное знаніе въ правахъ имѣлъ, то однако за то хулить его не должно. Равнымъ образомъ и посредственнаго стихотворца сносить можно. *Мессала* былъ великой риторъ, а *Касселій* искусной Юристъ.

Межъ сладкихъ кушаньевъ отбрасываетъ всякъ
Неблаговонну мастъ, и съ горькимъ медомъ макъ;
Гнушается сердясь нестройною музыкой,
За тѣмъ, что не́-было тамъ нужды въ томъ великой.
Такъ и Пїита слогъ рожденный для того,
Чтобъ мысли услаждать прїятностью его,
Хоть мало не дойдетъ, чтобъ первымъ почитаться,
То будетъ принужденъ въ послѣднихъ онъ остаться.
Коль упражненїй кто не знаетъ полевыхъ,
Тотъ не примается въ посмѣхъ другимъ за нихъ;
Кто кубаремъ, мячемъ, кружкомъ играть не знаетъ,
Тотъ въ оныя отнюдъ забавы не вступаетъ,
Чтобъ за дурачество народъ не осмѣялъ,
Что тѣмъ не знаючи похвастовать желалъ.
Одни писать стихи никто лишь не стыдился,
Хотябъ Поэзїи онъ съ роду не учился.
Резонъ: Я дворянинъ, свободный человѣкъ,
богатъ съ излишествомъ, и честно прожилъ вѣкъ.
Но ты, кой одаренъ разсудкомъ благороднымъ,
Не силься вопреки способностямъ природнымъ.
Извѣдать хочешь силъ своихъ въ стихахъ, сложи,
Но прежде Метїю иль мнѣ ихъ покажи,
И долго не давай въ народѣ ихъ разславить,
Чтобъ можно было тѣмъ свободнѣе исправить.
А естьли какъ нибудь ихъ выпустишь на свѣтъ,
То поздо вскаешься, словамъ возврату нѣтъ.
Стихами отвратилъ народъ отъ звѣрства дикїй
И страшныхъ межъ собой убїйствъ Орфей великїй.

Ст. 556. *Но прежде Метїю иль мнѣ ихъ покажи)* Метїй Тарла былъ великой критикъ, которой всякїя стихотворенїя свидѣтельствовалъ.

Ст. 561 и 562. *Стихами отвра-*

И отъ сего пошла баснь, будто усмирилъ
Онъ неприступныхъ львовъ, и тигровъ укротилъ;
И будто Амфіонъ, кой Ѳивы градъ построилъ,
Какъ нѣжнымъ голосомъ пріятность струнъ удвоилъ,
Мягчилъ и приводилъ въ движенье горъ сердца̀,
И велъ куда хотѣлъ послушныхъ до конца.
Такъ древность грубую и дикую съ нача́ла,
Піитъ отмѣнная премудрость научала,
Какъ собственную вещь отъ общей раздѣлить,
Священну отъ мирской почтеньемъ отмѣнить,
Указомъ запретить смѣшенье беззаконно,
Невѣжество козлу что прежде было склонно,
Закономъ обуздать, построить города̀,
Супруговъ удержать въ союзѣ отъ блуда.
Сія была тому причина несумнѣнно,
Что имя здѣлалось Піитъ у всѣхъ почтенно.
Потóмъ насталъ Гомеръ, и славной тотъ Тиртей,
Стихами кой разжегъ на брань сердца̀ мужей.

Сти-

тилъ народъ отъ звѣрства дикій - - - Орфей и проч.) Объ Орфѣ извѣстна баснь сія, что онъ столь пріятно игралъ на музыкѣ, что весьма сладкимъ согласіемъ оной побуждалъ слѣдовать за собою лѣса̀, и укрощалъ львовъ и тигровъ, по колику онъ, будучи весьма премудръ, благоразуміемъ своимъ грубые и звѣрскіе нравы дикихъ народовъ превратилъ въ кроткіе, и гнусное ихъ житіе въ благопристойное обхожденіе.

Ст. 565. *И будто Амфіонъ, кой Ѳивы градъ построилъ*) Кадмъ построилъ Ѳивы, которые Амфіонъ оградилъ стѣною. *Амфіонъ* и *Зиѳъ* были два брата, изъ коихъ перьвой весьма премудрымъ почитался. Стихотворцы по той же причинѣ баснословятъ и о немъ, что онъ играніемъ на лирѣ двигалъ съ мѣстъ камни, и велъ оныя, куда хотѣлъ.

Ст. 579. *Потомъ насталъ Гомеръ, и славной тотъ Тиртей*) Гомеръ и Тиртей стихами своими возбудили къ войнѣ храбрыя сердца̀ Героевъ, перьвой описывая славную войну между Греками и Троянами, а другой какъ сложеніемъ стиховъ такъ и мудрыми совѣтами во время

Стихами и судьбу опослѣ провѣщали,
И пра́вила, какъ жить, другимъ преподавали,
Стихами милости искали у другихъ,
И и́гры найдены, чтобъ былъ трудамъ отдыхъ.
Сїе я для того чиню тебѣ извѣстно,
Чтобъ Стихотворцемъ быть ты не почелъ безчестно.
Природѣль долженъ даръ Пїита приписать,
Иль можно всякому трудомъ его сыскать,
Давно ужъ идетъ споръ: Я мню, что и природна
Способность безъ труда, и склонность вся безплодна;
Когда природа съ ней не соединена,
Не можетъ безъ другой особь стоять одна.
Кто хочетъ побѣждать въ бѣгу другихъ съ хвалою,
Тотъ сласти попиралъ въ младенчествѣ ногою,
Изъ дѣтска привыкалъ къ морозу и жарамъ,
И тѣло предавалъ несноснѣйшимъ трудамъ.
Кто въ честь Аполлона играетъ въ флейту нѣжно,
Учился прежде тотъ у мастера прилѣжно.
Здѣсь я скончаю рѣчь. Себя всякъ хвалитъ самъ,
Натура родила меня къ однимъ стихамъ;
Кто хуже всѣхъ изъ насъ стихи свои слагаетъ,
За глупость тотъ пускай съ коросты пропадаетъ,

брани, происходившей между Лакедемонянами и Эссенїанами: Ибо онъ сочинивъ Героическїе стихи возжегъ оными сердца Лакедемонянъ такъ, что они дерзновенно въ сраженїе вступили.

Ст. 593 и 594. *Кто хочетъ побѣждать въ бѣгу другихъ съ хвалою, тотъ сласти попиралъ* и проч.) разумъ сихъ стиховъ есть сей: Кто старается достигнуть славы, тотъ много сносить и дѣлать долженъ, а именно потѣть, терпѣть стужу, бдѣть, отъ вина и мерской похоти воздержаться, и проч.

Я передъ прочими послѣднимъ быть стыжусь,
Не смышлю ничего, однакъ не признаюсь.
Какъ вѣстникъ кличетъ всѣхъ, чтобъ распродать товары,
Богатой такъ льстецамъ Пїитъ сулитъ дать дары;
Но можетъ ли льстеца отъ друга распознать,
Кто силенъ на судѣ другова защищать,
За скуднаго въ долгахъ великихъ поручиться,
Держать богатой столъ, и съ знатными водиться.
Но ты хоть отъ другихъ подарокъ получишь,
Или самъ что нибудь другому посулишь;
То не кажи стиховъ своихъ надеждѣ жадной,
И вѣдай напередъ, что скажетъ, ахъ изрядно!
Онъ съ дива изумленъ явится какъ нѣмой,
Заплачетъ съ радости, ударитъ въ полъ ногой.
Какъ тѣ, что нанялись до самыя могилы
По мертвомъ изо всей рыдать и рваться силы,
Гораздо съ бо́льшею надсадою кричатъ,
Какъ нежель мать его, сестра, отецъ и братъ;

Такъ

Ст. 603. *Я передъ протчими послѣднимъ быть стыжусь*) Говоритъ въ лицѣ худаго стихотворца, которой не имѣя ни малаго знанїя въ стихотворной наукѣ, хочетъ быть почитаемъ въ числѣ Пїитовъ, и не стыдится о себѣ говорить, что онъ можетъ знать и то, чему не учился.

Ст. 605 и 606. *Какъ вѣстникъ кличетъ всѣхъ, чтобъ распродать товары, богатой такъ* и проч) Какъ биричь скликаетъ народъ для покупки товаровъ и конфискованныхъ вещей; такъ богатой стихотворецъ обѣщанїемъ даровъ приваживаетъ къ себѣ льстецовъ, чтобъ они ему ласкали.

Ст. 611 и 612. *Но ты хоть отъ другихъ подарокъ получишь, Или* и проч.) Говоритъ Пизону, увѣщая его, чтобъ онъ слагая свои стихи не казалъ оныхъ ласкателямъ, но только тѣмъ, кои бы худое въ нихъ исправили, потому что лучше отъ строгаго и добраго стихо-

Такъ и насмѣшники все больше похваляютъ,
Какъ кои искренно изряднымъ называютъ.
Я слышалъ, что Цари нарочно тѣхъ поятъ
До пьяна, дружество извѣдать въ комъ хотятъ.
Примѣромъ наученъ и самъ ты опасайся,
Хвалителямъ стиховъ въ посмѣхъ не отдавайся.
Квинтилїй, естьли что читали передъ нимъ,
Вотъ то и то поправь, говаривалъ онъ имъ;
И буде скажетъ кто: Я десять разъ примался,
Но лучше не возмогъ, и трудъ мой такъ остался,
Тогда совѣтовалъ то во все замарать,
Иль передѣлать вновь, иное выправлять.
Когдажъ заспоритъ кто, что нѣтъ нигдѣ худова,
Нѣтъ нужды никакой переправлять ихъ снова;
Въ покоѣ оставлялъ не тратя словъ своихъ,
Льститъ самому себѣ безъ зависти другихъ.
Разумной человѣкъ стиховъ худыхъ не сноситъ,
Гдѣ грубо, объявитъ, худое прочь отброситъ,
Прикрасы лишнїя прикажетъ онъ отнять,
И темныя мѣста яснѣе написать,
Замѣтитъ тѣ слова, гдѣ можно усумниться,
Гдѣ должно выправить, сказать не полѣнится,
И будетъ Аристархъ; не скажетъ, умолчу,
Я друга въ мѣлочи озлобить не хочу.

творца быть похулену, нежели получить похвалу отъ ласкателя.

Ст. 627. *Квинтилїй, естьли что и проч.*) *Квинтилїй Варъ*, римской стихотворецъ былъ родомъ изъ Кремоны, благодѣтель и другъ Виргилїевъ.

Ст. 643. *И будетъ Аристархъ и проч.*) Подобенъ будетъ Аристар-

А будто мѣлочь то, чтобъ похвалой притворной
Въ стыдъ послѣ привести и смѣхъ у всѣхъ позорной!
Всякъ, въ комъ есть здравой смыслъ, тотъ отъ худыхъ Піитъ
Еще за десять верстъ увидѣвши бѣжитъ;
Такъ, какъ отъ бѣшеныхъ, или отъ прокаженныхъ,
Или опасною болѣзнью зараженныхъ,
Одни лишь отроки, не смысля, что есть вредъ,
По стогнамъ гонятся за ними грудой въ слѣдъ.
Такой стиховъ творецъ вверьхъ упершись глазами,
И смѣха полными рыгаючи стихами,
Когда, какъ птицеловъ, кой птицъ слѣды блюдетъ,
Засмотрится, и самъ въ колодезь упадетъ;
Никто не сжалится, чтобъ вытащить изъ пасти,
Осипнетъ хоть крича, спасите отъ напасти.
Когдажъ бы кто нибудь услышавъ жалкой стонъ
Канатъ къ нему хотѣлъ спустить, и вынять вонъ,
Тобъ я его спросилъ: Но знаешь ли ты точно,
Что онъ безъ умыслу упалъ и ненарочно?
Потомъ бы объявилъ Эмпедокловъ конецъ,
Которой былъ стиховъ въ Сициліи творецъ;

Желая

ху, Критическому грамматисту, которой нѣкоторые Гомеровы стихи для худобы не призналъ оныхъ за его.

Ст. 663. *Потомъ бы объявилъ Эмпедокловъ конецъ)* Эмпедоклъ, Агригентинскій Философъ и стихотворецъ, ученикъ и послѣдователь Епикуровъ, а учитель Горгія Леонтинскаго. Первой какъ о немъ повѣствуютъ, изобрѣлъ риторику. будучи въ меланхолической болѣзни бросился въ огнедышущую гору Этну, въ Сициліи находящуюся.

Желая межъ людьми прослыть бозсмертнымъ богомъ,
Самъ въ Этну волею скочилъ въ безумьѣ многомъ.
Такъ не мѣшай ему, коль хочетъ, пропадать,
Неволею спасать, есть тожъ, что убивать.
Онъ случая искалъ такова многократно:
Хотя бы кто его и вынялъ вонъ обратно,
То человѣкомъ онъ не будетъ ужъ опять,
Но станетъ сызнова погибели искать.
Не вѣдомо за что толь тяжко онъ страдаетъ,
Что о стихахъ и днемъ и ночью помышляетъ;
Отеческой ли гробъ и пепелъ осквернилъ,
Иль будучи не чистъ по тѣмъ мѣстамъ ходилъ,
Которы громовымъ поражены ударомъ,
И къ коимъ молнiя своимъ коснулась жаромъ.
Извѣстно только то, что какъ свирѣпой звѣрь,
Которой выломилъ запоры вонъ и дверь,
Такъ страшенъ для стиховъ и онъ людскому взору,
И заднихъ и встрѣшныхъ всѣхъ гонитъ безъ разбору;

Но

Ст. 673. *Не вѣдомо за что толь тяжко онъ страдаетъ*) Худой Пiитъ тяжко изнуряетъ себя, думая объ однихъ стихахъ днемъ и ночью, такъ, будто бы оными хотѣлъ отбыть отъ наказанiя за какое нибудь злодѣйство.

Ст. 675. *Отеческой ли гробъ и пепелъ осквернилъ* и слѣд. по ст. 679.) здѣсь примѣчать надлежитъ, что у древнихъ за превеликое беззаконiе почиталось, естьли кто надъ гробами родителей своихъ учинитъ какое нибудь неблагопристойное дѣйство. Также и то они за преступленiе вмѣняли, когда кто пройдетъ по тому мѣсту, которое молнiею поражено; ибо по обыкновенiю древнихъ оставшiеся отъ пораженiя молнiею части жрецы съ жертвоприношенiемъ погребали.

Но естьли гдѣ кого догнавши улучитъ,
Читая цѣлой день нещастнаго томитъ,
И мучитъ до того въ бездѣльномъ самомъ дѣлѣ,
Пока отъ скуки въ немъ чуть духъ останетъ въ тѣлѣ.

КОНЕЦЪ.